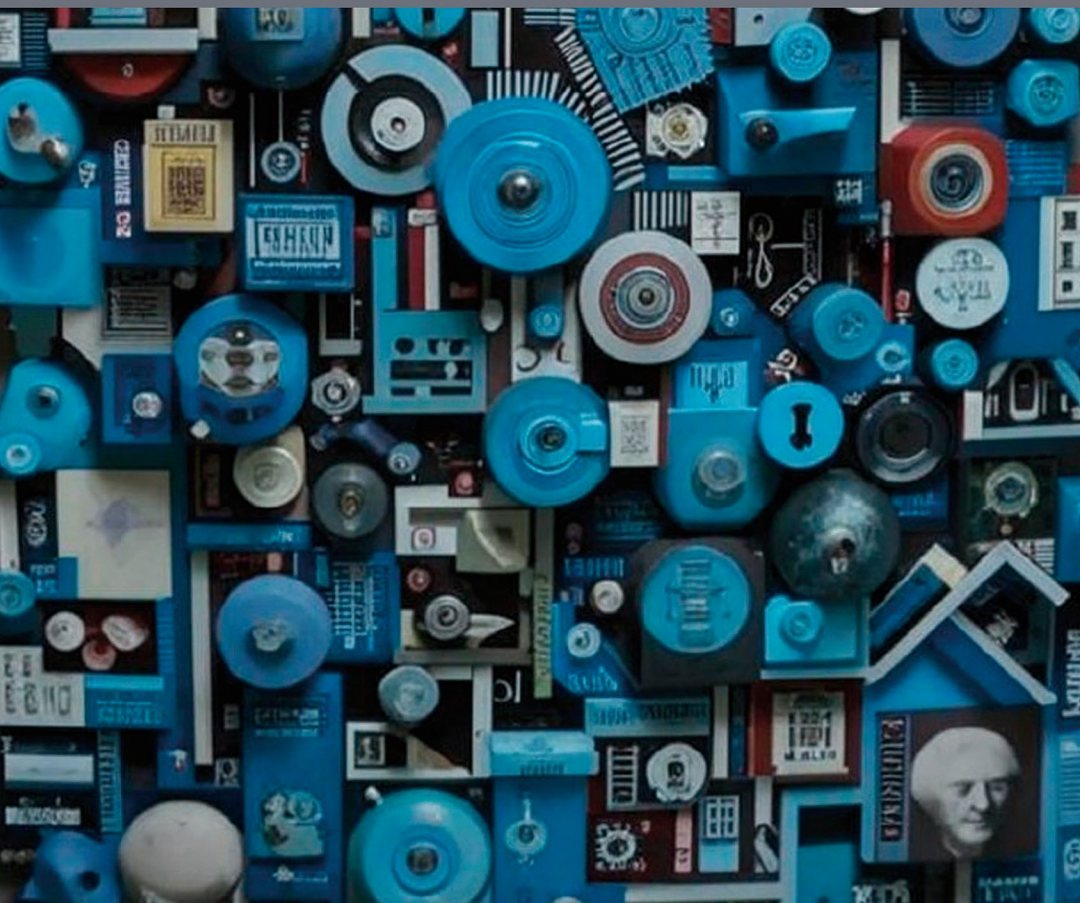

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Монография

Тюмень
ТюмГУ-Press
2023

УДК 81'42
ББК Ш105.51
Ф947

Авторы:

Н. Н. Белозёрова (введение, гл. 5, заключение), *Н. В. Дрожащих* (гл. 3),
Е. В. Купчик (гл. 4), *Л. А. Нефедова* (гл. 1), *А. С. Остапенко* (гл. 5),
И. Н. Ремхе (гл. 1), *В. Д. Табанакова* (гл. 2, 3), *Л. Г. Федюченко* (гл. 3)

Рецензенты:

Т. В. Хвесько — доктор филологических наук, доцент, профессор
Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюмен-
ского государственного университета

Т. М. Кононова — доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры иностранных языков факультета социально-культурных тех-
нологий Тюменского государственного института культуры

Ф947 **Функциональный** поворот в лингвистических исследовани-
ях : монография / Н. Н. Белозёрова, Н. В. Дрожащих, Е. В. Купчик
[и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации, Тюменский государственный университет, Институт
социально-гуманитарных наук. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. —
200 с. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-400-01758-2

Монография раскрывает функциональный поворот в лингвистиче-
ских исследованиях, во многом определивший современные подходы
к анализу языка, текста, дискурса в таких прикладных областях, как
переводоведение, теория обучения, терминоведение, корпусная и ком-
пьютерная лингвистика.

Адресована бакалаврам и магистрантам, обучающимся по про-
граммам прикладной лингвистики и филологии, а также аспирантам,
проводящим исследования по направлениям теоретической и при-
кладной лингвистики.

**УДК 81'42
ББК Ш105.51**

ISBN 978-5-400-01758-2 © Тюменский государственный университет, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ.....	4
ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ.....	18
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОВОРОТЫ В ЛЕКСИКОГРАФИИ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ СЛОВАРНОЙ ФУНКЦИИ К ГИПЕРФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ	57
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА В ИНТЕГРИРОВАНИИ НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	82
ГЛАВА 4. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В «ДИАЛОГАХ С ВЛАДИМИРОМ СПИВАКОВЫМ» С. М. ВОЛКОВА	100
ГЛАВА 5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГЕНЕРИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ.....	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	176
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	198

ВВЕДЕНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Общеизвестно, что функциональные параметры обеспечивают жизнеспособность любой системы. Независимо от характера этих параметров, системообразующих¹, генеративных² или ролевых³, их избыточность или недостаточность вызывает неустойчивость системы. Вышеобозначенное релевантно и для лингвистических систем, таких как язык, текст и дискурс.

Функциональная недостаточность, норма и избыточность обуславливает социокультурную дифференциацию языков, их витальность, а также процессы смешения и дисперсии. При функциональной недостаточности, когда не все жизненные сферы отражены в языке через номинацию, область употребления сужена до бытовой и повседневной. При функциональной

¹ (n) Function

fungk'shun (math.) a quantity so connected with another that any change in the one produces a corresponding change in the other: the technical term in physiology for the vital activity of organ, tissue, or cell. URL: <https://www.finedictionary.com/function> (accessed: 3 June 2023).

² (n) Function

a relation such that one thing is dependent on another «height is a function of age», «price is a function of supply and demand»

(n) function (math.) a mathematical relation such that each element of a given set (the domain of the function) is associated with an element of another set (the range of the function). URL: <https://www.finedictionary.com/function> (accessed: 3 June 2023).

³ (n) Function

the act of executing or performing any duty, office, or calling; performance. «In the function of his public calling».

(n) Function

the natural or assigned action of any power or faculty, as of the soul, or of the intellect; the exertion of an energy of some determinate kind. «As the mind opens, and its functions spread». URL: <https://www.finedictionary.com/function> (accessed: 3 June 2023).

норме, когда язык достигает уровня развития, при котором на нем можно выразить все, он приобретает статус регионального, официального и зачастую государственного, как это наблюдалось в период Ренессанса в Европе, когда венакулярные языки освобождались от давления Латыни. При избыточности сфера употребления расширяется либо ареально, либо функционально, когда язык в качестве одного из международных начинает обслуживать единые религиозные запросы, коммерцию, деятельность международных организаций и системы образования. При этом наблюдаются определенные процессы гибридизации, когда терминологические системы приводятся к единой концептуальной основе. При закреплении в чужих пространствах в рамках процессов колонизации и глобализации, реальных или виртуальных, где приходится сосуществовать с другими языками, зачастую вытесняя их, языки неизбежно подвергаются через процессы смешения и переключения кодов пиджинизации, креолизации и дисперсии. Наложение при означивании разнородных картин мира, иных нежели в языке, претендующем на глобальное употребление, иная категоризация действительности ведет к отрыву от исходной концептуальной основы и способствует «расшатыванию» системы языка. Примером иной категоризации темпоральных отношений может послужить система грамматических времен в AAVE (African American Vernacular English), которая возникла в результате сложных процессов пиджинизации как при взаимодействии оторванных от своей среды субстратных африканских языков рабов, типа йоруба, игбо, хауса или суахили, так и английского языка как суперстратного языка рабовладельцев (см. табл. 1).

Эволюционные процессы в системообразующих функциональных параметрах (например, наличие или утрата всех флексий для передачи категории числа или лица при спряжении) могут привести к изменению типологических характеристик, таких как переход языка из SOV класса в класс SVO, или к приобретению черт аналитизма, что наблюдается сейчас в современном английском языке.

Phases/Tenses of AAVE¹

Phase		Example
Past	Pre-recent	<i>I been bought it</i>
	Recent	<i>I done buy it</i>
	Pre-present	<i>I did buy it</i>
	Past Inceptive	<i>I do buy it</i>
Present		<i>I be buying it</i>
Future	Immediate	<i>I'm a-buy it</i>
	Post-immediate	<i>I'm a-gonna buy it</i>
	Indefinite future	<i>I gonna buy it</i>

Генеративные функциональные характеристики наиболее ярко проявляют себя при образовании языковых систем типа *Lingua Franca*, т. е. языков пиджинов и креольских языков. При этом в отличие от математических генеративных моделей пиджин выступает функцией более, чем одного языка ($n+1$), сохраняя зависимость изменений в его компонентах от изменений в языках-источниках.

Если рассматривать «ролевое» измерение функций в языке, то следует отметить, что функциональная недостаточность, норма или избыточность зависит от выбранной модели. Если рассматривать это явление с позиций коммуникативной модели Р. О. Якобсона, определившего шесть коммуникативных функций языка: *референтативную, поэтическую, эмотивную, конативную, фатическую и металингвальную*², то очевидно, что их действие в основном завершается с окончанием речевого события. Если ролевое измерение рассматривать с позиций

¹ URL: <https://sites.google.com/site/blackenglishhistory/what-is-black-english/features-of-aave> (accessed: 3 June 2023).

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. 468 с.

системных функций М. А. К. Халлидея, объясняющих онтогенез, т. е. усвоение языка ребенком: *instrumental, personal, regulatory, interactional, imaginative, representational, and heuristic*¹, то следует отметить устойчивость ролевого компонента, его слабую зависимость от конкретного речевого события.

Для текста, как строевой единицы языка характерны все функциональные параметры, системообразующие, генеративные и ролевые, которые нередко взаимообусловлены. Выделенные де Бограндом и Дресселем в книге «Introduction to Text Linguistics» среди семи стандартов текстуальности когезия, когерентность и интенциональность² обеспечивают функциональную системность. В этом плане системообразующими характеристиками обладают и функции, выделенные В. Я. Проппом³. Однако эта система функций характерна только для одного типа текста, а именно для сказочного нарратива. Генеративность обусловлена, с одной стороны, стандартом интертекстуальности, с другой стороны, возможностью создавать вторичные тексты на основе первичного, такие как резюме, обзоры литературы, рецензии, трансляции, включая перевод, экранизации, музыкальные произведения и графические иллюстрации. В настоящее время наиболее ярко генеративная функция текста проявляется при применении Искусственного

¹ Yu H. A review of M. A. K. Halliday, aspects of language and learning // Functional Linguist. 2016. Vol. 3, № 10. URL: <https://doi.org/10.1186/s40554-016-0034-0> (accessed: 3 June 2023); Halliday M. A. K. Options and functions in the English clause // Brno Studies in English. 1969. № 8.81–8; Halliday M. A. K. Functional diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in English // Foundations of Language. 1970. № 6. P. 322–61; Halliday M. A. K. Language and Social Man. London: Longman for the Schools Council, 1974; Halliday M. A. K. Language as social semiotic: Towards a general sociolinguistic theory. The First LACUS Forum, Columbia, South Carolina: Hornbeam Press, 1975. P. 17–46; Halliday M. A. K., McIntosh A., Stevens P. The Linguistic Sciences and Language Teaching. London: Longmans, 1964.

² De Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to Text Linguistics Longman Linguistics Library. London, 2016.

³ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. Москва: Наука, 1969. 168 с.

интеллекта (AL). Пользователи ChatGTP на основе программ типа Large Language Models (llms), построенной на мегатекстах, получают сгенерированные тексты на любую заданную тематику, типа объяснение сути квантовой физики в форме шекспировского сонета¹. Ролевые функции текста, такие как информативная, коммуникативная, эмотивная и эстетическая, в основном, обеспечивают взаимодействие создателей текста и его читателей, чей эпистемологический контекст может не совпадать. Именно эпистемологические расхождения, когда нивелируются коммуникативные параметры, способны обусловить функциональную недостаточность текста. Функциональная избыточность зачастую возникает при переводе текста на другой язык, когда переводчики, используя прием «доместикации», объясняют каждую аллюзию, «раскрывают» метафоры и нередко «вчитывают» в текст информацию и образность, которая в нем отсутствует (примером могут послужить переводы К. Бальмонта, переводы «Улисса» Дж. Джойса на русский язык). Функциональная недостаточность эпистемологически удаленного текста нивелируется при включении его в художественное текстовое пространство (мир). Примером может стать эпистемологически удаленная, а потому с нивелированной коммуникативной функцией, речь английской королевы Елизаветы I, произнесенная 9 августа 1588 г. в местечке Тилбери перед войсками, участвующими в сражениях с Испанской Армадой².

¹ Large language models' ability to generate text also lets them plan // The economist. 2023. 19 Apr.

² My loving people, we have been persuaded by some, that are careful of our safety, to take heed how we commit ourselves to armed multitudes, for fear of treachery; but I assure you, I do not desire to live to distrust my faithful and loving people. Let tyrants fear; I have always so behaved myself that, under God, I have placed my chiefest strength and safeguard in the loyal hearts and good will of my subjects. And therefore I am come amongst you at this time, not as for my recreation or sport, but being resolved, in the midst and heat of the battle, to live or die amongst you all; to lay down, for my God, and for my kingdom, and for my people, my honor and my blood, even the dust. I know I have but the body of a weak and feeble woman; but I have the heart of a king, and of a king of England, too; and think foul scorn that

Включив ее в ткань фильмов о Елизавете I (1998, 2005, 2007), в реконструированный дейксис, авторы фильмов восстановили коммуникативную функцию текста речи (при некотором искажении его информативной функции в ходе лингвистической и культурной адаптации текста на ранненовоанглийском для современного зрителя). Текстовый мир с его четкими дейктическими характеристиками, лишь на первый взгляд, обеспечивает функциональную норму. Так, рассматривая в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» речь Брута перед толпой после убийства им Цезаря:

BRU. Be patient till the last.

Romans, countrymen, and lovers, hear me for my cause, and be silent, that you may hear. Believe me for mine honor, and have respect to mine honor, that you may believe. Censure me in your wisdom, and awake your senses, that you may the better judge. If there be any in this assembly, any dear friend of Caesar's, to him I say, that Brutus' love to Caesar was no less than his. If then that friend demand why Brutus rose against Caesar, this is my answer: Not that I lov'd Caesar less, but that I lov'd Rome more. Had you rather Caesar were living, and die all slaves, than that Caesar were dead, to live all freemen? As Caesar lov'd me, I weep for him; as he was fortunate, I rejoice at it; as he was valiant, I honor him; but, as he was ambitious, I slew him. There is tears for his love; joy for his fortune; honor for his valor; and death for his ambition. Who is here so base that would be a bondman? If any, speak, for him have I offended. Who is here so rude that

Parma or Spain, or any prince of Europe, should dare to invade the borders of my realms: to which, rather than any dishonor should grow by me, I myself will take up arms; I myself will be your general, judge, and rewarder of every one of your virtues in the field. I know already, by your forwardness, that you have deserved rewards and crowns; and we do assure you, on the word of a prince, they shall be duly paid you. In the mean my lieutenant general shall be in my stead, than whom never prince commanded a more noble and worthy subject; not doubting by your obedience to my general, by your concord in the camp, and by your valor in the field, we shall shortly have a famous victory over the enemies of my God, of my kingdom, and of my people. URL: <https://www.historyplace.com/speeches/elizabeth.htm> (accessed: 3 June 2023).

would not be a Roman? If any, speak, for him have I offended. Who is here so vile that will not love his country? If any, speak, for him have I offended. I pause for a reply.

ALL. None, Brutus, none.

BRU. Then none have I offended¹.

Отмечаем маркированность функции усвоения (conative function) обратной связью («None, Brutus, none»). Четко выражены и стандарты ситуативности и интенциональности при доминировании перлокутивного речевого акта (манипуляцией поведения толпы). Вместе с тем этот текстовый мир будет существовать только при восприятии текста читателем или зрителем, у которых в воображении возникнет картина удаленного во времени возможного мира Древнего Рима.

Функциональная системность дискурса обеспечивается компонентами ментального контекста, выделенными Т. ван Дейком еще в его ранних работах (такими как, *формальное, неформальное, личное, институциональное, позиции, возраст, гендер, роли, функции, статусы, регулятивы, гражданские и религиозные нормы, ценности, принципы, мнения, знания, предпочтения, эмоции и т. д.*)².

Отметим также высокую степень генеративной функциональности дискурса. Как в реальной среде, так и в виртуальной в ходе коммуникативного события каждая реплика порождает другую, обрамляется комментариями, которые разветвляются в соответствии с оценкой исходного высказывания. В связи с этим ролевая функция определяется параметрами коммуникативной модели Р. О. Якобсона, но также и прагматическим потенциалом языкового знака, поскольку большинство комментариев вызвано его воздействием или в случае троллинга

¹ Shakespeare W. The Tragedy of Julius Caesar. Shakespeare-Riverside. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Москва: Мультимедиа-издательство «Адепт», 2003.

² Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова. Москва: Прогресс, 1989. 312 с.

желанием спровоцировать собеседников, настоящих и потенциальных, на вербальный или визуальный взрыв. Рассмотрим один из дискурсов из социальной сети Вконтакте от 22 мая 2023 г. Хотя дискурс вызван размещением визуального текста, фотографии собаки, спящей в хозяйской постели, мы оставили только вербальную часть и убрали ради этических соображений аватарки и имена (ники) авторов реплик, а также количественные показатели. Для удобства анализа реплики пронумерованы:

«(1) Место хозяина под охраной; (2) самый подходящий коммент; (3) Улыбка собаки классная; песель свое получил и всецело доволен этим; (4) правильно, получил пес свое. Вот и доволен; (5) че получил?; (6) У меня тоже королевна; (7) Собака-улыбака; (8) ехидная улыбочка-то; (9) Работай спокойно человек, я сторож твое место и жену; (10) тебе лишь бы за чужой счет; (11) Бл... в этой постели спят, сюда же собаку кладут, дебилы; (12) идиот; да ты наверное каждый раз после пользования компьютером или телефоном свои нежные ручки салфеточкой влажной с гелем протираешь; (13) не, скорее всего он каждый день проводит уборку с 100% дезинфекцией всего; (14) при чем здесь салфетки с гелем. Собака должна знать свое место, а то есть такие уникалы которые и со стола кормят своих питомцев, и в кровать кладут и жопы целуют; (15) ну вот смотри. У меня котов много было. Всем им можно было на диван и кровать, только при условии что лапы чистые (иногда в деревню ездили, а там дождь), но при этом на столы им нельзя было, можно только на рабочий стол (где компьютер) и на еще один который не используется для еды, и ничего, все нормально. Лежать в постели со своим питомцем это вполне нормально и даже полезно для психического здоровья; (16) о приколюхи пошли, давай жги дальше дурачек; (17) д.... б; в другом месте самоутверждайся; (18) тебя не спросил, что мне делать; это еще что, некоторые даже с животными с одной тарелки едят. Они же с животными равны — демократия; (19) завидуй молча; (20) аккуратист».

При сниженной степени проявления информативной функции текста доминирует эмотивная функция в дискурсивных ходах одиннадцати комментаторов поста. Кроме того, можно рассмотреть это дискурсивное событие с позиции взаимодействия параметров полифонии и точки зрения. Дискурсивный диссонанс вызван не только «отторжением» позиции «инакомыслящего» (11, 14, 18), но и нарушением им и другими (17) речевой нормы, употреблением сниженной лексики. Налицо явление дискурсивной избыточности, низкая степень информативности компенсируется доминирующей оценочной семантикой. Безусловно эти характеристики обусловлены коммуникативной средой социальных сетей, где доминирует гибридный тип коммуникации, при котором письменная или креолизованная (при включении фотографии или рисунка) форма сообщения по своей функции является устной формой, что не всегда обеспечивает нормативность при общении.

Функциональная норма характерна для дебатов между Н. Хомским и М. Фуко, снятых Нидерландским телевидением в Эйндховенском технологическом университете в Нидерландах 22 октября 1971 г. Хомский и Фуко были приглашены голландским философом Ф. Элдерсом для обсуждения сущности природы человека. Казалось бы, многие факторы должны были привести к коммуникативному диссонансу. Хомский говорил на английском языке, Фуко на французском языке, философ и профессор Л. У. Наута комментировал их высказывания для зрителей на голландском языке. Между тем, собеседники, модератор и аудитория демонстрировали полное понимание того, что обсуждалось. Сама тематика, «врожденная», независимая от опыта, человеческая природа, противопоставление идеи справедливости и власти¹, должна была бы привести к «столкновению» мнений, чего не произошло не только потому, что и го-

¹ Wilkin P. Chomsky and Foucault on human nature and politics: An essential difference? // Social Theory and Practice. 1999. Vol. 25, № 2. P. 177–210. URL: <http://www.jstor.org/stable/23559137> (accessed: 3 June 2023).

сти и аудитория были относительно социально однородными (ученые, преподаватели, студенты), но и философские перспективы видения у собеседников (социальная у Фуко и когнитивная у Хомского) оказались функционально дополнительными. С лингвистической точки зрения эти дебаты представляют собою цепочку типологических метаморфоз. При их записи 22 октября 1971 г. они представляли собою дискурс, коммуникативное событие, которое определялось всеми параметрами выделенными и Т. ван Дейком и самим М. Фуко (система табу, эпистем, обрамленный комментариями языковой знак¹). Когда эти дебаты с введением и комментариями профессора Л. У. Наута показали 28 октября 1971 г. по нидерландскому телевидению, это уже был текст, поликодовый и мультимодальный. Многочисленные статьи, анализирующие подходы Хомского и Фуко к природе человека в этих дебатах, среди которых и используемая здесь статья П. Уилкина, представляют собой вторичные тексты, по отношению к тексту телепередачи, что свидетельствует о высокой степени генеративной функции теледебатов и как дискурса и как текста. Когда этот текст теледебатов разместили в 2010 г. на видеохостинге YouTube он набрал 2 131 046 просмотров и 2421 комментарий². Просмотры и комментарии в виртуальной среде превратили телетекст снова в дискурс, сделали его еще более полифонным. Три наиболее характерных комментария (здесь без имен авторов) свидетельствуют о доброжелательной оценке не только вербально выраженного содержания, но и визуальных телеэффектов, таких как крупный план, портретные телезарисовки:

(1) Discourse aside, I love the way this is filmed: The close-ups of Foucault chewing on his nails, the shots of the audience looking

¹ Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург: А-cad, 1994. 407 с.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3wfNI2L0Gf8> (accessed: 3 June 2023).

on, here and there discussing things amongst themselves, the overall angles of the speakers, etc. It's very intimate and real.

(2) Refreshing to watch two great minds develop ideas together, admit not knowing it all, and not trying to diminish each other. Mutual respect. And an audience that really listens intensely.

(3) Chomsky: English Foucault: Français Narrator: Dutch Me: Español¹.

Комментарии свидетельствуют о полилингвальной социально однородной аудитории. При этом опция текстового суфлера и переводчика в видеохостинге минимизирует неудобство декодирования трехязычного текста.

Очевидно, что все три кода, вербальный в самих дебатах, в статьях, посвященных им, и в комментариях, визуальный в телетексте, цифровой в видеохостинге соединили все три функциональные проявления дебатов: системообразующие, как единство кодов, генеративные при порождении других текстовых и дискурсивных образований и ролевою при действии как социальных, так и коммуникативных ролей. При этом функциональная норма сохранялась во всех трех представлениях дебатов.

И все-таки при всем позитивном восприятии «функциональной нормы» в проявлениях языка и дискурса, функциональная избыточность, как и недостаточность являются естественным проявлением языка и языковой деятельности в каждой из коммуникативных сред. Хотя и избыточность, и недостаточность ведут к неустойчивости лингвистических систем, они одновременно обуславливают эволюционные процессы в них как по убывающему, так и возрастающему векторам развития.

Именно эти процессы и рассматриваются в данной монографии.

В *первой главе* «Функциональный подход в переводоведении», подготовленной докторами филологических наук Л. А. Не-

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3wfNl2L0Gf8> (accessed: 3 June 2023).

федовой, и И. Н. Ремхе¹ рассматриваются следующие позиции: 1) функциональный подход в контексте полипарадигмальности современной науки; 2) радикализм и умеренность скопос-теории; 3) концепция переводческого действия, функциональная типология текста; 4) современное состояние функционалистской парадигмы в переводоведении; 5) коммуникативно-функциональный подход в переводе; 6) культурно-функциональный подход на примере специфики локализации; 7) когнитивно-деятельностная (когнитивно-функциональная) парадигма описания переводческого процесса.

Во *второй главе* «Функциональные повороты в лексикографии: от традиционной словарной функции к гиперфункциональности», подготовленной доктором филологических наук В. Д. Табанаковой прослеживается развитие функциональных параметров разных типов словарей, начиная с традиционных типологических функций печатных изданий и заканчивая современными электронными словарями. Автор исходит из позиции, что функциональная обусловленность является одним из типологических параметров всякого словаря. Четыре универсальные функции обычно отражают тот параметр словаря, который является доминантным и в силу этого определяет тип словаря.

В *третьей главе* «Функциональный потенциал термина в интегрировании научного лингвистического знания», подготовленной докторами филологических наук Н. В. Дрожащих, В. Д. Табанаковой, Л. Г. Федюченко рассматривается интегрированное знание как процесс слияния двух или более изначально не связанных систем знаний в единую систему, а также иерархии языковых функций при передаче интегрированного научного знания. Репрезентация современного интегрированного лингвистического знания прослеживается в терминологиче-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ФПМУ ФГБОУ ВО «ЧелГУ» № 73-1 от 20.02.2023 на тему «Матричная модель переводческого процесса на основе сетевого ресурса TranSource».

ском наполнении диссертационных исследований. Для этого авторы провели поэтапный анализ 143 заголовков диссертаций по специальности «Теория языка» за 2022 г., которые размещены в электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки.

В *четвертой главе* «Репрезентация языковой личности в “диалогах с Владимиром Спиваковым”» С. М. Волкова, подготовленной доктором филологических наук Е. В. Купчик, исходным является положение, что функционализм объединяет разнообразные направления современной лингвистики, изучающие функционирование языка и его использование человеком для различных целей. При этом объектом неослабевающего научного внимания является языковая личность, рассматриваемая в разных аспектах, в рамках различных концепций, с использованием разнообразного языкового материала и т. д. Автор доказывает свои позиции, рассматривая проявления элитарной языковой личности, анализируя речевое поведение В. Спивакова.

В *пятой главе* «Функциональные параметры генерированных текстов», подготовленной доктором филологических наук Н. Н. Белозёровой, автор, устанавливая причину нарушения достоверности генерированных текстов, проверяет их по классическим в лингвистике текстовым и функциональным параметрам. Для этой цели была использована версия ChatGPT & Midjourney (<https://t.me/GPT4Telegrambot>)¹ и в течение 5,5 месяцев (04.07.23–26.12.23). Всего было получено 140 ответов в виде сгенерированных текстов, включающих нарративы, стихотворения, басни, эпиграммы, инвективы, описания, тезисы научных докладов, дефиниции, пояснения, инструкции, рассуждения, проекты учебных курсов, переводы, а также беседы. Релевантными для их анализа и оценивания автор посчитал «семь стандартов текстуальности», предложенные Р.-А. де Бограном и В. Дресслером еще в 1981 г., а также коммуникатив-

¹ Бот использует модели: gpt-3.5-turbo и Midjourney v 5.2.

ные функции, разработанные Р. О. Jakobson. Лингводидактический раздел подготовлен кандидатом филологических наук А. С. Остапенко. В подразделе «Изображение как функция текста», подготовленном тем же автором, функция рассматривается как производная и зависимая величина от другой величины. в нашем случае и текст и изображение рассматриваются как производящие, так и производимые величины, полностью зависящие от человеческого фактора. Проверяется, как бот Kandinsky 3.0, (после 2.2 и 2.1.) — диффузионная модель генерации изображения от СБЕРа справляется с аллюзивными запросами, т. е. как она генерирует изображение на основе паремии или созданных классических текстов.

*Н. Н. Белозёрова,
доктор филологических наук*

ГЛАВА 1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ¹

Функциональный подход в лингвистике, в основе которого часто рассматривают основополагающую мысль Пражского лингвистического кружка: «Язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [Кондрашов 1967, с. 17], находит свое выражение в переводоведении. При этом функционализм в переводоведческих исследованиях стоит различать с двух позиций. С одной стороны, необходимо отметить особенность межкультурного и межчеловеческого взаимодействия, выстраиваемого на основе коммуникации. Данное свойство является имманентным и создает предпосылки для гармоничного развития системы отношений в плоскости переводческого пространства. С другой стороны, функционализм позволил выстроить определенную методологию, которая, во многом опираясь на структурализм, выражается в попытках выстраивания функциональных моделей переводческого процесса, что создает основания для системного переосмысления перевода. Наконец, в данной главе мы затронем вопрос о функциональных типах текста, которые дают понимание о его предназначении и раскрывают суть функциональной и коммуникативной направленности перевода.

Согласно справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, полипарадигмальность науки предполагает формирование лингвистических теорий внутри трех основных парадигм: «антропоцентрической, функциональной и когнитивной» [Кубрякова 1995, с. 207]. Этот процесс продолжается и в настоящее время с расширением последней из парадигм в сторону социокогнитивной и эконогнитивной. в определенный момент развитие интереса

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ФПМУ ФГБОУ ВО «ЧелГУ» № 73-1 от 20.02.2023 на тему «Матричная модель переводческого процесса на основе сетевого ресурса TranSource».

к языковой личности и междисциплинарности привело к отказу от изолированного существования лингвистики от других наук и взаимному проникновению принципов функционализма, экспланаторности, антропоцентризма и экспансионизма. Это обеспечивает более полное и всестороннее понимание языка и его роли в человеческом обществе.

Функционализм как общенаучное направление рассматривает язык, с одной стороны, в соответствии с выполняемыми им функциями и, с другой стороны, как функционирующий механизм (речевая деятельность) и как дискурс. Принцип функционализма, предполагающий изучение назначения и функции объекта, дал толчок к переходу от структурализма к выявлению и описанию законов и механизмов функционирования языка в его тесной связи с человеком как субъектом познания.

Экспансионизм знаменует развитие междисциплинарного подхода и интегративный характер исследований. В рамках экспансионизма языковые явления и вопросы функционирования языковых единиц в тексте рассматриваются при учете взаимодействия с внешними структурами. К внешним структурам относится человек как языковой, психологический и социальный феномен, а также прочие системы и структуры, создаваемые человеком.

В результате в лингвистике отмечается усиление принципа *экспланаторности* в стремлении объяснить внутренние процессы, протекающие в языке, эксплицировать его содержательную сторону. Лингвисты стремятся ответить не только на вопрос «как?», но и на вопрос «почему?».

Поиск разумных объяснений языковым процессам естественным образом подводит ученых к признанию особой роли человеческого фактора, влияющего на языковые процессы. Другими словами, *антропоцентризм* учитывает различные состояния человека, включая физическое и ментальное, и его влияние на язык как языковой личности, обладающей определенным коммуникативным опытом и знаниями национально-культурных особенностей, отраженных в конкретной языковой систе-

ме. В работе Л. П. Юздовой и Е. В. Шестаковой находим описание трех основных ракурсов исследований в рамках антропоцентрической парадигмы: «отражение индивида в языке, трансляция его *картины мира* через языковые единицы», «*коммуникативная лингвистика*, которая отображает коммуникативную ориентированность языковой личности», и «участие языка в процессе познания, т. е. *когнитивная направленность* индивида» [Шестакова, Юздова 2019, с. 204].

Причины указанных выше черт современной лингвистической науки отчетливо отметила Т. Н. Хомутова: «Антропоцентризм обусловлен глобализацией объекта как целостной системы порождения и понимания речи, функционализм — глобализацией объекта как знаковой системы, в которой наряду с формой и содержанием имеется функция (виртуальная или актуальная), экспансионизм — глобализацией методов исследования, вызванной глобализацией объекта, экспланаторность — глобализацией критериев истины, применимых к разным наукам, в том числе к гуманитарным» [Хомутова 2009, с. 149].

Таким образом, переходя к описанию функционального поворота в переводоведении, необходимо отметить, что коммуникативный и когнитивный подходы наряду с принципами антропоцентризма и экспланаторности составляют синтез тех подходов и парадигм, которые позволяют рассматривать *динамическую и деятельностьную* характеристику функции как таковой, что находит выражение в рассмотрении как языка, так и перевода.

РАДИКАЛИЗМ И УМЕРЕННОСТЬ СКОПОС-ТЕОРИИ

Функционалистское течение в переводоведении представлено многочисленными исследованиями, которые можно обозначить как радикальные или умеренные в зависимости от степени приверженности функциональному принципу в переводческом процессе. Если соблюдать хронологическую после-

довательность, то функциональные теории перевода зарубежных ученых включают теорию скопоса [Vermeer 1983], общую теорию перевода [Reiss, Vermeer 1984], теорию переводческого акта [Holz-Mänttari 1984], рассмотрение переводческого процесса с позиции коммуникативной функции перевода [Hönig 1995, Kussmaul 1995] и функциональный перевод, или принцип лояльности, примиливший скопос-теорию и принцип эквивалентности [Nord 2005, 2018]. В целом функционалисты конца XX в. определяют перевод как акт межкультурной коммуникации и выдвигают тезис о том, что лингвистические характеристики текста перевода детерминируются той целью, которую перевод должен выполнять в данной культуре. При этом внутри концепций есть ряд ключевых моментов, на которых стоит заострить внимание.

Радикализм К. Райс и Г. Фермеера

Функциональный подход в переводе прежде всего тесно переплетается с теорией скопоса (от греческого *skoros* — «цель»), которая получила свое развитие в скопос-теории, предложенной немецкими переводоведами К. Райс и Г. Фермеером в Западной Германии в 1970-е гг. В своих исследованиях авторы скопос-теории рассматривают деятельность переводчика как функцию цели, а процесс перевода определяется не исходным текстом, а коммуникативным эффектом, получаемым в исходной лингвокультуре. Кроме того, пересматриваются эквивалентные отношения оригинала и перевода, присущие более ранним теориям структуралистского течения. Согласно скопос-теории, в процессе перевода переводчик должен ориентироваться на функцию текста, которую текст будет нести в социокультурной среде получателя сообщения, что предполагает отход от функции текста, заложенной в оригинале. Данная позиция была впервые представлена в работе Г. Фермеера в виде формулы $IA(TrI) = f(Sk)$ [Vermeer 1983, p. 100], которая означает, что перевод как деятельность есть функция цели.

Нельзя не согласиться, что функция перевода находится в прямой зависимости от знаний, ценностей и ожиданий получателя сообщения, находящихся в определенной социокультурной среде. Отсюда формируется задача сохранения или изменения функции исходного текста [Kussmaul 1995, p. 71]. Однако скопос оригинала и перевода могут различаться. В тех случаях, когда скопос не меняется, К. Райс и Г. Фермеер вводят понятие *функциональной константы* (Funktionskonstanz). Если скопос меняется, то речь идет об *изменении функции* текста (Funktionsänderung). Во втором случае при переводе в действие вступает функциональная адекватность (или функциональное соответствие скопосу), которая определяет выбор переводчика.

Изменение функции текста перевода может оказаться манипулятивным действием переводчика, особенно в случае перевода статей общественно-политического характера. Так, с легкой руки переводчика сравнительный образ в тексте, имеющий намерение подчеркнуть положительный имидж главного действующего лица на политической сцене, может вызвать агрессивную реакцию читателя в результате искажения информации путем определенных переводческих модификаций в тексте.

В своем исследовании П. Кусмауль приводит примеры изменения функции текста перевода из области художественной литературы. Переводческие манипуляции над текстом романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера», а именно опущение аллюзий, указывающих на исторические события в Англии XVIII в., которые могли быть непонятны читателю, изменили жанровую направленность текста, трансформируя жанр политической сатиры в жанр детской повести. Аналогичная ситуация описывается в отношении рассказов Ч. Диккенса «Рождественская повесть», «Сверчок за очагом», «Очерки Боза», «Картины Италии», «История Англии для детей» и «Посмертные записки Пиквикского клуба», которые были изданы в переводе для чтения

в школьном курсе. Драматург Б. Брехт при адаптации шекспировской трагедии «Кориолан» превращает ее в пьесу о марксистской классовой борьбе, опустив строки и отрывки из перевода И. Л. Тика и намеренно добавив информацию в некоторых частях текста [Kussmaul 1995, p. 71].

Названные примеры представляют особые образцы скопос-ориентированного перевода с целью его культурной адаптации, что влечет за собой изменение функции перевода. Подобное переводческое действие оправдывается ситуативной целью межкультурной коммуникации, которая влияет на принятие переводческого решения.

Следуя логике К. Райс и Г. Фермеера, относительное качество текста перевода определяется тем, насколько он соответствует коммуникативной цели. Данная цель считается достигнутой, если текст перевода выполняет свою предполагаемую функцию, а ожидания и потребности читателя полностью удовлетворены [Reiss, Vermeer 1984]. При этом необходимо соблюдение двух правил:

1. Правило связности текста. Текст перевода должен быть достаточно связным для того, чтобы реципиент смог его интерпретировать с учетом фоновых знаний и в соответствии с заложенной в тексте ситуацией [Routledge encyclopedia of translation studies 2001, p. 236].

2. Правило точности перевода. Отражает необходимость учета интертекстуальных связей (intertextual coherence) между текстом оригинала и текстом перевода. В соответствии с терминологическим справочником В. Н. Базылева и И. В. Войнич данный параметр является «критерием оценки перевода, который характеризуется тем, насколько точно перевод передает смысл исходного текста; делает ли он это, прибавляя или вычитая что-либо из смысла, усиливая или ослабляя какие-либо элементы смысла; сохранение (воспроизводство) интертекстуальных связей между текстом оригинала и текстом перевода в двух культурах или внутри одной культуры (при множественности переводов)» [Базылев, Войнич 2011, с. 79].

В рамках скопос-теории особое значение придается тексту как *информативному предложению* (Informationsangebot) реципиенту со стороны отправителя [Reiss, Vermeer 1984, p. 103]. Соответственно, перевод предполагает предоставление информации, которая дана на языке исходящей культуры, представителям принимающей культуры на языке получателя. Перевод, таким образом, определяется как вторичная передача информации, «имитирующей» исходное сообщение. К. Райс и Г. Фермеер также отмечают опосредованность передаваемой информации. Переводчик передает сообщение на основе ситуации и скопоса исходного текста, который определяется отправителем и выявляется переводчиком в соответствии с ожиданиями, нормами и потребностями получателя [Reiss, Vermeer 1984, p. 76].

Таким образом, основной идеологической составляющей скопос-теории в ее радикальном предъявлении стало свержение с пьедестала текста оригинала в пользу его интерпретируемых вариантов [Vermeer 1986, p. 42]. Однако если не существует единого исходного текста, то логично предположить, что не существует единственно возможного перевода, а есть лишь так называемое *информативное предложение*, адаптируемое под каждую конкретную социокультурную ситуацию. Вопрос о *функциональной равнозначности* текстов оригинала и перевода решается как исключение из правила и рассматривается только в отношении монофункциональных специализированных текстов. В остальных случаях, которых большинство, включаются процессы интерпретации текста переводчиком и реципиентом в соответствии с когнитивным запасом и социокультурным фоном, а также при учете интересов, норм и потребностей представителя принимающей культуры.

Функциональная равнозначность позиционируется как возможность достижения *эквивалентности*, или, другими словами, одинаковой коммуникативной функции. Тем не менее, поскольку выявление эквивалентных соответствий в русле скопос-теории не рассматривалось приоритетным действием перевод-

чика, основной акцент предлагалось сделать на достижении *адекватности*, как «последовательном соблюдении назначения (скопоса) перевода» [Reiss, Vermeer 1984, p. 139]. В результате эквивалентность считается возможной только в ситуации функциональной константы как разновидность адекватности.

Однако отказ от ведущей роли эквивалентности не означает допустимости вольности в переводе. Скорее, наоборот, переводчик в данном случае выступает как профессионал, обладающий достаточными знаниями языка, культуры, экономики и прочих экстралингвистических аспектов для исполнения роли межкультурного и межязыкового посредника для качественного решения поставленной цели перевода. Занимая центральную позицию медиатора в межкультурной коммуникации, переводчик должен решить, насколько близким к оригиналу должен получиться текст перевода, а в ряде случаев цель совпадения с оригиналом или удаления от него в переводе не является первостепенной. Иногда вступают в силу коммуникативно-прагматические функции, такие как сообщение информации, убеждение, введение в заблуждение и ряд других.

Концепция переводческого действия Ю. Хольц-Манттари

Радикальность позиции К. Райс и Г. Фермеера получает свое развитие в концепции переводческого действия Ю. Хольц-Манттари. Данная концепция является логическим продолжением и кульминационным исследованием в укреплении воззрений скопос-теории. Оно не просто подчеркивает деятельностный характер перевода, а определяет переводческую деятельность как систему действий специалиста с целью создания текстов для реципиента, у которого возникает потребность в переводе [Holz-Mänttari 1984, p. 87]. В данном случае скопос имеет более широкое трактование — как *цель переводческой деятельности*, а текст, как носитель намерения отправителя.

Теория переводческого действия трактует перевод как scopos-ориентированный коммуникативный процесс, предполагающий межкультурный трансфер и осуществляющийся рядом участников:

1. **Заказчик** (the initiator) — частное лицо или компания, у которых появилась потребность в переводе.

2. **Контактное лицо** (the commissioner) — частное лицо, которое взаимодействует с переводчиком.

3. **Создатель текста** (ST producer) — частное лицо в компании, которое создает текст перевода, зачастую не имеющее отношения к составлению текста перевода.

4. **Создатель текста перевода** (TT producer) — переводчик, переводческое бюро или переводческий отдел.

5. **Пользователь перевода** (TT user) — частное лицо, которому необходим перевод.

6. **Получатель текста перевода** (TT receiver) — реципиент итогового текста перевода» [Munday 2008, p. 78].

Совокупность представленных выше актантов перевода составляет суть кооперативной модели переводческого процесса Ю. Хольц-Мянттяри. Данная модель подчеркивает важность учета надъязыковой составляющей перевода при функциональном распределении ролей и специализации внутрикооперативного взаимодействия между участниками.

По справедливой оценке Э. Прунча, «Хольц-Мянттяри... оказывается на шаг дальше, чем Фермеер, который определил [исходный] текст как мультимедиальное предложение информации. Для Хольц-Мянттяри ИТ находится на том же уровне, что и любой информационный материал, который переводчик получает от заказчика или самостоятельно находит в результате информационного поиска. Это означает не просто свержение традиционного ИТ, а полное его приравнивание к информационным единицам, которые объединяет только то, что они служат информационной базой для создания текста перевода» [Прунч 2015, с. 183].

Парадоксальность модели Ю. Хольц-Мянттари состоит в том, что, несмотря на комплексное рассмотрение переводческого процесса с позиции коммуникации, кооперации и культурного трансфера, заявленного в определении переводческого действия, автору не удалось представить практический инструментарий, отражающий эффективный поиск переводческих решений. Чем больше мы удаляемся от эквивалентности в плоскость адекватности и связываем ее исключительно с функциональной стороной текста и переводческого действия, тем сильнее стираются очертания оценки правильности переводческого действия и качества перевода.

Постулируя функциональность как абсолютный критерий перевода, мы наделяем переводчика правом принимать решения на основе неких абстрактных и эфемерных понятий намерения, цели, потребностей, не имеющих вербальной составляющей. В связи с этим переводческое действие реализуется зачастую путем интуитивного принятия решения, которое сложно оценить или классифицировать. Подобную оценку теории Ю. Хольц-Мянттари находим у Э. Гутта. Автор подчеркивает, что «переводчик должен стремиться к “функциональной адекватности”, но при этом до конца не поясняет суть данного явления. ... Таким образом, поскольку данная модель процесса перевода избегает проблемы классификации, она не может объяснить, каким образом переводчик принимает решения в переводческом процессе; они являются результатом интуитивных действий эксперта» [Gutt 2000, p. 19].

В период радикализма скопос-теории переводчик наделяется особым статусом специалиста, эксперта, что позволяет ему принимать решение за всех участников коммуникативного акта. Именно ему принадлежит теперь основное право решать судьбу текста оригинала, который рассматривается лишь как инструмент достижения цели исходя из скопоса и с ориентиром на указания заказчика.

Функциональная типология текста К. Райс

Анализ основных идей скопос-теории показал, что понятия «скопос», «цель» и «функция» зачастую взаимозаменяемы, что порой вызывает недоумение и создает трудности терминологического характера. Отметим, что понятие *функции* в этом перечне несет наибольшую смысловую нагрузку. Помимо функциональных параметров перевода, указанных выше, в переводоведческих исследованиях нередко обращаются к функциональной типологии текста К. Райс, на чем остановимся более подробно.

Типология текста К. Райс [Reiss 1989] сформировалась с опорой на концепцию органона, или тройственной функции языка, предложенную К. Бюлером. Согласно данной концепции, выделяют функции *экспрессии, апелляции и репрезентации*. Данная классификация впоследствии получает развитие в классификации функций в модели речевого события Р. Якобсона. Исследуя поэтическую функцию коммуникации, Р. Якобсон выделяет шесть основных функций: *эмотивную, конативную, референциальную, фатическую, метаязыковую и поэтическую*. Указанные функции языка связываются с определенными факторами речевого общения, включая адресанта, адресата, сообщение, контекст, код, контакт.

К. Райс выделяет четыре основных типа текста, исходя из функции, которую выполняет текст:

1. Тексты информативного типа. Ведущая функция — сообщение информации, передача знания, выражение мнения. Параметр языка — логический. Такой текст ориентирован на содержание и предметную область. Лексико-синтаксические и стилистические элементы адаптируются под текст перевода и зачастую требуют использования приема нейтрализации.

2. Тексты экспрессивного типа. Ведущая функция — выражение эмоциональных или эстетических переживаний. Параметр языка — эстетический. Задачей переводчика является передача намерений автора и сохранение эстетического воздействия.

3. Тексты оперативного типа. Ведущая функция — апеллятивная в виде призыва к действию или получения реакции. Параметр языка — диалогический. Переводчик может влиять на поведение реципиента сообщения. Для перевода диалоговых форм характерно употребление риторических и специальных стилистических средств.

4. Аудио- и мультимедиаальные тексты. Ведущая функция — воздействие на слушателя. К данным текстам относят музыкальные произведения, теле- и аудиопередачи, сценические произведения. При переводе необходимо учитывать неязыковую форму передачи данного текста, что связано с неязыковыми формами выражения.

Среди критических комментариев в отношении классификации текста К. Райс в основном отмечается упрощенность представленной типологии, а также определенная доля категоричности при соотнесении текста и его функции [Munday 2008, p. 75]. Однако, как отмечает К. Райс, «главная цель — сохранить при переводе наиболее существенное, определяющее тип текста. Только специальная цель, которой перевод должен служить в конкретном случае, или специфика круга читателей, которому он предназначен, могут быть обоснованием для отступления от этого требования» [Райс 1978, с. 209].

Возникает вопрос, например, относительно текстов жанра бизнес-корреспонденции и текстов финансового содержания, которые в английском языке могут быть насыщены концептуальными метафорами и метафорическими оборотами, не имеющими прямого соответствия в языке перевода. В этом смысле информативность текста является ведущей, но не единственной функцией, необходим учет экспрессивности, а иногда и апеллятивности. Подобный «гибрид» может быть характерен, например, для ежегодного отчета о деятельности предприятия, в котором помимо прецизионной информации часто встречаются обращение к акционерам, маркетинговый анализ оценочного характера. Рекламный текст, помимо основной апеллятивной функции, может быть насыщен как экспрессивными элементами

ми, так и деталями сугубо информативного характера. Поэтому сочетание различных функций текста и выбор соответствующей переводческой стратегии вполне допустимы.

В поиске баланса в исследованиях К. Норд

В потоке мыслей и идей скопоса, которые во многом отрицают связь между свойствами оригинального текста, при реализации на их основе транскультурной коммуникации в переводе и в то же время подчеркивании доминирующего значения функции перевода и условий выполнения переводческой деятельности возникает потребность в восстановлении утраченного баланса. Такой баланс весьма своевременно был предложен К. Норд с ее *понятием лояльности* в переводе в качестве «принципа этики» [Nord 2018, p. 109] и стремлением примирить радикализм скопос-теории и консервативный принцип эквивалентности. Суть принципа лояльности состоит в том, что при реализации скопоса перевода переводчик несет ответственность перед всеми участниками (партнерами) переводческого процесса, который автор рассматривает как кооперативную деятельность. Таким образом, скопос перевода, помимо учета контекста целевой культуры, должен ориентироваться на интенции автора.

По словам К. Норд, «любой перевод выполняется с определенной коммуникативной целью в контексте культуры и языка целевой аудитории. Предварительный анализ целевой аудитории, ее потребностей и ожиданий может позволить создать необходимый продукт, который удовлетворил бы потребности и ожидания получателя». Автор выражает данную мысль в форме диаграммы (рис. 1).

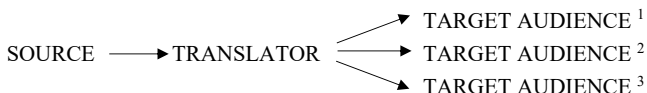

Рис. 1. Диаграмма переводческого процесса К. Норд

Диаграмма иллюстрирует текст оригинала (SOURCE), который переводчик (TRANSLATOR) трансформирует, адаптируя под конкретного целевого получателя (TARGET AUDIENCE) из числа нескольких возможных, которые автор отмечает цифрами 1, 2, 3 [Nord 2005, p. 17]. В своем стремлении представить сбалансированную модель перевода К. Норд преследовала помимо практических дидактические цели. Это отражено в преамбуле к описанию собственной модели перевода: «Модель, которую я предлагаю, представлена в качестве примера, и не более того. К достоинствам модели можно отнести простоту и ясность в объяснении сущности перевода и возможность ее применения как в профессиональных, так и в дидактических целях» [Nord 2005, p. 19]. Далее автор подчеркивает воздействие модели органона К. Бюлера, которую модифицирует, добавив к существующим (экспрессивной (expressive), аппеллятивной (appellative) и референциальной (referential)) четвертую — фатическую функцию, заимствованную из модели Р. Якобсона, занимающую центральную позицию на схеме К. Норд (рис. 2).

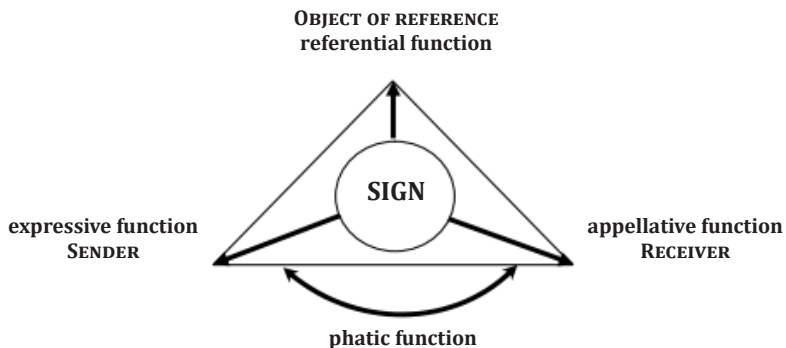

Рис. 2. Схема перевода К. Норд [Nord 2005, p. 19]

Если следовать деятельностному разграничению языковых функций, которое отражает, какое именно действие совершается посредством языка, то вполне обоснованным видится их разделение на две группы: «первые нацелены на выражение раз-

личных сторон существующей внеязыковой онтологии; вторые обеспечивают создание или трансформацию существующей реальности» [Дрофа 2015, с. 75]. Таким образом, фатическую функцию относят ко второй группе и рассматривают ее как контактоустанавливающую, или функцию взаимодействия.

Цель **фатической функции** состоит в налаживании или поддержании контакта между собеседниками. К. Норд описывает фатическую функцию с позиции участников переводческого процесса, включая отправителя и получателя сообщения в ситуации социального взаимодействия. Речь может идти о коротком диалоге о погоде, обмене короткими репликами на общие темы, которые способствуют формированию социальной связи между собеседниками. В современных контекстах можно отметить использование фатической функции в средствах массовой информации, радиопередачах и телепрограммах, в которых выстраивается диалог, нередко с юмористическими вкраплениями, для налаживания речевого контакта.

Референциальная функция, как правило, выражается посредством функциональных маркеров, включая названия объектов, имена, фамилии, термины и пр. В зависимости от типа референта меняется функция текста. Если, например, референтом является фактическое событие, которое неизвестно реципиенту (новый вид продукта или политическое событие, которое еще не получило широкой огласки в СМИ), то текст может нести описательный характер или создаваться в формате репортажа. Если в качестве референта перед нами техническая инструкция, то текст приобретает инструктивную функцию. Референциальная функция, однако, может вызвать затруднение при столкновении переводчика с необходимостью перевода культурной реалии.

Апеллятивная функция, по мнению К. Норд, направлена на то, чтобы вызвать у читателя особую реакцию в ответ на воздействие со стороны отправителя сообщения. В качестве примеров можно привести побуждение читателя к выражению своей точки зрения, покупке продукта, призыв к соблюдению этических

и моральных принципов. Апеллятивная функция также часто встречается в поэтических текстах с целью обращения к эстетическому восприятию действительности читателя.

Экспрессивная функция выражает отношение отправителя к предмету или феномену окружающего мира. В описании экспрессивной функции К. Норд выделяет категорию субфункции, например эмотивную, оценочную и ироническую, которые могут встречаться одновременно в одном и том же тексте.

Еще более развернутая модель функциональной типологии текста была предложена П. Ньюмарком. Ученый выделяет информативную (informative), экспрессивную (expressive) и вокативную (vocative) функции. Последняя включает в себя конативную (conative), инструментальную (instrumental), оперативную (operative) и прагматическую (pragmatic). Позже данная классификация была дополнена эстетической (aesthetic), фатической (phatic) и метаязыковой (metalingual) функциями [Newmark 1988].

Эффективность применения функционального подхода в дидактике перевода П. Кусмауля

В продолжение мысли о необходимости поиска баланса между лингвистической теорией перевода и функционалистским взглядом уместно рассмотреть исследование П. Кусмауля. В своей монографии «Обучение переводчиков» (Training the translator) П. Кусмауль подтверждает, что функционалистский подход в переводе во многом пересекается с воззрениями представителей скопос-теории, при этом автор отмечает необходимость рационального взгляда на переводческий процесс с целью объективного анализа переводческих действий и степени их эффективности. Функция перевода напрямую зависит от знаний, ожиданий, ценностей и норм читателя, которые, в свою очередь, культурно опосредованы и зависят от ситуации. Это влияет на решение переводчика сохранить или изменить функ-

цию текста источника. Данное решение переводчик может обсудить с заказчиком [Kussmaul 1995, p. 149].

Рассуждая об эффективности подходов применительно к подготовке переводчиков, П. Кусмауль предлагает сочетание функционального подхода с психолингвистическими моделями понимания на разных уровнях:

1. **На уровне прагматики:** дескриптивная стилистика наряду с моделью ситуативных измерений, теория речевого акта, понятие типа текста и типология текста.

2. **На уровне семантики:** прототипы, сценарии и фреймы, структурная семантика.

Указанные методы используются в процессах текстового анализа и перевода, начиная с этапа понимания текста, и далее, в процессе поиска и принятия переводческих решений, вплоть до формирования «итогового продукта» [Kussmaul 1995, p. 150].

Понимание текста представляет собой динамический процесс выявления смысла исходного, заложенного автором концепта, который накладывается на контекст или ситуацию в тексте оригинала и формирует ожидание в отношении восприятия данного текста читателем.

В качестве примера текстового анализа на уровне понимания П. Кусмауль приводит перевод предложения из художественного текста.

Текст оригинала: Eventually, Mrs. Sappleton appears, and the young girl interrupts her tale: (2a) She broke off with a little shudder. It was a relief to Framton when the aunt *bustled* into the room with a whirl of apologies for being late in making her appearance (Elisabeth Schnack, ed. Englische Gruselgeschichten. Uncanny Stories. München: dtv 1981:102+104).

Сложность в данном отрывке вызывает слово *bustle*. Автор пытается воссоздать процесс понимания этого слова переводчиком и переводческие действия, которые, предположительно, выполняются в поиске его эквивалента. Эти действия включают обращение к словарю, анализ контекста, а также метод

интроспективного анализа внутреннего диалога переводчика с самим собой для решения переводческой задачи [Kussmaul 1995, p. 88–89].

При обращении к словарной статье монолингвального словаря описание значения слова *bustle* как «шумно», «суетливо» не дает подходящего эквивалента, поскольку при анализе характера героини, исполняющей это действие, указанные варианты перевода не отражают должным образом ситуацию, описываемую в отрывке из произведения. В результате анализа более широкого контекста переводчик приходит к пониманию, что миссис Зеппелтон — молодая женщина средних лет, которая уделяла особое внимание правилам хорошего тона и этикету. Посетителям пришлось ее подождать либо по причине ее занятости, либо, что вероятнее всего, это было связано с нежеланием показать излишнюю суетливость. Поэтому перевод фразы *bustling into her room* лучше всего осуществить в рамках концепта «деловитый», а именно: «она уверенно и деловито вошла в комнату» или «она вошла в комнату с деловым видом». Перевод на немецкий язык словом *stürmen* (врываться) концептуально выбивается из созданной автором картины уверенного спокойствия героини, добавляя излишний оттенок напористости и скорости действия.

Приведенный анализ доказывает, что исходя из позиции функционалистов смысловой и коммуникативный перевод рассматриваются неотделимо друг от друга. Смысловой перевод выполняется с определенной коммуникативной целью, а коммуникативный перевод всегда подразумевает смысловой потенциал индивидуальных языковых единиц. Подобное единство синтеза предполагает компонентный анализ, дополненный психолингвистическими подходами, и учет прагматических элементов. В этом смысле, как отмечает В. Н. Комиссаров, «обобщенное рассмотрение всех видов языкового посредничества не устраняет необходимости специального научного анализа наиболее сложного и важного аспекта разнообразной

деятельности переводчика — осуществление “собственно перевода”, имеющего целью создание текста, способного полноценно заменить оригинал в процессе межкультурной коммуникации» [Комиссаров 2011, с. 257].

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИОНАЛИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Развитие скопос-теории оказало существенное влияние на траекторию дальнейшего развития переводоведения. Постулирование абсолютной первичности скопоса стало настоящим прорывом в рамках функционального переворота в языкознании в целом. Скопос-теория во многом помогла преодолеть конвенциональную приверженность эквивалентности в переводе. При принятии решения о сохранении или изменении функции текста оригинала в переводе акцентируется необходимость учета ожиданий и потребности читателя, что зачастую предполагает использование различного рода переводческих модификаций и стратегии адаптации.

Несмотря на нонконформизм некоторых представителей скопос-направления в стремлении отстаивать первостепенность функциональной составляющей переводческой деятельности, в некоторых исследованиях отмечается необходимость рационального подхода при переводе культурных реалий, требующих выбора определенной переводческой стратегии экзотизации, нейтрализации или ассимиляции, исходя из ситуативной задачи, которая стоит перед переводчиком в каждом конкретном случае.

Радикальный взгляд представителей скопос-направления на определение цели перевода позволил открыть новые возможности для анализа факторов, влияющих на перевод тех текстов, которые не подчиняются законам эквивалентности по той причине, что в них изобилуют элементы экстралингвистического характера, требующие учета адекватности и прочих

социокультурных и семиотических элементов. Это становится особенно актуальным на современном этапе развития аудиовизуального перевода и процессов локализации, когда языковой перенос в переводе уступает место транскультурному и межсемиотическому.

Функциональный подход, как одно из ведущих направлений в переводоведении, интегрирует множество проблем, касающихся социального переводческого взаимодействия, познавательной сферы переводчика, базирующихся на положении о динамическом характере функционирования переводческой деятельности. Динамический подход определяется деятельностной и процессуальной стороной перевода и находит свое выражение в переводческом моделировании. При этом динамичность переводческих процессов подчеркивается в совокупности внешних и внутренних условий их протекания. Под внешними условиями понимается коммуникативное и социальное пространство, в рамках которого осуществляется перевод. Внутренние условия касаются когнитивных особенностей переводчика, включая процессы накопления и обработки информации, а также переводческой памяти.

В результате можно выделить несколько функциональных направлений в современных исследованиях: 1) исследования, опирающиеся на *коммуникативно-функциональный* аспект в переводе; 2) исследования *культурно-функционального* направления, в которых изучаются вопросы локализации как потребность изменения функции текста с целью соответствия ожиданиям читателя; 3) исследования, рассматривающие *когнитивную* сущность переводческого процесса в разрезе *когнитивно-деятельностного* или *когнитивно-функционального* подходов, раскрывающие специфику мышления переводчика в процессе переводческой деятельности и его способность принимать переводческие решения в ситуациях перевода.

Кроме того, можно выделить модели перевода в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, выстраиваемые на основе объединения когнитивного и коммуникативно-функциональ-

ного подходов. Данный синтез обусловлен многосторонним характером дискурса и невозможности его описания без анализа когнитивных и коммуникативных процессов, происходящих в сознании участников коммуникации. В подтверждение этой мысли приведем идею Е. С. Кубряковой о невозможности рассматривать коммуникативную и когнитивно-репрезентативную функции языка изолированно друг от друга [Кубрякова 2004, с. 520]. В сочетании «когнитивно-дискурсивный» Е. С. Кубрякова под дискурсом имеет в виду коммуникацию [Кубрякова 2004, с. 406]. В дополнение к сказанному, как справедливо отмечает Л. Г. Лузина, при исследовании дискурса «становится очевидной необходимость изучения помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации их ментальных репрезентаций» [Лузина 2008, с. 41].

Коммуникативно-функциональный подход в переводе

Становление коммуникативно-функциональной теории перевода происходило на протяжении нескольких десятилетий в поиске нового основания для изучения переводческой деятельности в расширенном понимании как части межкультурной коммуникации при учете лингвистических и экстралингвистических факторов и возможных участников данной коммуникации. Мысль, изложенная в одном из наших ранних исследований, о том, что «переводческий процесс во многом отражает характеристики процесса коммуникации с учетом определенных компонентов, которые являются переводческими по своей сути, в частности те, что способствуют распознаванию проблем и выявлению стратегий для их решения» [Ремхе 2013, с. 149], свидетельствует о связи между природой коммуникации и переводом. При определении понятия перевода в русле коммуникативно-функциональных воззрений ученые также опирались на сущность переводческой деятельности, которая в основе несет социально-коммуникативную функцию, обеспечивая усло-

вия для общения носителей языка, относящихся к разным социокультурным сообществам.

Н. Г. Валеева отмечает двойственную природу перевода с позиции коммуникативно-функциональной парадигмы: во-первых, «с процессуальной стороны перевод есть закономерно последовательное изменение, переход одного текста, текста оригинала, в другое качественное состояние — текст перевода, осуществляемое посредником-переводчиком в условиях лингвокультурного общения в ходе переводческой деятельности. ... Во-вторых, понятие *перевод* понимается как переводческая деятельность, которая представляет собой самостоятельный вид речевой деятельности в сфере коммуникативно-общественной деятельности людей» [Валеева 2018, с. 18].

В западном переводоведении смена парадигмы с лингвистической на коммуникативную обозначается в период издания монографии Х. Хенига и П. Кусмауля «Стратегия перевода». В исследовании подчеркивалась особая роль переводчика как активного участника коммуникативного процесса, реализующего свои действия в формате транскультурной коммуникации, а его решения ориентированы на ожидания и потребности целевой аудитории. Важным наблюдением становится то, что текст оригинала представляет собой один из возможных вариантов информативного предложения, поэтому он не рассматривается как уникальный и, таким образом, свергается с пьедестала с ориентацией на целевую функцию текста перевода.

На развитие коммуникативно-функционального подхода в российском переводоведении повлияли взгляды многих представителей западных переводоведческих школ, которые дополнили номенклатуру понятий важными терминами, отражающими коммуникативно-функциональный аспект перевода. Не вдаваясь в глубокий анализ подходов зарубежной теории, поскольку данный вопрос уже тщательно проработан в монографии В. В. Сдобникова [Сдобников и др. 2020], трудах Э. Прунча [Прунч 2015] и других ведущих ученых — теоретиков перевода, стоит отметить значительный вклад А. Нойберта

[Neubert 1997], который дает определение термину прагматической адекватности и отмечает важность учета прагматических аспектов перевода, существенную роль понятия динамической (функциональной) эквивалентности Ю. Найды [Nida, Taber 2003], а также релевантную теорию и идею разделения на «открытый» и «закрытый» переводы Е. Гутта [Gutt 2000]. В указанных исследованиях подчеркивается важность учета прагматических аспектов перевода, что повлияло на дальнейший ход развития коммуникативно-функционального подхода в отечественном переводоведении, в частности в работах А. Д. Швейцера.

Исследования в рамках коммуникативно-функционального подхода в переводе позиционируют перевод как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации. Классическое понимание перевода в этом смысле находим в монографии А. Д. Швейцера: «Перевод является коммуникативным актом, а последний можно считать состоявшимся лишь при наличии соответствия между передаваемым и воспринимаемым мыслительным содержанием. Отсюда следует, что общим для всех видов коммуникативных ситуаций, опосредуемых с помощью перевода, является стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал, или, иными словами, коммуникативную установку (информативную, экспрессивную, эмоциональную, побудительную), лежащую в основе первичного текста» [Швейцер 1988, с. 74].

Примечательно, что А. Д. Швейцер указывает на сложность и противоречивость процесса перевода и подтверждает данную мысль парадоксальным явлением «*двойной лояльности*» переводчика, который, с одной стороны, должен соблюдать верность оригиналу, а с другой — следовать нормам и культуре целевого адресата. Эта противоречивость выражается в уточняющем определении перевода А. Д. Швейцера, который указывает на его двустороннюю сущность как на «однаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному

(“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» и как на «процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988, с. 75].

В продолжение мысли А. Д. Швейцера в своем труде «Современные проблемы перевода» З. Д. Львовская указывает на эвристичность переводческой деятельности по своей природе, а это означает, что «переводчик делает выбор в пользу конкретного варианта ... среди многих других возможных вариантов с тем, чтобы его вариант выдержал проверку “фильтрами” (*релевантными факторами коммуникативной ситуации*), условно объединенными в две большие группы: факторы, которые связаны с максимально возможной верностью концептуальной программе ИТ, и факторы, которые вытекают из “верности” пользователем ПТ» [Львовская 2008, с. 87].

В обоих указанных случаях разворачивается классическая полемика в отношении определения понятий *эквивалентности* и *адекватности*. С позиции функционально-коммуникативного подхода она разрешается в пользу учета обоих явлений с разной степенью «лояльности» текстам исходного и переводящего языков, которой должен следовать переводчик. Эквивалентность рассматривается в *функционально-интенциональном* плане на этапе порождения текста «в аспекте концептуальной верности ИТ и в аспекте верности ПТ» [Львовская 2008, с. 88], в то время как адекватность оценивается на уровне «соответствия ПТ новой коммуникативной ситуации, которая возникает в принимающей культуре».

Согласно позиции А. Д. Швейцера, «полная эквивалентность подразумевает исчерпывающую передачу “коммуникативно-функционального инварианта” исходного текста, в то время как адекватность опирается на реальную практику перевода, которая часто не допускает исчерпывающей передачи всего

коммуникативно-функционального содержания оригинала». Адекватность «исходит из того, что решение, принимаемое переводчиком, нередко носит компромиссный характер, что перевод требует жертв и что в процессе перевода во имя передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант) переводчику нередко приходится идти на известные потери» [Швейцер 1988, с. 95].

Возможность создания перевода, который будет адекватным новой коммуникативной ситуации и не будет при этом эквивалентным исходному тексту, разрешается в скопос-теории К. Райс и Г. Фермеера, в определении понятия информативного предложения. В случае особого требования заказчика переводчик может прибегнуть к необходимости создания нового информативного содержания в рамках другой концептуальной программы в соответствии с ожиданиями заказчика. Текст перевода в данном случае будет выполнять иную коммуникативную функцию.

Очевидно, что в трех представленных теориях видение адекватности перевода имеет существенные различия. К. Райс и Г. Фермеер связывают понятие адекватности с типом информативного предложения и текстом оригинала. Согласно А. Д. Швейцеру, «требование адекватности носит оптимальный характер» [Швейцер 1988, с. 96], а ее критерием является объективная необходимость отступления от эквивалентности. Автор подчеркивает, что «перевод адекватен тогда, когда переводческое решение в достаточной мере соответствует коммуникативным условиям» [Швейцер 1988, с. 97].

З. Д. Львовская исходит из *коммуникативного* подхода к переводу, как эквивалентной двуязычной деятельности, которая предполагает рассмотрение понятия эквивалентного перевода шире понятия «адекватный перевод», «поскольку первый предполагает оба требования: максимально возможную верность КПА ИТ и максимально возможную верность новой коммуникативной ситуации (читай: адресату ПТ), в то время как второй означает лишь адекватность новой коммуникативной ситуации, созданной в принимающей культуре» [Львовская 2008, с. 91].

В отечественном переводоведении А. Д. Швейцер представил классический вариант функционально-коммуникативной концепции перевода, придавая особое значение функциональным характеристикам текста и коммуникативной установке отправителя сообщения, через которые читатель воспринимает намерение автора текста и подвергается коммуникативному воздействию. Таким образом, переводческий процесс осуществляется согласно триаде: 1) коммуникативная интенция (цель коммуникации), 2) функциональные параметры текста и 3) коммуникативный эффект, — которые соответствуют отправителю, тексту и получателю [Швейцер 1988, с. 174].

В современном российском переводоведении функционально-коммуникативная теория получает глубокое научно-практическое обоснование в трудах В. В. Сдобникова. Основные постулаты коммуникативно-функционального подхода к переводу, изложенные в исследовании В. В. Сдобникова, отражают тщательно проработанную научную концепцию, которая получает выражение в создании коммуникативно-функциональной модели перевода, закладывающей фундаментальные основы дальнейшего развития коммуникативно-функционального направления в российском переводоведении, в работах современных авторов [Белозерцев 2013; Лысякова 2022; Молчанова 2015 и др.].

Новый виток развития коммуникативно-функционального подхода в переводоведении определяет потребность в переосмыслении понятия перевода. Согласно варианту, предложенному В. В. Сдобниковым, перевод представляет собой «речемыслительную деятельность переводчика, направленную на создание текста на ПЯ, воспроизводящего содержание и формальные характеристики исходного текста в той степени, в которой это необходимо в данной коммуникативной ситуации, и обеспечивающего успешную предметную деятельность инициатора и/или получателя перевода» [Сдобников 2018, с. 79]. Как справедливо отмечает В. В. Сдобников в недавнем исследовании, «перевод —

это вовсе не филологическая игра, цель которой — преобразовать один текст в другой. Перевод осуществляется только тогда, когда в этом возникает необходимость, а необходимость в переводе появляется в определенной ситуации осуществления предметной деятельности (производственной, познавательной, рекреационной и т. п.)» [Сдобников 2022, с. 68].

Таким образом, с развитием функционализма критерий функциональности становится одним из ключевых в определении эквивалентности и адекватности перевода, что позволило вывести полемику относительно данных аспектов в новое коммуникативно-функциональное русло. Тем самым нивелируется равенство двух текстов в лингвистическом смысле и допускается только их прагматическое или функционально-интенциональное сходство, которое при этом не рассматривается как абсолютное, т. к. равенство реакций отправителя и получателя сообщения в процессе коммуникации считается недостижимым. Переводческие исследования в русле коммуникативно-функционального направления фокусируются на изучении коммуникативной ситуации и адекватности перевода с точки зрения передачи коммуникативного эффекта и функции исходного текста. Основные аспекты в рамках этого направления включают учет коммуникативной ситуации и ее влияние на цель перевода, которая определяется потребностями и ожиданиями инициатора и получателей перевода. Достижение цели перевода происходит за счет использования определенной стратегии, выбор которой зависит от специфики коммуникативной ситуации и цели перевода, определяемой инициатором.

Культурно-функциональный подход на примере специфики локализации

Цифровая революция изменила роль переводчика, сделав его неотъемлемой частью процесса создания программного обеспечения и контента. Переводчик выступает в качестве не

только исполнителя, но и партнера компании, оказывая услуги по адаптации продукта для различных рынков и привлечения клиентов. В результате особую важность для переводчика приобретают не только языковые навыки, но и техническое понимание цифрового контента ввиду того, что локализация включает адаптацию текста и его нетекстовых компонентов, чтобы соответствовать требованиям конкретной культуры и определенного региона. Локализация может включать в себя перевод диалоговых окон, кнопок, меню, подсказок и других элементов программного обеспечения. Перевод графических элементов, таких как иконки и изображения, должен быть релевантным ожиданиям пользователя.

В рамках новой культурно-функциональной концепции перевода, применимой к локализации, используется аббревиатура GILT (Globalization, Internationalization, Localization, Translation), представляющая собой комбинированную последовательность действий в процессе доставки продукта потребителю [Рум 2004, р. 29–30].

Глобализация представляет собой динамичный процесс, обусловленный распространением продукта на мировом рынке и включающий в себя широкий спектр задач. Одним из важнейших аспектов этого процесса является интернационализация продукта, т. е. его адаптация к требованиям и предпочтениям международных рынков. Глобализация также предполагает разработку и реализацию качественного дизайна продукта, который будет привлекательным и конкурентоспособным для международных потребителей.

Интернационализация является важным этапом разработки программного обеспечения, который позволяет создать универсальный продукт, способный достичь успеха на международных рынках и быть доступным для использования разными культурными группами, не требуя значительных изменений и адаптаций для каждого отдельного рынка.

Локализация — это процесс, связанный с адаптацией программного продукта под лингвистические и культурные особенности конкретной страны или региона, где планируется его пользование и продвижение. Основная цель локализации заключается в создании комфортной и привлекательной среды для пользователей, соответствующей их местным потребностям и ожиданиям. Локализация включает перевод текста, а также адаптацию элементов дизайна, формата, времени, валюты и других аспектов, чтобы сделать продукт максимально релевантным и удобным для пользователей в конкретном регионе. Благодаря GILT-стратегии компания может эффективно доставить свой продукт к широкой аудитории, учитывая языковые и культурные особенности разных регионов [Remkhe, Nefedova 2017].

Рассуждая о значении понятий *перевод* (translation) и *локализация* (localization) с позиции индустрии локализации и переводоведения, А. В. Ачкасов подчеркивает разницу в терминологизации данных явлений. По словам автора, «в контексте индустриальных практик перевод осмысливается как простая замена языковых цепочек символов (текстового контента) в рамках сложноорганизованного процесса модификации продукта». Ученый также подчеркивает существование мнения о маргинализации понятия перевода и переводчика в дискурсе локализации [Ачкасов 2019, с. 83].

Нельзя не согласиться с тем, что в переводоведении исследователи стремятся дополнить перевод понятием «культурная адаптация» и описать локализацию в ставших традиционными терминах переводоведения (доместикация, функциональный перевод, скрытый перевод, мультимодальный перевод и т. д.) зачастую в ущерб технологическим, экономическим, юридическим и другим факторам [Ачкасов 2019, с. 84]. Данное положение возвращает нас к понятию «естественности» перевода, рассматриваемой в исследовании Ю. Найды, который справедливо отмечает, что «сообщение должно быть адаптировано к языко-

вым потребностям получателя и культурным ожиданиям» [Цит. по: Munday 2008, p. 39].

Переводческая локализация предполагает адаптацию содержания продукта, приложения или документа с той целью, чтобы достичь соответствия лингвистическим, культурным и другим нормам целевого рынка или региона. Согласно вескому замечанию В. В. Сдобникова, в современных исследованиях зачастую «адаптация в скрытой форме отделяется от перевода, предстает как особый вид деятельности, существующий в дополнение к переводу. <...> Получается, что это своего рода способ «шлифовки» результирующего текста, необходимой для «приспособления» текста к принимающей культуре [Сдобников 2018, с. 75].

Существуют различия между адаптацией неязыковых характеристик продукта и адаптацией языкового контента. Последний обозначается как *языковая локализация* (language localization) и означает адаптацию переведенного текста к условиям конкретной страны или региона, что требует понимания национально-культурных особенностей и потребностей целевой аудитории, а также владения языковыми стилями. В результате, языковая локализация является понятием, близким к термину «транскреация», который используется в оппозиции к собственно переводу или локализации, поскольку представляет собой создание параллельного текста на иностранном языке, который не функционирует как перевод. Е. Д. Маленова понимает под транскреацией стратегию «творческого переосмысления сегмента текста оригинала с последующим созданием нового текста средствами языка перевода с учетом полимодального и культурно-специфического контекста произведения, характеристики коммуникативной ситуации, технических и правовых ограничений, предполагаемой реакции реципиента» [Маленова 2018, с. 54]. Функциональные особенности транскреации позволяют сравнивать данный процесс с явлением копирайтинга (copy-writing), которому присущи «более высокая степень сво-

боды при переработке текста» и «учет в широком смысле культурных особенностей целевой локали» [Ачкасов 2019, с. 85].

Согласно наблюдениям К. Данн, процесс локализации включает в себя три этапа: извлечение, адаптацию и интеграцию [Dunne 2015, p. 556]. Автор обозначает локализацию как культурный «трансплант», который интегрируется в шаблон интерфейса пользователя и сохраняется для использования целевым читателем. Согласно указанным этапам локализации, утрачивается связь между исходным и целевым текстами. Исходный текст напрямую связывается интернализированным и далее с локализованным продуктом, что выражается в переходе «текст — целевая культура». Таким образом, перевод приобретает статус проекта и представляет собой фрагмент или блок, созданный в определенном формате согласно переводческому заданию, которое фиксируется в виде партнерского соглашения между переводчиком и заказчиком. В рамках данного соглашения оговариваются также контроль стандартов синтаксиса и семантики. В этом смысле при обсуждении специфики локализации текста А. Пим использует понятия «информационный объект» или «информационный элемент» как фрагмент целого, который не всегда бывает доступен переводчику. В этом ученый видит особенность нового типа дискурса, созданного путем интернализации контента, а также проявление нелинейности как характеристики переводческого процесса [Pym 2004].

Указанная тенденция фрагментации и нелинейности текста перевода вновь возвращает нас к радикальным воззрениям К. Райс и Г. Фермеера в отношении перевода как вторичного предоставления информации, имитирующей исходное сообщение, что выражается в термине «информативное предложение» (см. п. 2.1). Переводчики-локализаторы берут в работу не линейный текст, а, скорее, фрагменты или строки, которые проходят процесс деконтекстуализации посредством информационного и лингвистического структурирования как технического явления, которое может скорректировать повествование, заложенное в тексте оригинала. В результате возникают вопросы

относительно изменения познавательного и прагматического аспектов перевода, а также трансформации процессов понимания и принятия решений переводчиком.

Однако, учитывая нормоконтроль переводческих процессов и степень эквивалентности при локализации, уместно отметить налаживание компромисса в традициях К. Норд (см. п. 2.4) в отношении приверженности тексту оригинала и перевода. Компромисс выражается в существовании многообразия стратегий, выбор из которых происходит в соответствии с задачей перевода и требованиями заказчика. В качестве вариантов переводческой стратегии выделим следующие:

1. Стратегия адаптации — близость к языку целевого потребителя. При адаптации терминологии к культурно-национальным особенностям читателя подключается стратегия локализации.

2. Стратегия отчуждения — близость к тексту оригинала.

3. Стратегия интернационализации — сохранение норм эквивалентности.

Наконец, индустрия локализации меняет роль переводчиков, требуя от них расширенных компетенций. С ростом мирового рынка и развитием технологий требования к переводчикам становятся все более разнообразными и сложными. Переводчики должны обладать не только языковыми навыками, но и техническими знаниями при работе технологиями, используемыми в процессе локализации. Это может включать знание инструментов компьютерной верстки (DTP), программ компьютерного перевода (CAT), протоколов автоматической передачи файлов (FTP) и других инструментов, необходимых для эффективного выполнения работы. Кроме того, переводчики должны быть готовы работать с инструментами компьютерного перевода, использовать память переводов и терминологические базы данных. Все эти изменения приводят к формированию новой переводческой реальности, схематично представленной в одном из наших ранних исследований (см. рис. 3).

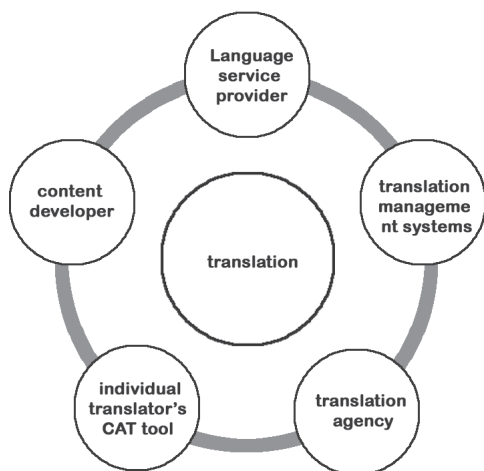

Рис. 3. Схема интегрированной переводческой реальности в процессе локализации продукта [Remkhe, Nefedova 2017, p. 921]

Данная схема иллюстрирует интегрированные компоненты процесса перевода, включающие в себя контент, услуги и персонализацию. Исходный текст, предоставленный разработчиком контента, передается поставщику языковых услуг, который организует работу действующих переводчиков и фрилансеров. Затем текст передается в систему управления переводами, основанную на открытых стандартах, где происходит обмен лингвистическими данными и применяется многоразовый контент. Это реализуется благодаря автоматизации рабочего процесса на основе информации о проекте, хранящейся в базе знаний. На следующем этапе перевод поступает в САТ-инструмент для дальнейшей обработки и адаптации. Подчеркнем, что в процессе локализации возрастает роль адаптации и сотрудничества.

Таким образом, локализация может рассматриваться с функционалистских позиций в традициях скопос-теории, заложенных в исследованиях К. Райс и Г. Фермеера, согласно которым ключевыми факторами являются цель, ради которой выполняется перевод, и функция, осуществляемая переводом в целевой куль-

туре. При этом культурная адаптация является неотъемлемым компонентом локализации и во многом основывается, помимо известного приема «доместикации» Л. Венути [Venuti 1995], на принципах перевода согласно типологии текста К. Райс, учитывающей наличие определенных элементов в структурно-композиционной организации текста, оказывающих влияние как на восприятие текста читателем в исходной культуре, так и на процесс перевода данного текста для целевой аудитории.

Когнитивно-функциональная парадигма описания переводческого процесса

С выходом монографий К. Райс и Г. Фермеера, а также Ю. Хольц-Манттари утверждается деятельностный подход, который позволил переводоведческой науке нащупать пути отступления от традиционной парадигмы языкознания и сосредоточить внимание на тексте как особой разновидности действия. Если взять за основу текст оригинала как информативное предложение (Informationsangebot) мультимедиального типа, то действия переводчика будут как вербальными, так и невербальными в соответствии с коммуникативной ситуацией. В устном переводе могут иметь значение также паравербальные сигналы, требующие переводческой интерпретации в рамках культурного и надкультурного пространства, что выражается в знаковой интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер [Seleskovitch, Lederer 1984]. Смещение акцента на скопосориентированность переводческой деятельности прослеживается в теории переводческого действия Ю. Хольц-Манттари, суть которой в кооперативном взаимодействии переводчика и прочих агентов переводческого процесса для создания условий сотрудничества, помогающих преодолеть социальные и культурные барьеры (см. п. 2.2).

В сегодняшних переводческих исследованиях, отличающихся интегративным характером, в русле парадигмальности современной науки социально-культурный компонент в пере-

водческой деятельности дополняется деятельностью познания, мышления и рефлексии. Это связывается с необходимостью выявления когнитивной сущности перевода, заключающейся в описании ментальных конструкций, посредством которых происходят восприятие и понимание переводимого текста, его последующая интерпретация и перевод. По оценке Л. М. Алексеевой, «современному этапу переводоведения свойственны два определения: когнитивно-деятельностное и личностно ориентированное. Первое определение подчеркивает связь перевода с процессом познания и развитием личности. Личностно ориентированный характер переводоведения позволяет трактовать его как антропологический феномен» [Алексеева 2010, с. 50]. Деятельностный аспект перевода автор связывает с пониманием исходного текста, которое обладает индивидуальными особенностями в каждом конкретном случае. В результате перевод характеризуется как «процесс, полностью зависящий от компетенции переводчика как переводящей личности» [Алексеева 2010, с. 50].

Когнитивная составляющая перевода находится в непосредственной связи с функциональной составляющей переводческой деятельности. Когнитивные операции мозга переводчика в процессах понимания, интерпретации и принятия переводческих решений составляют переводческую экосистему, сформированную в определенных социокультурных условиях и продиктованных контекстом переводческой деятельности. К социокультурным факторам относим нормы и правила перевода, идеологию, этику перевода. В тот момент, когда результат переводческого действия удовлетворяет потребностям не только переводчика, но и заказчика, издателя и целевого читателя, оно превращается в значимую социальную деятельность.

Важно отметить, что когнитивным стратегическим ресурсом переводчика является контекст, влияющий на переводческое решение. В переводческой практике контекст зачастую

связывается с контекстуализированными текстовыми функциями. Текстовая функция соотносится с *когнитивным* или *контекстуальным эффектом*, который текст призван произвести на читателя в коммуникативной ситуации. Когнитивный эффект должен не только соответствовать ожиданиям читателя, но и удовлетворять потребностям говорящего и других участников. Основная цель когнитивного эффекта в переводе — это передача смысла исходного текста и активация определенных *мыслительных процессов* у читателя, чтобы он мог лучше понять, воспринять и запомнить перевод. К данным процессам можно отнести *ассоциативные связи* между идеями и концептами, *запоминание* и *удержание* информации, *стимулирование мышления* и *внимания* читателя.

Когнитивный эффект не следует путать с коммуникативным, поскольку основная цель последнего в переводе заключается в *достижении эффективной коммуникации* и *воздействия* на читателя, чтобы передать смысл исходного текста и вызвать желаемые *реакции*. Коммуникативный эффект в большей степени сориентирован на *передачу коммуникативных целей* исходного текста посредством *трансфера* идей и информации, *убеждения* и *воздействия*, а также *адаптации* культурных ценностей.

Следуя за мыслью Л. М. Алексеевой, «в рамках деятельностных теорий формируется понятие рефлексии перевода как мышления, вплетенного в деятельность, развивается представление о том, что объект перевода не дан нам непосредственно и объективно» [Алексеева 2010, с. 51]. Поскольку объект перевода конструируется в процессе рефлексивной деятельности, рассмотрение переводческого процесса выводится за рамки языковой деятельности при учете контекста и ситуации в целом для описания реальной переводческой практики.

В российском переводоведении развитие когнитивно-деятельностного подхода наблюдается в исследованиях, посвященных изучению взаимодействия и пересечения когнитив-

ных структур переводчика в процессе перевода (Л. В. Кушнина, А. Г. Минченков, И. Н. Ремхе, Т. А. Фесенко, D. Kiraly, A. Neubert, M. G. Shreve), социокогнитивному подходу при описании взаимодействия переводчика и среды [Краснопеева, Краева 2023], экокогнитивному моделированию профессиональной коммуникации в переводческой отрасли [Чистова 2021], а также изучению конвергенции переводческих технологий и ресурсов для реализации комплексных переводческих проектов (А. В. Ачкасов, M. Cronin, S. Nauert, A. Pym).

В данном спектре современных научных трудов хотелось бы отдельно отметить матричный формат моделирования переводческого процесса, как концептуальную модель многоаспектного описания переводческого процесса, включая лингвистические, семантические, когнитивные и технологические аспекты, представленные в виде многоуровневой схемы, отличающейся экспланаторным характером [Remkhe et al. 2016, p. 235]. Под матрицей переводческого процесса понимается «целостная система взаимозависимостей, состоящих из внешних и внутренних компонентов, направленных на сохранение целостности процесса на основе когнитивно-эвристического подхода к поиску переводческих решений. Решение о выборе переводческого варианта принимается на когнитивном уровне переводческого пространства в результате комплексного анализа факторов, включая коммуникативную задачу, прагматику высказывания, стилистические особенности, лексико-грамматическое построение, информативность текста и прочее, а также при использовании информационно-технических средств в качестве ресурсной и функциональной составляющей» [Ремхе, Нефедова 2016, с. 84].

Комплексный и интегративный характер переводческого процесса обуславливает необходимость учета внешних и внутренних факторов переводческой деятельности. Внутренний фактор составляет когнитивный и метакогнитивный аспекты матричной модели перевода. Здесь подразумеваются про-

цессы, происходящие в переводческом мышлении для более глубокого понимания логики действий переводчика и выбора стратегий при решении переводческих задач. Внешние факторы относятся к социально-техническим условиям реализации деятельности переводчика, включая взаимодействия с различными агентами перевода (эксперты, представители переводческих агентств, технический персонал) и использование разнообразных технических инструментов и автоматизированных средств.

Одним из практических результатов реализации матричной модели перевода стала разработка переводческой веб-платформы TranSource, позволившей объединить внутренние и внешние аспекты переводческой деятельности в рамках решения задачи оптимизации работы над переводческим заданием [Ремхе, Нефедова 2022]. Эта задача решается путем организации переводческого взаимодействия при работе над переводческим проектом и адаптации функциональных возможностей веб-платформы под решаемые переводческие задачи. Выстраивание переводческой деятельности в онлайн-режиме позволяет переводчику формировать собственную эвристическую модель переводческого процесса на основе выбора из компонентов, заложенных в системе, в сочетании с использованием собственных когнитивных ресурсов и с учетом распределенного характера переводческих решений, что также связано с работой в онлайн-режиме (эффект «распределенной когниции»).

Перспектива описания переводческого процесса с позиции когнитивно-деятельностного подхода состоит в экосистемной сущности переводческого процесса, которая выражается в поддержании жизнеспособности всего механизма за счет определения особой роли каждого элемента в действии. Налаживание коммуникации с клиентом и использование внешних ресурсов и информации создают основания для открытости и адаптивности системы, встраивания в среду, выход в которую получает переводческий продукт.

В заключение отметим, что развитие теорий функционализма проходит в сочетании с коммуникативным и когнитивным аспектами. Данная тенденция прослеживается в русле *прагматического* и *когнитивного* переворотов, стимулирующих уточнение понятий *коммуникации*, *понимания*, а также проявление интереса к *ментальной деятельности* переводчика. Это влечет за собой развитие междисциплинарных исследований с привлечением смежных наук, таких как лингвопсихология, психолингвистика, когнитивистика, нейролингвистика, компьютерная лингвистика и др. При этом зачастую изучение прагматических характеристик переводческого процесса и ментальная сфера переводчика рассматриваются в тесной связи друг с другом и так или иначе учитываются при функциональном описании перевода. В подобном интегративном единстве проявляется синтез функциональной, коммуникативной и когнитивной парадигм в переводе.

ГЛАВА 2

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОВОРОТЫ В ЛЕКСИКОГРАФИИ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ СЛОВАРНОЙ ФУНКЦИИ К ГИПЕРФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

В данной главе делается попытка проследить развитие функциональных параметров разных типов словарей, начиная с традиционных типологических функций печатных изданий и заканчивая современными электронными словарями. В тексте частично используются расширенные и переработанные фрагменты нашей статьи «Словарь “Мультитран” как свернутая функциональная модель семантики, синтактики и прагматики термина», опубликованной в Вестнике Тюменского государственного университета в 2015 г., Т. 1, № 2. Гуманитарные исследования. С. 78–88.

Типологические функции словаря

Понятие «словарная функция» стало специальным понятием с появлением теории лексикографии, которая начиналась с проблемы классификации словарей. Наша отечественная лексикография приобрела статус теоретической сравнительно недавно: «отечественная теоретическая лексикография сформировалась во второй трети XX в. по крайней мере, в качестве первой научной типологии словарей, разработанной Л. В. Щербой в статье “Опыт общей теории лексикографии”, опубликованной в 1940 г.» [Дубовский, Заграевская 2014, с. 168].

В типологии Л. В. Щербы мы находим 6 типов-противопоставлений словарей: противоположение первое: словарь академического типа — словарь-справочник; противоположение второе: энциклопедический словарь — общий словарь; противоположение третье: thesaurus — обычный (толковый или переводный) словарь; противоположение четвертое: обычный

(толковый или переводный) словарь — идеологический словарь; противоположение пятое: толковый словарь — переводный словарь; противоположение шестое: неисторический словарь — исторический словарь [Щерба 1985].

Не трудно заметить, что в данной типологии уже были заложены основные функции словарей — справочная, систематизирующая, учебная и нормативная. Их так и называют — типологические функции словаря.

Функциональная обусловленность является одним из типологических параметров всякого словаря. Четыре универсальные функции обычно отражают тот параметр словаря, который является доминантным и в силу этого определяет тип словаря. Так, традиционно выделялись четыре типа словарей в соответствии с упомянутыми четырьмя функциями: словари-справочники, идеографические словари (словари тезаурусного типа), учебные словари и нормативные. Все эти функции естественным образом могут пересекаться и совмещаться, т. е. реализоваться в разных пропорциях в рамках одного словаря. Следовательно, словари имеют возможность совмещать в себе разные типологические признаки и принадлежать одновременно к разным типам [Табанакова, Сивакова 2003]. Особенностью современных словарей как раз и является их многофункциональность. Словари-новинки — это всегда словари смешанного типа.

В начале 2000-х в теории отечественной лексикографии разрабатывались и закладывались типологические параметры специальных словарей, ориентированные на функции словаря. Так, например, глоссарий фитонимов, разработанный в 2006 г. на кафедре перевода и переводоведения Тюменского государственного университета интегрирует в себе параметры различных типов словарей: *отраслевого терминологического* (описываются единицы ботанической терминосистемы), *толкового* (дефиниция представляет собой морфологическое описание вида, даются варианты произношения английских и латинских названий), *переводного* (дается дословный перевод всем еди-

ницам словника на английском и латинском языках; английские и русские общепринятые названия видов представлены попарно), *этимологического* (дается этимологическая справка латинским терминам и общепринятым названиям), *энциклопедического* (включены данные о времени цветения, местообитании, хозяйственном применении, примечания, иллюстрации с изображениями видов, хронологическая справка), *инвентаризационного* (систематизировано большое число эквивалентов латинского термина в английском и русском языках), *электронного* (гlossарий представлен в цифровом формате). Таким образом, определились типологические признаки глоссария фитонимов: *справочный, переводной, учебный, инвентаризационный, электронный*.

Глоссарий фактически является пособием для преподавателей и студентов биологических факультетов, ботаников, геоботаников, специалистов, работающих с фитотерминологией, а также лингвистов, флористов и переводчиков. «В зависимости от категории адресата глоссарий реализует несколько *функций* терминологического словаря: *справочную* (для пользователя, интересующегося ботанической информацией), *переводную* (для лингвистов), *учебную* (для студентов-ботаников, изучающих ботанический минимум), *инвентаризационную* (для специалистов, т. к. фиксирует научные, общепринятые, народные названия)» [Лингвистическое моделирование 2009, с. 159].

Функциональная направленность словаря напрямую связана с его пользователем. Так, например, переводные словари, предназначенные для переводчиков, в гораздо большей мере функционально обусловлены, чем одноязычные, толковые. Переводчик никогда не сможет ограничиться информацией справочного характера, а именно наличием только переводного эквивалента. Он всегда заинтересован в максимальном объеме как лингвистической, так и экстралингвистической информации о слове. Из этого не следует, что идеальный переводной словарь может реализовать все функции в полном объеме. В то же

время переводная лексикография для удовлетворения потребностей пользования стремиться использовать метаязык общей и специальной лексикографии, реализующей в совокупности все необходимые словарные функции [Табанакова, Ковязина 2006].

Функциональную динамику словарей в теории переводной терминологии за 15 лет XX в. можно проследить на материалах Международной школы-семинара в Иваново, проводимой раз в два года. Так в 2005 г. модель переводного терминологического словаря предлагается через призму расширения его лексикографических функций — от справочной до систематизирующей [Табанакова 2003]. В 2007 г. А. В. Кувшиновой рассматривается модель отраслевого англо-русского словаря, базирующегося на принципах построения LSP-справочников [Кувшинова 2007]. Сербский лексикограф Predrag Novakov на этом же семинаре анализирует проблемы, встающие перед составителями лингвистических переводных глоссариев [Novakov 2007]. Интересным и актуальным представляется доклад Л. В. Рычковой, предложившей рассмотреть терминологические базы данных как оптимальный инструмент упорядочения терминологии на этапе создания многоязычных терминологических ресурсов [Табанакова 2005].

В материалах семинара 2009 г. предметом разговора становятся проблемы семантизации лексических единиц в оптимальном словаре для переводчиков с опорой на семный и контрастивный анализ [Кувшинова 2007, Novakov 2007, Рычкова 2007]. В 2011 г. вопросы переводной терминологии не обсуждаются в рамках семинара. В то время как в 2013 г. интересы терминологов, переводоведов и лексикографов интегрируются, и на рассмотрение выносятся целый ряд очень значимых аспектов переводной терминологии. Так, мы знакомимся с исследованием проблемы отражения в двуязычных терминологических словарях результатов сопоставительного анализа функциональных особенностей отдельных языковых единиц [Лукина 2009]. М. Л. Алексеева описывает принципы построения элек-

тронного диахронического переводного словаря [Маник 2009]. Работа Е. П. Поцыбиной посвящена одной из самых сложных лексикографических проблем — проблемой отбора терминов в двуязычный терминологический словарь [Ильющенья 2009]. М. В. Ополовникова исследует способы семантизации структурных языковых единиц в элэтронных контекстных многоязычных словарях [Денисов 2013]. О создании двуязычного словаря в интерлингвокультурной парадигме мы узнаем из доклада Н. Г. Юзефович [Алексеева 2013]. Не менее активно, чем в 80-х гг. разрабатывается тезис о необходимости логико-понятийного анализа терминологии на этапе формирования терминологического словника в двуязычном словаре [Поцыбина 2013]. Таким образом, мы отслеживаем определенное развитие теории переводной терминографии и должны отметить функциональное многообразие переводного типа словарей.

Функциональная специфика разных типов словарей

У каждого типа словаря в рамках общей типологической функции выделяются частные функции. Так у Семантического (идеографического типа) словаря имеется ряд специфических функций. Например, Русский семантический словарь под редакцией С. Г. Бархударова [Караулов и др. 1982] позволяет реализовать следующие функции: — порождать из словарной статьи связный текст для характеристики соответствующего понятия; — конструировать оптимальную дефиницию для соответствующей лексемы; — формировать для разных целей широкие по объему группировки слов, обладающих некоторым общим, заранее заданным признаком (семой), а также помогает системам информационного мониторинга вскрыть в ряде случаев семный механизм переносных значений и образных употреблений слов (метафоры, метонимии); — имеющаяся в системе база данных дает возможность получать информацию о лексическом окружении любой единицы обработанного словника [Зацман, Кожунова 2007, с. 129].

Разветвленная сеть функций электронных словарей, ориентированных на запросы пользователя представлена в статье С. Нильсен «Function- and User-related Definitions in Online Dictionaries» [Nielsen 2011]. Автор отталкивается от широко принятых лексикографами двух видов пользовательской ситуации (two broad types of user situation) — коммуникативной (communicative), когда пользователями являются студенты, авторы текстов, читатели текстов, профессора, переводчики и когнитивной (cognitive user situations), ориентированной на специалистов разных уровней, которые хотят получить определенные знания. В связи с этим выделяется два набора функций — communicative functions:

- provide help to produce texts;
- provide help to translate texts;
- provide help to edit and revise texts;
- provide help to correct and mark texts;
- provide help to understand words, texts and concepts;
- and cognitive functions:
- provide help to acquire general factual knowledge about a subject field;
- provide help to acquire specific factual knowledge about a topic;
- provide help to acquire general linguistic knowledge;
- provide help to acquire specific linguistic knowledge [Nielsen 2011, p. 211].

В современных электронных словарях термин «функция словаря» приобретает особое значение. Так, Г. Р. Чумарина функции электронного словаря рассматривает как характеристики, которые группируются по следующим большим категориям: *использование, презентация, содержание, технические функции, техническое окружение* и др. Каждая категория разбита на отдельные элементы, которые в свою очередь группируют функции. Вот как выглядит система функций электронного словаря:

1. Элементы, относящиеся к графе **использование**.

– Историческая: функция, которая выводит список консультируемых ранее входов и позволяет пользователю возвращаться к входу без необходимости повторного ввода слова.

– Обобщенный гипертекст: техника, которая позволяет пользователю кликать на любое слово текста, чтобы проследовать к его словарному входу.

– Гипертекстуальные связи: в электронных словарях соединения, активируемые кликом мыши дают доступ к статье или к разнообразным справочным материалам. Они отмечаются подчеркиванием или другим цветом.

– Переход одного языка в другой без запроса (для двуязычных словарей): команда, которая позволяет пользователю переходить из одной части словаря в другую без специального запроса. Например, если пользователь дважды кликнет на татарское слово под входом русского слова в русско-татарской части, то словарь выведет автоматически вход для этого слова в татаро-русской части.

2. Элементы, используемые в сетке **презентация**.

– Визуализация разных типов информации: функция, которая в некоторых электронных словарях позволяет модифицировать способы визуализации. Например, пользователь может визуализировать только индикаторы смысла и эквиваленты, без примеров или выражений.

3. Элементы, используемые в сетке **содержание**.

– Актанты (содержащие все формы слова) и ссылки (только для двуязычных словарей): актанты сопровождают основное слово и определяют (уточняют), как оно переводится на исходный язык. Они могут быть прямыми дополнениями (показывать /документы/), составным сказуемым или определением. Что касается ссылок, они добавляют конкретную информацию к обозначению значения, цитируют эквивалент в общем контексте и влияют на выбор эквивалента в исходном языке. Например, русское слово «крутой» может иметь как ссылку «резкий (о спуске, подъеме)», «строгий (о нраве)», «сваренное

(о яйце)», «плотное (о тесте)». Очевидно, что актанты могут также служить ссылками, но обратное невозможно.

– Под-входы: Под-вход — это синтагма, которая не совсем отвечает определенным критериям, чтобы иметь свой отдельный вход. Под-входы также располагаются в статье и различаются характеристиками. Очень часто эти синтагмы находятся на грани становления лексическими единицами, и по факту, отдельными входами.

– Номенклатура: окошко номенклатуры содержит список всех входов словаря. Она содержит также орфографические варианты и под-входы.

4. Элементы, используемые в сетке **исследовательские возможности**.

– Орфографический корректор: если пользователь печатает слово с ошибками, некоторые электронные словари показывают в отдельном окне список предполагаемых слов, правильно написанных.

– Джокеры: джокеры — это символы (как *, ? №). которые заменяют одну или несколько букв. Они позволяют найти, в частности, слово в единственном или во множественном числе, орфографические варианты или слова с неточным правописанием.

5. Элементы, используемые в сетке **технические функции**.

– Примечания: некоторые электронные словари предлагают возможность присоединения примечания (записка или личный комментарий) к статье, в частности. Как только пользователь создал примечание, оно обозначается символом, который располагается рядом с основным словом.

– Запрос во время работы над текстом: Эта функция позволяет запрашивать словарь напрямую при работе над текстом. Пользователю нужно только установить курсор на слове или выбрать еще одно или несколько слов. Далее, он должен выбрать функцию словаря в меню Вставка, или кликнуть на мышку справа, или на клавиатуре. Словарь автома-

тически выходит на первый план на входе выбранного слова [Чумарина 2014].

Таким образом, электронный тип словаря расширяет набор своих функций за счет специфики технических параметров и мы можем добавить в перечень типологических функций такие как историческая, гипертекстуальная, функция визуализации, функция редактирования и отсылочная.

В последние годы в теории лексикографии рабочим становится термин «функциональный подход» в лексикографическом описании самого разнообразного языкового материала. При этом понятие «функциональный» является общим и подразумевает совокупность всех типологических функций словаря.

Интересным представляется функциональный подход к системному описанию культурологического языкового материала для изучающих русский язык как иностранный. Он проявляется в опоре на идеи функционально-коммуникативного синтаксиса и функциональной грамматики русского языка как иностранного, что отражается в идеографическом способе группировки фразеосхем (семантическая классификация), а также в показе функционирования синтаксических фразеосхем на всех уровнях языка, в различных типах текста, в выявлении коммуникативных функций и национальных культурных кодов [Золотарева 2019].

В статье Г. Ф. Хакимовой и Х. Н. Исмагиловой «Функционально-когнитивный потенциал словарей тезаурусного типа» рассматриваются перспективы создания новых словарей функционально-когнитивного направления [Хакимова, Исмагилова 2021]. Из этой статьи мы узнаем, насколько перспективен функционально-когнитивный подход в разработке идеографических словарей систематизирующего типа, и по сравнению с традиционным имеет большие объяснительные возможности. Данный подход сочетает достижения традиционной лексикографии с возможностью систематизировать лексику с опорой на речемыслительную деятельность человека, обновляет и расширяет все типологические функции словаря. Реализуется этот подход в «Функционально

когнитивном словаре русского языка: Языковая картина мира» [Функционально-когнитивный словарь... 2013, с. 676].

Функционально-типологические параметры словаря на переходе от бумажного формата к электронному

«Море» электронной словарной продукции требует умения найти нужную информацию, проанализировать, оценить и выбрать. Если бумажные словари в названии и во введении ограничиваются определенными типологическими параметрами, такими как специальный — неспециальный, толковый — справочник, одноязычный — двуязычный, то словари онлайн обычно начинаются сразу со строки поиска. Пользователю после первичного ответа предстоит опробовать всю обширную систему ссылок и гиперссылок, по которым можно получить и варианты толкования, и специальную дефиницию, и энциклопедическое описание, и перевод, и многое другое. Именно эту проблему «нивелировки» типологических параметров традиционных словарей, встроенных в словари онлайн, ставит издатель Кембриджских словарей онлайн и редактор словаря Cambridge Advanced Learner's Dictionary К. Макинтош [McIntosh 2013, p. 8–9].

Для нас представляется интересным проследить, как происходит семантизация термина в современном переводном электронном словаре, и чем она отличается от описания термина в бумажном двуязычном терминологическом словаре. Сравнение будет ограничено доминирующей для традиционного двуязычного терминологического словаря справочной функцией и отличительной функцией электронного переводного словаря — учебной.

Прежде чем переходить к анализу словарного материала, хотелось бы охарактеризовать современную ситуацию перехода от печатного словаря к электронному. Электронная (ранее называемая кибернетической) лексикография и, прежде всего

английская как традиционно лидирующая, заявила о себе в начале XXI в. Своего рода прототипами современных электронных словарей стали словари на компакт-дисках и так называемые «справочные ресурсы в интернете», в которые закладывалась стратегия информационного поиска [Карпова 2010; Белозёрова, Чуфистова 2004].

Материалы журнала «Dictionary News» за три года, а также электронный ресурс «Обзор и сравнение коллекций электронных словарей» наглядно демонстрируют процесс активного внедрения в лексикографическую практику электронного формата словарной продукции. При этом, в современной теории электронной лексикографии по-прежнему актуальны такие проблемы, как источники, объем, мега, макро и микроструктура, лингвистические и типологические параметры, способы и средства семантизации. К этим концептуальным вопросам добавляются также собственно технические, связанные с программным обеспечением преобразования текстового материала в электронный формат, созданием и пополнением словарных баз, разработкой инструментария для обработки бумажных версий [Zudin 2013]. За иллюстрацией обратимся к июльскому номеру журнала Dictionary News за 2013 г., который полностью посвящен проблемам современной электронной лексикографии. Остановимся на ключевых вопросах, поставленных двумя лексикографами, представителями ведущих зарубежных издательств: Judy Pearsall — Editorial Director at Oxford University Press, Michael Rundell — Editor in Chief of a new range of learner's dictionary for Macmillan, Colin McIntosh — the Publisher of Cambridge Dictionaries Online and editor of the Cambridge Advanced Learner's Dictionary.

В статье «Будущее словарей» (The future of dictionaries) Дж. Пирсол в центр внимания ставит новое лексическое содержимое (lexical content) электронного словаря, стратегия разработки которого рассматривается ей в терминах *качества* (quality). Именно по этим основным параметрам она сравнивает

бумажные и электронные словари. Она считает, что у традиционных словарей качество лексического контента может быть измерено отдельными деталями и точностью, а у электронных — такими макро факторами, как скорость, доступность, подробное морфологическое обоснование, мета семантика, широта описания, данные о частотности [Pearsall 2013, p. 2].

В своей статье «Новое определение словаря: от печатного к цифровому» (Redefining the dictionary: From print to digital) М. Рандел продолжает дискуссию о недостатках и преимуществах (pros and cons), электронных словарей, открытую издательством Macmillan в 2012 г., когда оно заявило, что прекращает выпуск печатных словарей и переходит к выпуску только электронных. Он рассматривает следующие преимущества электронных словарей: 1) отсылка каждого слова в словарной статье, независимо от того в какой части словарной статьи оно находится, к своей словарной статье; 2) система ссылок (related words panel); 3) сложные слова и словосочетания (compounds or phrases); 4) объем (space); 5) гиперссылки (hyperlinking); 6) мультимедийность (multimedia); 7) возможность регулярного обновления (the potential for regular updating). Завершая свои размышления о том, каким становится словарь на этапе перехода от его печатной формы к цифровой, М. Ранделл сравнивает происходящие изменения в лексикографии с кардинальной сменой «правил игры» (big game-changer). Эта «игра», по его словам, носит еще более масштабный характер, чем приход корпусной лингвистики: «...the migration of reference resources from print to digital media is going to be an even bigger game-changer than the arrival of corpora in the 1980s» [Rundell 2013, p. 7].

Отметим, что особенности современных электронных словарей носят общий характер и свойственны всем электронным словарям в целом. Теперь перейдем к вопросу концептуальных отличий в семантизации термина в современном электронном переводном словаре.

Процесс перехода от традиционного двуязычного терминологического словаря-справочника к электронному словарю

активного типа, адресует нас к базовым понятиям в теории двуязычной лексикографии. Начнем с «лексикографических универсалий», предложенных П. Н. Денисовым в 1980 г. [Денисов 1980]. Универсальные функции (справочная, систематизирующая, нормативная и учебная) и принципы микро и макро-структуры словаря, по словам автора, в идеале определяют универсальные черты любой словарной статьи. Следует подчеркнуть, что лексикографические универсалии в той или иной степени прослеживаются во всех типах словарей, как бумажных, так и цифровых. Однако если мы обратимся к лексикографическому описанию термина в переводном словаре, то увидим, что функции в данном типе словаря реализуются по-разному, в зависимости от формата словаря.

Долгое время печатные двуязычные терминологические словари носили справочный характер, когда словарная статья состояла только из перечня переводных соответствий, которые лишь имплицитно отражали семантику термина. Пользователю словаря требовалось обращение к одноязычным толковым, идеографическим словарям и энциклопедиям, чтобы вскрыть семантику, синтактику и прагматику, как самого термина, так и его словарных переводных соответствий. Со временем, двуязычные словари переходят на алфавитно-гнездовую систему, что позволяет отразить синтагматику и парадигматику термина. В них переводятся многозначные термины и терминологические словосочетания с указанием сферы употребления для каждого значения, со списком устойчивых словосочетаний, с указанием на синонимичный характер переводных соответствий [Борисенко, Саенко 2005]. Затем появляются словари, в которых, наряду с переводным соответствием, дается дефиниция, толкование или описание специального понятия [Никошкова 2006; Баранов и др. 2001]. Раскрытие специального понятия особенно востребовано в случае использования транскрипции или транслитерации в качестве способа перевода. Например, в англо-русском словаре по психологии термин

macropsia после транслитерации (*макропсия*) определяется как *патология зрения, заключающаяся в том, что воспринимаемые предметы кажутся больше чем в действительности* [Никошкова 2006].

Особое место в ряду переводных терминологических словарей занимают зарубежные словари, полностью переведенные на русский язык, такие как Glossary of Geographical Terms и Macmillan dictionary of modern economics [Стамп 1975; Макмиллан 1997]. Мы их относим к переводным двуязычным словарям на том основании, что левая часть (сами термины) даются на английском языке, а правая, семантизирующая — на русском. Они отличаются богатой палитрой средств семантизации (система отсылок, разные подходы и трактовки термина, комментарии нормативного характера и т. д.) в раскрытии семантики и прагматики английского термина и, по сути, дают энциклопедическое описание специального понятия, обеспечивая глубокое обоснование подбора переводного эквивалента.

Таким образом, традиционные переводные словари в полной мере реализуют справочную функцию. Остальные лексикографические функции (нормативная, систематизирующая и учебная) реализуются в достаточно ограниченной мере. Ограничения обусловлены, с одной стороны бумажным форматом словаря, с другой — слабой разработкой теории переводной лексикографии.

Когда речь идет об описании термина в переводном словаре, мы рассматриваем перевод как семантизацию термина определенными лексикографическими средствами. Например, в предисловии Большого англо-русского словаря под общим руководством И. Р. Гальперина [Новый большой англо-русский словарь 1999] говорится, что передача значения английского слова в словаре осуществляется тремя способами: а) с помощью существующего в русском языке эквивалента; б) описательным путем; в) при помощи транслитерации.

Переходим к возможностям электронного переводного словаря в семантизации термина. На примере достаточно популяр-

ного сегодня переводного электронного словаря «Мультитран» мы можем проследить, как раскрываются все три аспекта плана содержания термина-знака — **семантика, синтактика и прагматика** [Табанакова 2015].

Разговор о **семантике** начнем с того, что любой пользователь, будь то лингвист-переводчик, студент или профессионал в своей области, ожидает найти в словаре не только переводное соответствие, но и его значение для того, чтобы выбрать из многочисленных вариантов подходящий, поскольку на ввод одного термина словарь может выдать больше сотни вариантов перевода. Таким образом, в переводном словаре нам нужна информация об объеме и содержании специального понятия.

Нужно подчеркнуть, что любой электронный переводной словарь представляет собой конгломерат разных типов словарей. Поэтому, когда мы набираем термин в строке поиска, то получаем в ответ словарную статью, которая начинается с общеупотребительного значения слова, а уже за ним даются специальные значения, маркированные пометой сферы употребления. При этом значения представлены переводным соответствием, дефиницией, или описанием на языке перевода и оригинала:

гумус *сущ.*

общ. humus; muck

агрохим. humus substance

геол. black mould humus; soil-ulmin; terreau

лес. earth humus

Макаров black mold humus; humic matter; humus large, stable organic molecules formed in the soil from the breakdown of organic waste materials; humus contributes to soil fertility by helping to retain water and keeping the soil loose (большие устойчивые орг. молекулы, образующиеся в почве при разложении орг. в-в; гумус повышает плодородие почвы, помогает удерживать влагу и препятствует эрозии); humus (органическая часть почвы); mold; mor (лесной подстилки)

На переводных соответствиях, дефинициях и описаниях семантизация не заканчивается. Мы имеем возможность, «кликнув» на переводное соответствие, войти в англо-английский или в русско-русский словарь и проанализировать семантическую структуру английского слова. Это значит, что мы соотносим объем и содержание понятий в разных языках. Именно понятием, его родовидовыми и существенными признаками измеряется семантика термина-знака. Словесная же форма выполняет всего лишь сигнификативную функцию. Получается, что путь от знака одного языка к соответствующему знаку другого языка предполагает сначала определение понятия в исходном языке, затем поиск и определение понятия в переводном языке и только после этого подбор соответствующего знака в переводном языке. В связи с этим уместно вспомнить тезис Л. В. Щербы [Щерба 1974] о том, что переводчику, например с английского на русский нужно иметь четыре словаря: англо-английский, англо-русский, русско-английский и русско-русский.

Вопросы **синтактики** термина-знака — это, прежде всего вопросы сочетаемости термина с другими словами и образование устойчивых по форме, а значит постоянно воспроизводимых в тексте терминологических словосочетаний. В переводном электронном словаре терминологические словосочетания выполняют несколько функций: 1) входная единица; 2) средство семантизации термина, т. е. дефиниция; 3) переводное соответствие.

В качестве входной единицы терминологическое словосочетание используется не слишком часто, вернее, не так часто как нам бы хотелось. Так, на первый взгляд можно предположить, что каждое из следующих словосочетаний обозначает специальное понятие и будет устойчивым, а значит терминологическим сочетанием: *размыв обвалования, полесские ландшафты, «ландшафтно-экологическая среда», массоперенос флюидов, межмерзлотные воды, тектонические линеаменты минерального состава*. Тем не менее, далеко не все терминологические сочетания даются в словаре как входные единицы. Так, например,

мы имеем все основания считать словосочетания *легенда карты* и *выделы карт* терминами, поскольку за каждым из них стоит одно специальное понятие, которое не складывается из простой суммы составляющих понятий, и мы их будем вводить в словарь как один термин. Однако в первом случае мы находим словарную статью с входным термином *легенда карты*, а во втором случае словарь не фиксирует наличие словосочетания *выделы карты*, но не потому что нет такого специального понятия, а потому что за этим понятием не закреплена данная лингвистическая форма. В этой ситуации нам предстоит вводить слова по очереди и проводить многоступенчатый семантический и понятийный анализ их переводных соответствий.

Нужно сказать, что дефиниционная функция терминологического словосочетания в словаре «Мультитран» — самая распространенная. Практически все словарные статьи раскрывают значение термина через словосочетания (фразы), каждое из которых фактически представляет собой краткую родовидовую дефиницию. При этом, количество фраз может быть неограниченно большим. Например, термин *инфракрасный* представлен в 1924-х фразах в 89 тематиках.

Таким образом, терминологическое словосочетание, играя роль своеобразного мини-контекста, является основным средством семантизации термина в переводном электронном словаре. При этом семантизация термина проводится на переводном языке, что дает возможность совмещать дефиниционную функцию с переводной.

И, наконец, третий аспект семантизации термина-знака в переводном словаре — **прагматический**. Центральной категорией прагматики является категория субъекта. Если спроецировать понятие субъекта на научную речь, то субъектом будет ученый, определяющий термин. При этом определение термина оформляется, как правило, высказываем, суждением, дефиницией. Субъектом также будет и словарь, описывающий семантику термина. Между этими субъектами, казалось бы, не должно быть «расстояния», противоречия, т. к. словарь сам

не придумывает определения, а только передает определения ученых. Но фактически и ученый и словарь являются интерпретаторами, поскольку разные ученые и разные словари по-разному описывают один и тот же знак.

Обратимся к словарю «Мультитран» и посмотрим, каким образом в нем отражается прагматика термина. Как все словари открытого типа он включает многочисленные переводные соответствия из разных источников. В качестве источника может выступать как один автор, так и целый словарь. Ниже приводится фрагмент словарной статьи термина «инверсия» с ссылками на источники перевода:

инверсия *сущ. фразы g-sort*

общ. inversion; inverse; reversal; knockout (изображения А. Рыжов)

геофиз. inverse modeling (А. Череповский, словарь по прикладной геофизике, 1998 г.)

Макаров in, out-inversion
in-out-инверсия *сущ. в начало*

Как мы видим, имя и фамилия автора переводного соответствия указывается в скобках сразу после него: knockout (изображения А. Рыжов). Однако автором может быть также и целый словарь. Сноска на словарь дается обычно сразу после соответствия: *dimock inverse modeling* (А. Череповский, словарь по прикладной геофизике, 1998 г.). В то же время, известный словарь Макарова, видимо, как очень обширный и авторитетный источник включен в словарную статью отдельным входом.

Нужно подчеркнуть, что ссылки на источник и на авторство (гиперссылки) присутствуют практически в каждой статье словаря «Мультитран», что свидетельствует о его большом прагматическом потенциале. К гиперссылкам можно также отнести многочисленные пояснения имен собственных и в частности аббревиатур. Например, ссылкой раскрывается аббревиатура ЕБРР, данная в словарной статье в списке областей функционирования термина *инверсия*.

ЕБРР *сокр. фразы g-sort*

European Bank for Reconstruction and Development (Европейский банк реконструкции и развития *'More*) Европейский банк реконструкции и развития

EBRD (European Bank for Reconstruction and Development *rechnik*)

ЕБРР: 35 фраз в четырех тематиках

Учебная функция словаря обычно связывается с типологическими параметрами одноязычных учебных словарей и принципами одноязычной учебной лексикографии, которая разрабатывалась В. В. Морковкиным и П. Н. Денисовым в 70-х гг. прошлого века [Морковкин 1990; Денисов 1974]. Двухязычные, а тем более терминологические словари концептуально не описывались. Можно сказать, что впервые лексикографическая концепция двухязычного словаря была изложена Ю. Д. Апресяном во введении к Новому Большому англо-русскому словарю [Апресян, Медникова 1999]. А в третьем разделе введения «Словарь как справочник и как учебное пособие» мы находим описание принципов создания переводного словаря активного типа, который в качестве учебного пособия для активного овладения языком должен содержать богатую информацию о сочетаемости и синтаксических свойствах слов. При этом активный тип должен совмещаться со справочной функцией словаря. Попытки совместить эти две функции в объеме одного словаря приводят, по словам Ю. Д. Апресяна, к «конфликту», к «антонимии» [Апресян, Медникова 1999, с. 13]. Но как только мы переходим на электронный формат двухязычного переводного словаря, антиномия «словарь как учебное пособие» — «словарь как справочник» снимается.

Таким образом, лексикографическая практика, а в след за ней и теория, совершая переход от бумажных словарей к электронным, отточила отличительные признаки электронных словарей, обеспечивающих их преимущества относительно бумажных: интегрирование традиционных типологических пара-

метров словарей, скорость, доступность, подробное морфологическое обоснование, мета семантика, широта описания, данные о частотности, система ссылок и гиперссылок, объем, мультимедийность, возможность постоянного обновления. Справочная функция является основной, а иногда единственной в бумажных двуязычных терминологических словарях. Остальные лексикографические функции реализуются лишь частично. Ограничения обусловлены, с одной стороны бумажным форматом словаря, с другой — слабой разработкой теории переводной лексикографии. В электронном переводном словаре наряду с многочисленными вариантами перевода, раскрываются все три аспекта плана содержания термина-знака — семантика, синтактика и прагматика. Максимально полная семантизация термина-слова и термина-знака в переводном электронном словаре делает такой словарь словарем активного типа.

Функциональная многомерность современных электронных словарей

В 2010–2011 гг. начинают разрабатываться два достаточно интересных многофункциональных электронных словаря — Fine Dictionary¹ и Visual Dictionary². Остановимся на этих словарях и их функциональных возможностях.

Словарь Fine Dictionary содержит определения из четырех словарей, а это значит, что вместе с определениями есть доступ к правописанию и произношению. Кроме того, он включает иллюстрации, примеры предложений, интересные факты, цитаты, идиомы и этимологию, а также родственные слова (синонимы, гиперонимы, гипонимы). Таким образом, он объединяет все функции самых разных типов словарей, таких как: *толковый, орфографический, иллюстративный, контекстуальный, фразе-*

¹ URL: <https://www.finedictionary.com>.

² URL: <http://www.visualdictionaryonline.com>.

ологический, этимологический, лингвокультурологический, словарь цитат, идеографический и синонимический.

Второй словарь, вернее, целая «семья» словарей под общим названием Visual Dictionary создавалась как электронный ресурс с доминирующей функцией визуализации. Первый из этой серии словарей был нацелен на соединение слов с образами и его можно сравнить с его прародителем — печатным «картиночным словарем» (Pictorial Dictionary). В нем представлены 15 основных тем: Astronomy, Earth, Plants & Gardening, Animal Kingdom, Human Being, Food & Kitchen, House, Clothing & Articles, Arts & Architecture, Communications, Transport & Machinery, Energy, Science, Society and Sports и содержит более 6000 изображений. Визуализация в нем осуществляется разного рода изображениями: картинками, чертежами, рисунками, схемами т. д.

Вскоре появляется словарь WordVis¹, который семантизирует не только предметную и специальную лексику, но общую лексику, при этом, он визуализирует семантические отношения слова с другими словами. Можно сказать, что он иллюстрирует мыслительные ассоциативные процессы. WordVis был разработан в университете NTNU в Норвегии С. Веркруйссом во время четырехмесячного марафона по программированию летом 2010 г. WordVis позволяет находить слова в словаре английского языка (WordNet), просматривать синонимы, сгруппированные по значению, и просматривать их в гибкой интерактивной сети слов и значений. Отметим, что семантизация слов в этом словаре основывается на контекстуальном (речевом) подходе к описанию значения слова, что дает нам право назвать его словарем активного типа. Кроме того, значение слова может быть представлено как иерархия сем в формате «mapping». Вот так, например, в нем выглядит визуальный фрагмент словарной статьи существительного *search*:

¹ URL: <https://wordvis.com>.

Рис. 5. Словарная статья словаря WordVis

Наряду с визуальным способом семантизации в словарной статье этого слова используются дефиниции его денотативных значений:

any specific behavior

a careful systematic search

the act of searching for food and provisions

the act of searching someone for concealed weapons or illegal drugs

the act of searching visually

an organized search (by police) for a person (charged with a crime)

the act of searching for something

a thorough search for something (often causing disorder or confusion)

moving over territory to search for something

a very thorough search of a person or a place

WordVis — это демонстрация нового интерактивного визуализатора для больших сетей. Он непосредственно связан с такими проектами как GraphVis, TouchGraph, ThinkMap, VisuWords,

Visual Browser и т. д. Новизна GraphVis заключается в двух существенных новых аспектах. Во-первых, он использует передовые веб-технологии: он полностью написан на языке веб-скриптов JavaScript и основан на новом HTML-элементе «холст». Это позволяет проектировать GraphVis как интерактивный компонент, полностью интегрированный в веб-страницу, что обеспечивает прямое взаимодействие с другими компонентами веб-страницы.

Таким образом, можно проследить в этом словаре интеграцию как минимум трех глобальных функций — учебную (активного изучения речи английского языка), интерактивную веб-функцию и функцию моделирования ментальных процессов.

Нельзя не остановиться на глобальном по своей новизне и значимости проекте «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка» в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Отличительной особенностью этого словаря является разработка системы отсылок, отражающих парадигматические отношения интертекстуальных единиц. Авторами вводится новое понятие «интертекстуальная компетенция», которое предполагает узнавание и понимание большого числа немаркированных и неатрибутированных цитат, новые крылатые слова, цитаты и интернет-мемы, квазицитат, аллюзий, реминисценций, прецедентных имен и событий и др., которые в самом общем смысле можно назвать интертекстуальными единицами [Вознесенская и др. 2021]. Можно сказать, что современные электронные словари заявляют о новом параметре — интертекстуальности, который в свою очередь обуславливает интертекстуальную функцию цифрового словаря.

В завершении обзора современных интернет-словарей рассмотрим самый внушительный по своим функциональным возможностям, самый большой научный словарь — The Science Dictionary¹.

¹ URL: <https://www.thesciencedictionary.com>.

The Science Dictionary — это специализированная поисковая система, которая запрашивает научную информацию на миллиардах ведущих научных страниц в Интернете. Научный словарь был основан в 2006 г. и с тех пор обработал более трех миллионов (3 000 000+) запросов. Каждый месяц мы получаем более 250 000 просмотров страниц от более 40 000 человек со всего мира, которые посещают наш сайт, чтобы узнать больше о конкретной научной теме. Научный словарь был признан надежным ресурсом многими учебными заведениями (K-12 и высшие учебные заведения) в США, Великобритании и Канаде. Исследователи, студенты и специалисты по всему миру используют Научный словарь в качестве веб-сайта для поиска актуальной научной информации.

Научный словарь использует более миллиона серверов Google и огромный веб-индекс, содержащий более 13 триллионов веб-страниц, для выполнения своих поисковых запросов. Помимо поискового индекса Google, The Science Dictionary внедрил систему фильтрации, которая определяет, какие веб-сайты являются надежными, научные веб-сайты, а какие нет. С точки зрения непрофессионала, каждый раз, когда в этом словаре выполняется поиск, он сначала обращается к 13-триллионному индексу страниц Google, чтобы найти соответствующие страницы. Затем Научный словарь берет возвращенные результаты и фильтрует их, чтобы возвращались только те страницы, которые тематически соответствуют вашему поисковому запросу.

Например, если мы ищем слово «волна» в Google, мы получаем информацию о Google Wave, компании WAVE, правительственной организации Wave и новостной станции WAVE. Иными словами, большая часть информации, которую возвращает Google, не имеет отношения к науке, поскольку Google не знает, ищем ли мы слово «волна» в научном контексте или в бизнес-контексте. Но если мы ищем термин «волна» в «Научном словаре», мы получаем страницу поиска с соответствующей на-

учной информацией о волнах в физике, неврологии, геосистемах и т. д.

Завершая разговор о функциональных поворотах в лексикографии, следует отметить, что за последние 50 лет понятие «функция словаря», как и само понятие «словарь» в теории и практике лексикографии кардинально изменились в связи с переходом от бумажного формата к электронному. Традиционные словарные типологические функции практически растворились в многофункциональности интегрированных информационных источников, и мы порой условно можем назвать словарем поисковую систему, интегративную сеть, компьютерную программу, базу данных, веб-страницу, электронный ресурс и наоборот, любой современный электронный словарь — одним из выше перечисленных терминов.

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА В ИНТЕГРИРОВАНИИ НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Интеграция научного знания

Междисциплинарные исследования являются основным видом научных исследований, в которые вовлекаются ученые многих направлений, зачастую не являющиеся смежными по своей природе. Подобные исследования весьма интересны, поскольку в них объединяются различные виды знаний из разных отраслей науки для решения сложных научных проблем. Таким образом, мы можем говорить о возникновении нового научного интегрированного знания и, как следствие, о его функциях, характеристиках, объекте и предмете исследования.

Изучением современного интегрированного знания занимаются многие отечественные и зарубежные ученые, применяя при этом собственные подходы и критерии. Так, для оценки степени интеграции различных наук в какой-то отдельно взятой сфере применяется иерархический подход [Ba et al. 2019]; библиометрический анализ [The convergence of information... 1992]; сравнительно-сопоставительный метод [Engerer 2017]; метод извлечения ключевых терминов [Gupta, Manning 2011]; метод анализа научных заголовков [Kondo et al. 2009] и ряд других.

Остановимся на определении ключевых понятий. Логично начать с понятия «интеграция».

В Универсальном энциклопедическом словаре можно найти следующее определение интеграции: «Интеграция (лат. *integratio* — восстановление, восполнение, от *integer* — целый), понятие, означающее состояние связности отдельных дифференци-

рованных частей и функций системы в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию» [Универсальный энциклопедический словарь 1999, с. 490]. Как видно из определения, процесс интеграции в науке — это своего рода синтез научных направлений и научных дисциплин, объединение их в одно целое, стирание границ между ними. Как утверждает А. В. Азов, «требуется поиск философских и методологических оснований нового интегративного знания, недостижимого путем суммирования, сборки отдельных фрагментов в систему» [Азов 2018, с. 321].

В различных отраслях науки термин «интегрированное знание» может трактоваться по-разному, например, в методике он относится к интеграции знаний в памяти человека. Учащиеся усваивают знания: опыт, наблюдения, идеи, гипотезы, объяснения во многих различных ситуациях. Новички в предметной области часто не видят, какие из этих вновь приобретенных знаний связаны друг с другом и почему они вообще должны быть связаны.

По мнению А. Н. Перевалова, новое интегрированное знание — это «упорядоченная совокупность новых знаний, соответствующих вершине “пирамиды научных знаний”» [Перевалов 2019, с. 67]. Оно обладает рядом свойств, к числу которых можно отнести следующие: «глубина, простота, универсальность и конструктивность» [Там же]. Объектами изучения интегрированного знания можно считать все реальные объекты реального мира, а предметом — некое универсальное знание, «представленное в виде универсальных законов, которые описывают не только поведение любых объектов, но и самого “Законодателя”» [Там же].

Исходя из изложенного выше, мы можем заключить, что интегрированное знание относится к процессу слияния двух или более изначально не связанных систем знаний в единую систему. В качестве самого общего объяснения можно привести пример двух компаний, которые способны эффективно объединить знания своих сотрудников в одну базу данных, создав тем самым единую информационную систему.

Одним из возможных, на наш взгляд, подходов к описанию современного интегрированного лингвистического знания является функциональный подход, о котором речь пойдет далее.

Многофункциональная природа языка и термина

Лингвистика как наука развивается благодаря многофункциональной природе языка. Язык — это и структура, и система, и средство общения, и средство мышления, и средство познания мира, и культура. Через многочисленные функции языка можно легко проследить смену лингвистических научных парадигм XX в. — структурной, коммуникативной и когнитивной. Данные парадигмы призваны отобразить основные функции естественного языка: *гносеологическую, коммуникативную, когнитивную, информационную и культуроформирующую*. При этом смена парадигм прослеживается в смене лидерства той или иной функции. Так, на современном этапе конвергенции естественных, гуманитарных наук и информационных технологий, доминирующей становится гносеологическая функция языка.

Языковая функция — сложное понятие, связанное с существенными характеристиками языка как системы знаков и его инструментальными характеристиками — назначением/использованием языка в социуме для общения и взаимодействия индивидов. От различения этих двух планов во многом зависит классификация и типология языковых функций. В работах отечественных исследователей, как правило, выделяют две инструментальные функции — коммуникативную и когнитивную, а также добавляют эмоциональную, метаязыковую, аккумулятивную, регулятивную и другие [Слюсарева 1981]. Помимо главных функций, выделяют производные, в разной степени зависимые от базовых функций. В зарубежной лингвистике находим сходное понимание базовых языковых функций. Инструментальные функции — дескриптивная (идеационная), со-

циальная (межличностная), экспрессивная¹ и текстуальная — описывают опыт индивида в познании мира; устанавливают, поддерживают контакты и сигнализируют о взаимодействии людей в обществе; объективируют мысль и распространяют информацию, мнение, опыт, отношения и т. д. Текстуальная функция представляет собой практику использования языка для создания письменных/устных текстов [Richards et al. 2002, p. 217]. Семиотическая функция — сущностная характеристика языка — определяет язык как систему знаков.

При обмене информацией в социуме языковые функции переплетаются, и в рамках одного высказывания и/или языковой единицы может реализоваться несколько функций. Немаловажным при этом оказывается вопрос о способах иерархической представленности функций в высказываниях и единицах языка. Р. Якобсон различает наложение и иерархию функций, реализующихся в сообщении: «вряд ли есть речевые сообщения, выполняющие только одну функцию. Разнообразие заключено не в монополии какой-либо одной из этих функций, а в различном иерархическом порядке функций. Речевая структура сообщения зависит, в первую очередь, от главенствующей функции» [Jakobson 1987, p. 66].

Вопреки широко распространенному мнению о большей значимости коммуникативной функции языка, Л. Виттгенштейн выдвигает на первый план функцию умозаключения [Wittgenstein 1953]. С. Курода также выдвигает соображение, что коммуникативная функция языка не первична. Первичной является объективирующая функция, которая «дает объективное выражение мысли говорящего, содержанию его ума» [Kuroda 1979, p. 9]. Синонимами объективирующей функции являются термины экспрессивная, репрезентативная, репрезентационная,

¹ Экспрессивная функция трактуется двояко — то как эмоциональная, аффективная функция языковых единиц по передаче чувств и эмоций, то как экспрессивная, репрезентативная функция, объективирующая содержание человеческой мысли.

идеационная, когнитивная, семантическая, фактически-понятийная и экспериенциальная функция [Демьянков 2003]. Все термины описывают объективирующую деятельность языка, но с разных позиций. Так, например, в термине *когнитивная функция* подчеркивается роль языка в обработке информационных структур мышления, тогда как в термине *репрезентативная функция* акцентируется роль языка в репрезентации этих структур.

Две инструментальные функции — коммуникативная и когнитивная (объективирующая) находятся в состоянии противоборства. Коммуникативная функция нередко требует использовать в речи полные, избыточные высказывания для того, чтобы говорящего поняли, напротив, репрезентативная функция требует минимизировать усилия говорящего с целью передачи наиболее точной информации [Балли 1955, с. 393–394]. Противоборство двух тенденций может выдвигать на передний план то одну, то другую функцию.

Кроме выше рассмотренных функций необходимо остановиться на *ориентирующей функции*. Под ориентацией в лингвистике понимается «явление, обусловленное лингвистическими, психическими и социальными факторами, дающее носителю языка возможность без обращения к дефиниции, по экспоненту определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме» [Арискина 2012, с. 94].

Впервые вопрос об ориентирующей функции терминов был поднят Д. С. Лотте, который утверждал, что все термины можно условно разделить на три группы: «правильно ориентирующие, нейтрально и неправильно ориентирующие (или ложно ориентирующие)» [Как работать над терминологией... 1968]. Правильно ориентирующие термины — это термины, которые «ориентируют на существенный признак именуемого данным термином объекта» [Бергер 1965, с. 65]; нейтрально ориентирующие термины — это термины, лишенные внутренней формы и ложно ориентирующие термины — это термины, «в которых

терминоэлементы, являющиеся сами терминами (применяемыми в этой системе) или обычными словами, по своему буквальному значению противоречат действительному значению термина, способствуют неправильному представлению о понятии» [Бергер 1965 с. 25].

Ввиду того, что термин является специальным языковым знаком, можно говорить о том, что его ориентирующие свойства обуславливают взаимодействие (ориентацию) в специальной языковой среде путем номинирования различных специальных и общенаучных понятий.

Поскольку термин является и языковым знаком, то можно говорить о том, что через его ориентирующие свойства в нем реализуется ориентирующая функция языка, которую можно расценивать как «основополагающую в процессе взаимодействия личности с окружающим миром и, следовательно, доминирующую при коммуникации в консенсуальной области» [Худякова 2012, с. 144].

Следует отметить, что впервые об ориентирующей функции языка упомянула Е. С. Кубрякова (она предложила второе название данной функции — миросозидающая функция) [Кубрякова 2006], которая отводила ей ключевую роль и считала ее «высшей» функцией языка [Кубрякова, 2009]. Обосновывая свою точку зрения, Е. С. Кубрякова отмечала, что «понятие миросозидающей функции языка позволяет охарактеризовать более полно реальную роль языка в *генезисе* самого *homo sapiens* (ср. библейское “...в начале было слово”)» [Кубрякова 2009].

Т. В. Дроздова, исследуя ориентирующие свойства термина в рамках когнитивной лингвистики, делает ряд выводов о природе ориентирующей функции языка: 1) «понятие “ориентирующая/миросозидающая функция языка” является абстрактным логическим конструктом исследовательской мысли, толкование содержания которого допускает вариативность в зависимости от философско-мировоззренческого и научно-методологического подходов [...]»; 2) «эта функция языка определяется

и реализуется только в отношении [...] говорящего и слушающего», что, по мнению автора, «имплицитно связывает ориентирующую функцию с другими функциями языка, в первую очередь с номинативной, познавательной, интерпретирующей и коммуникативной»; 3) «реализация ориентирующей функции обусловлена наличием у носителей конкретного языка сформировавшейся на уровнях индивидуального и коллективного сознания и получившей вербальную объективацию базы знаний различного типа как результата полученного в разных типах жизнедеятельности индивидуального и коллективного опыта» [Дроздова 2008, с. 35].

Как мы видим, многообразие языковых функций достаточно велико, что свидетельствует о многофункциональной природе языка как универсальной и одновременно уникальной знаковой системе.

Интегрированное лингвистическое знание

Разобраться в иерархии языковых функций при передаче интегрированного научного знания нам помогает срез современного лингвистического знания.

Лингвистика XXI в. существенно отличается от лингвистики XX в. Лингвистика интегрировала в себя математику, философию, логику, теорию коммуникации, информатику, семиотику, физику, физиологию, социологию, психологию, этнографию и культурологию. Интеграция этих наук с языкознанием оформилась в соответствующих отраслях: нейролингвистика, математическая лингвистика, логическая семантика, экспериментальная фонетика, компьютерная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, семиолингвистика. Это магистральные направления интегрирования лингвистического знания. С развитием методов и частных методик научных исследований, расширением материала и терминологического аппарата появ-

ляется огромное количество подуровней междисциплинарных научных исследований.

Репрезентацию современного интегрированного лингвистического знания мы предлагаем проследить в терминологическом наполнении диссертационных исследований. Для этого мы провели поэтапный анализ 143 заголовков диссертаций по специальности «Теория языка» за 2022 г., которые размещены в электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки [Российская государственная библиотека]. Отдельные примеры заголовков, из которых были отображены термины, приводятся ниже:

З. Р. Юсупова «Актуальное членение и порядок слов предложения в разноструктурных языках: тождество, сходство, различия»;

И. А. Левченко «Автобиографический дискурс художника: лингвокогнитивный и прагмасемантический аспекты»;

Ю. С. Андрюшкина «Влияние иноязыковой тревожности на лексическую компетенцию индивида в условиях учебного билингвизма»;

В. С. Нарчук «Коммуникативная толерантность в социальных сетях на страницах о смешанных единоборствах: когнитивно-прагматический аспект»;

Ю. С. Ященина «Лингвистический контекст как средство актуализации семантики фразеологизмов в современных СМИ (на материале немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом)»;

Л. Р. Зурабова «Переключение кодов в условиях языкового контакта в провинции Нью-Брансуик, Канада (на материале субдиалекта шиак)»;

А. В. Таскаева «Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира»;

Г. С. Калинина «Речевой этикет в разноструктурных языках»;

К. О. Ветрова «Структурно-семантические и прагматические аспекты поликодовых малоформатных текстов конфетных этикетов (на материале русского и английского языков)»;

И. Г. Хухуни «Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов)»;

В. В. Милякова «Персуазивные характеристики рекламных текстов в Инстаграм» [Российская государственная библиотека].

Материалом нашего исследования является специальный текст научного заголовка, содержание которого передается терминами. Именно термины транслируют научное знание. Терминология — это специальный подъязык, следовательно, она может выполнять практически любые функции языка. Таким образом, функции термина мы рассматриваем как производные от функций языка.

Из всего многообразия функций языка для термина в заголовке лингвистической диссертации мы выделили следующие шесть функций: *ориентирующую, интегрирующую, коммуникативную, когнитивную, метаязыковую, аккумулятивную*.

Цель — исследовать функциональный потенциал термина в репрезентации интегрированного лингвистического знания.

Анализ репрезентации интегрированного лингвистического знания осуществлялся в три этапа:

- 1) сплошная выборка терминологической лексики;
- 2) группировка терминов в зависимости от соотношенности с областями знаний;
- 3) корреляция терминов с функциями.

Первый этап. Заголовок, являясь частью текста, одновременно представляет собой нечто целостное и завершенное. Его автономность обусловлена тем, что он представляет собой многофункциональную речевую единицу. Наряду с информативной функцией — сжато сообщать основное содержание, тему или идею текста — он выполняет также прогнозирующую, структурирующую, идентифицирующую, замещающую и сигнальную функции [Культура русской речи... 2011]. Текст заголовка любого научного текста насыщен терминами, которые отражают

его содержание. За термином всегда стоит система понятий той или иной области знания, поэтому выборка всех терминов из заголовков диссертаций позволяет выявить интегрированное лингвистическое знание.

Отбор терминов проводился по формальным и содержательным критериям. К формальным мы отнесли ограниченность знаменательными частями речи и наличие слова в специальном словаре. Содержательным ограничением стала неспециальная, например, *тревожность, общение, в условиях, трудоустройство* и т. п. и общенаучная лексика, например, *инструмент, материал, аспект, средство реализации* и т. п. в результате сплошной выборки из 143 заголовков мы получили 247 терминов.

На **втором этапе** все термины были разбиты на четыре группы: 1) лингвистические термины (всего в этой группе 57 терминов), например: *изъявительное наклонение, местоимение*; 2) нелингвистические термины — термины другой области знания (всего в этой группе 35 терминов), например: *актуализация* (эконом.), *афазия* (мед.); 3) межсистемные термины — выражают одно и то же специальное понятие, но употребляются в разных науках (всего в этой группе 19 терминов), например: *таксис* (лингв., биол., спорт), *гендер* (лингв., соц., философ.); 4) квази-термины — словосочетания, включающие лингвистические и нелингвистические понятия, которые не фиксируются в словарях и не имеют четкой научной дефиниции, но часто используются в научной литературе (всего в этой группе 136 единиц), например: *разноструктурные языки, этнолингвистический анализ*. Полный список терминов, разделенных на группы, располагается в Приложении.

На **третьем этапе** мы установили область знания и четыре функции языка. Каждая функция определялась по наличию определенных терминов.

Для **коммуникативной функции** языка характерны термины *диалогическое общение, дискурс, жанр, коммуникативные частицы, прагматический потенциал, профессиональная речь,*

речевой портрет, речевой этикет, речь, СМИ, функционально-коммуникативный аспект, языковая личность и т. п. Данные термины представляют функцию общения — мы используем язык, чтобы нас понимали, и чтобы понимать других.

Когнитивная функция репрезентирует смыслы, релевантные для научной коммуникации. Реализация данных смыслов осуществляется посредством терминов *диахронический анализ, категория связности, концепт, концептуализация, лексико-семантический анализ, семантика, семантема, семасиология, сознание, терминосистема, терминология* и другие.

Метаязыковая функция служит для объяснения и интерпретации языковых понятий и категорий в терминах самого языка. К такого рода терминам относятся такие лексемы, как: *авторские метафоры, аорист, глагол, лексикография, надежная форма, порядок слов, предложение, слово, словосочетание, социолект, таксис, языковая игра* и многие другие.

Аккумулятивная функция показывает, как коммуниканты отбирают культурно-специфические признаки в процессе номинации, каким образом в семантике слова осуществляется сохранение знаний о языках и культурах. Выявить эту функцию помогают термины *английская лингвокультура, индигенная лингвокультура, лингвокультурологический аспект, ментальный лексикон, национально-специфические реалии, паремиологическая картина мира, полинациональный язык, русский язык, русский образ мира, ценностные характеристики, этногендерный стереотип, языковая картина мира* и многие другие.

Группа лингвистических терминов

В данной группе насчитывается 57 лингвистических терминов, которые в той или иной степени реализуют четыре лингвистические функции. В первую очередь 100% лингвистических терминов реализуют метаязыковую функцию (например, термины *метафора, надежная форма, слово*). На втором месте по реализации оказалась когнитивная функция — 40% (например,

термины *терминология, номинативные языки*); коммуникативная функция была выявлена у 25% (например, термины *профессиональная речь, коммуникативные частицы*), и на последнем месте оказалась аккумулятивная функция — 9% (например, термины *номинативные языки, субдиалект*).

В отношении области знания совершенно очевидно, что все лингвистические термины принадлежат лингвистике, но вместе с тем была установлена отнесенность лингвистического термина к определенному направлению, или разделу лингвистики, и мы определили это явление как *внутреннюю интеграцию*. Всего было обнаружено 18 областей лингвистического знания, из которых наиболее употребительные области следующие: грамматика, лексикология, стилистика, общая лингвистика, текстология. Таким образом лингвистический термин многофункционален и обладает большим потенциалом внутреннего интегрирования лингвистического знания.

Группа нелингвистических терминов

Число нелингвистических терминов составило 35. Следует отметить, что ни одна из четырех функций в них не реализована, поскольку за терминами не стоят лингвистические понятия. За каждым термином стоит понятие, принадлежащее к какой-либо области знания, например, *социальная сеть* (психология), *мягкая сила* (политология). Всего было обнаружено 19 областей знания. Каждая область представлена определенным количеством терминов: 6 терминов принадлежат психологии; 5 — литературоведению, по 3 термина — философия и методика преподавания; по 2 термина — информационные технологии, политология, компьютерные технологии, экономика и по одному термину — военное дело, реклама, речевая коммуникация, социология, спорт, средства массовой коммуникации, техника, финансы и этнография. Не трудно заметить, что наиболее активно лингвистическое знание интегрируется с психологией,

литературоведением, интернет коммуникацией, искусством, философией и методикой преподавания.

Группа межсистемных терминов

В данной группе насчитывается 19 терминов. Отметим, что 68,4% терминов выполняют коммуникативную функцию (например, термины *дискурс, публичная речь, речевой этикет, СМИ*); 57,9% — метаязыковую функцию (например, термины *семантика, таксис, языковая игра*) и только 26,3% и 21% терминов реализуют аккумулятивную/когнитивную функции соответственно (например, термины *языковая картина мира, культурно-исторический метод/визуализация, сознание*).

Данные термины относятся к 24 научным сферам, область употребления которых может быть весьма широкой. Из 19 проанализированных терминов наиболее употребительными научными сферами, к которым принадлежат данные термины, являются гуманитарные сферы: лингвистика, философия, литературоведение, социология, методика преподавания, психология, семиотика. Термины этих областей науки реализуют интегрирующую функцию.

Группа квази-терминов

В данной группе все 136 единиц реализуют те или иные языковые функции. Так, 78,8% квази-терминов реализуют коммуникативную функцию (например, *разноструктурные языки, лингвокультурная особенность, японский язык*; 72,9% — метаязыковую функцию (например, *лексико-семантическая особенность, лингвопрагматический аспект, нефтегазовая терминология*); 71,5% — аккумулятивную функцию (например, *русская языковая картина мира, персуазивная характеристика, аксиологическая сфера*); 41,6% — когнитивную функцию (например, *мономодальный дискурс, лингвистическая аксиология, экспланаторный потенциал*). Исходя из полученных результатов, можно прийти

к выводу, что квази-термины, будучи лексическими единицами, которые находятся на пути формирования и не имеют четко выраженной внутренней формы и содержания, выполняют роль «посредника» между специалистами разных областей науки, реализуя в себе коммуникативную функцию языка прежде всего.

Были выделены 36 сфер употребления квази-терминов, среди которых наиболее часто встречающиеся: лингвистика, философия, культурология, прагматика, когнитивистика, литературоведение, социология, история, политология, психология, теория коммуникации, этнография, образование, аксиология, медицина, военное дело, география, искусство, киноведение. В данной группе были выявлены квази-термины, которые употребляются только в одной сфере — лингвистика (19 квази-терминов), а также квази-термины, которые имеют множественные сферы употребления, например, названия языков: русский язык, немецкий язык, таджикский язык и пр. (21 квази-термин). Довольно большое число сфер употребления указывает на то, что квази-термины в полной мере реализуют интегрирующую функцию языка и способствуют интеграции различных областей науки.

Всего выделено 45 научных сфер, к которым относятся анализируемые термины. Доминирует область лингвистики — к данной сфере принадлежат 52,6% терминов. Далее в порядке убывания следуют философия (6%), литературоведение (3,7%), культурология (3,2%), психология (3,2%), методика преподавания иностранных языков (2,5%), когнитивные науки (2,2%), политология (1,97%), социология (1,97%) и другие.

Заключение

В данном исследовании мы попытались сделать срез современного лингвистического знания и проанализировали функциональный потенциал термина в репрезентации интегрированного лингвистического научного знания.

Из всего многообразия функций языка для термина в заголовке лингвистической диссертации мы выделили шесть функций: *ориентирующую, интегрирующую, коммуникативную, когнитивную, метаязыковую, аккумулятивную*. Эти функции были выстроены в следующей иерархии: высшей, объединяющей все остальные функции, является ориентирующая функция, которая указывает на принадлежность термина к определенной предметной области. Интегрирующая функция отражает способность термина расширять лингвистическое знание на базе современного научного знания. Коммуникативная и когнитивная выступают как базовые функции, а метаязыковая и аккумулятивная — как две добавочные.

Установление области знания и языковых функций для каждого термина позволило выявить функциональный потенциал для четырех типов термина — **лингвистического, нелингвистического, межсистемного и квази-термина**. Так, лингвистические термины проявили себя как многофункциональные и обладающие большим потенциалом внутреннего интегрирования лингвистического знания. Нелингвистические и межсистемные термины напрямую продемонстрировали внешнюю интеграцию и показали, что наиболее активно лингвистическое знание интегрируется с гуманитарными сферами, такими как философия, литературоведение, социология, методика преподавания, психология и семиотика. Квази-термины выполнили роль «посредника» между специалистами разных областей науки, реализуя в себе коммуникативную функцию языка прежде всего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Списки терминов по группам

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: авторские метафоры; адъ-
ективная лексика; актуальное членение; аорист; временные
формы глаголов; глагол; детерминологизация; диахронический

анализ; жанр; изъявительное наклонение; категория времени; категория связности; когнитивная семантика; коммуникативные частицы; концепт; концептуализация; креолизированный текст; лексика; лексико-семантический анализ; лексико-семантическое поле; лексикография; лингва франка; лингвистический контекст; лингвокультура; местоимение; метафора; научно-техническая терминосистема; научный текст; номинативное предложение; номинативные языки; оценочная лексика; падежная система; падежная форма; перевод; плюсквамперфект; повествование; поликодовый текст; полифункциональный предлог; просодия; профессиональная речь; предложение; порядок слов; речевой портрет; семантема; семасиология; синтаксическая конструкция; система языка; слабая форма слога; слово; словосочетание; составные наименования; социолект; структурно-семантический анализ; субдиалект; текст; терминология; фразеологическая единица.

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: актуализация; американские газеты; аттрактивность; афазия; беспилотные летательные аппараты; военная авиация; время; государство; двуязычие; деньги; драма; дрифтер; жанр; индивидуальное сознание; Интернет; комическое; медиапространство; мягкая сила; персонаж; пространство; пространство художественного текста; радиореклама; регион; речевое событие; российские медиа; русский язык как иностранный; сеть интернет; синестезия; социальная сеть; спонтанная речь; титры; художник; этнографическая реалья; Facebook; Instagram.

МЕЖСИСТЕМНЫЕ ТЕРМИНЫ: визуализация; гендер; диалогическое общение; дискурс; культурно-исторический метод; произведение; публичная речь; рекламный текст; речевой этикет; семантика; СМИ; сознание; стихия; таксис; тематическая доминанта; художественный текст; языковая игра; языковая картина мира; языковая личность.

КВАЗИ-ТЕРМИНЫ: автобиографический дискурс; авторский дискурс; авторское я; академическая дискурсивная практи-

ка; академический дискурс; аксиологическая сфера; аксиологические стратегии; аксиологический аспект; анатомическая терминология; английская лингвокультура; английский язык; англоязычный кинематографический дискурс; билингвальный феномен; ваханский язык; военно-политический дискурс; военно-публицистический дискурс; гибридный вид дискурса; дейктическое поведение; дискурс коммуникативного события; дискурсивные формулы; звукоизобразительная лексика; индивидуально-авторская картина мира (литературоведение); индигенная лингвокультура; интернет-текст; интерференциальный аспект; искусствоведческий дискурс; исторический ракурс; кинодискурс; китайский медиадискурс; китайский язык; когнитивно-деривационный аспект; когнитивно-прагматический аспект; когнитивные особенности; когнитивный аспект; конституционный интертекст; конфетный этикет; концептосфера; корейская языковая картина мира; короткий юмористический рассказ; лексико-семантическая особенность; лексико-семантические аспекты; лексико-семантическое средство; лексикографические аспекты; лингвистическая аксиология; лингвистическая теория; лингвистический аспект; лингвоаксиологические характеристики; лингвоаксиологический аспект; лингвогеографический аспект; лингвокогнитивная характеристика; лингвокогнитивный анализ; лингвокогнитивный аспект; лингвокультурная особенность; лингвокультурологический аспект; лингвоперсонологический аспект; лингвопрагматическая особенность; лингвопрагматический аспект; лингвосемиотический подход; лингвостилистическое средство; лингвоцветовая картина мира; малоформатный текст; масс-медиа текст; медиадискурс; медийный текст; ментальный лексикон; метатекст; милитарный компонент; миромоделирующая функция; мифологическая лексика; многоязычная среда; мономодальный дискурс; национально-специфические реалии; немецкий язык; нефтегазовая терминология; паремиологическая картина мира; персуазивная характеристика; песенный дискурс; полимодаль-

ный дискурс; полинациональный язык; политическая коллокация; политический дискурс; прагмалингвистический аспект; прагмасемантический аспект; прагматические аспекты; прагматический потенциал; психолингвистическая особенность; разноструктурные языки; рекламный дискурс; рекламный дискурс; религиозный дискурс; российский медиадискурс; русская лингвокультура; русская языковая картина мира; русский образ мира; русский язык; семантико-стилистический аспект; семантический аспект; сербскохорватский язык; ситуативно-речевая репрезентация; соматическая лексика; социолингвистические закономерности; социолингвистический аспект; социолингвистическое исследование; спортивный дискурс; средства нарративного позиционирования; структурно-семантические аспекты; структурно-семантические особенности; структурно-семантический анализ; структурно-семантический инструмент; структурно-содержательные характеристики; структурно-эволюционный аспект; структурные аспекты; таджикская лингвокультура; таджикский язык; турецкий язык; устный туристический дискурс; феминистский дискурс; фоносемантическая структура; фоносемантический анализ; французский язык; функционально-коммуникативный аспект; функционально-прагматический аспект; функционально-стилистические характеристики; функциональный аспект; художественный дискурс; ценностные характеристики; эколингвистическая модель; экспланаторный потенциал; экстралингвистический аспект; этногендерный стереотип; этнолингвистический анализ; юго-восточный говор; юмористический диалогический дискурс; языки разного строя; языковой контакт; японский язык.

ГЛАВА 4

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В «ДИАЛОГАХ С ВЛАДИМИРОМ СПИВАКОВЫМ» С. М. ВОЛКОВА

Функционализм, определяемый учеными как «мегапарадигма современного гуманитарного знания» [Солодилова, Гуляева 2018, с. 100], объединяет разнообразные направления современной лингвистики, изучающие функционирование языка и использование его человеком в тех или иных целях. Языкознание конца XX — начала XXI в. сосредоточено на личности человека как единстве «способностей, знаний, интересов, как носителя сознания, языка и культуры» [Голованова 2011, с. 186]. Объектом неослабевающего научного внимания является языковая личность, рассматриваемая в разных аспектах, в рамках различных концепций, с использованием разнообразного языкового материала и т. д.

«Диалоги с Владимиром Спиваковым» как источник информации о языковой личности

Изучение языковой личности (далее ЯЛ) представлено в многочисленных научных трудах — Ю. Д. Апресяна, Г. И. Богина, Т. В. Булыгиной, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова, В. В. Красных, В. Д. Лютиковой, В. П. Нерознака, Б. А. Серебrenикова, Т. Н. Снитко, Ю. С. Степанова и др. В настоящее время учеными выделен ряд типов языковой личности: языковая и речевая, обобщенная и конкретная, стандартная и творческая, статичная и динамичная, общеязыковая и диалектная и др.; языковую личность рассматривают в ее отношении к определенной культуре, в социологическом и коммуникативном аспектах и т. д.

На фоне разных типов культур особо выделяется элитарная ЯЛ, находящаяся на высшей ступени владения литературным языком. Как отмечает О. Б. Сиротинина, для такой личности характерно проявление общей культуры в ее наиболее полном виде — от владения литературным языком (знания системы языка, его норм, функциональных стилей, выразительных возможностей и т. д., умения использовать богатейший языковой потенциал) до общекультурной эрудиции, включающей знание выдающихся произведений литературы и искусства, достижений науки, материальных и нематериальных проявлений человеческого гения [Сиротинина 2001, с. 222–228]. Кроме того, элитарная ЯЛ обладает потребностью общения с другими людьми, передавая им свои знания и культурный опыт, причем делает это «творчески, ярко, оригинально и одновременно доступно» [Казакова 2014, с. 36].

Элитарная ЯЛ изучается лингвистами главным образом на материале речевых произведений деятелей литературы и науки, таких как А. С. Пушкин, А. А. Вознесенский, В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман (работы В. В. Дружининой, Л. Н. Кузнецовой, А. А. Михеева, Т. В. Романовой, Л. М. Салимовой, О. В. Федотовой и др.).

Источник материала нашего исследования — книга С. М. Волкова «Диалоги с Владимиром Спиваковым» [2017] (далее — «Диалоги»; страницы указаны по данному изданию), представляющая собой развернутое портретное интервью с В. Т. Спиваковым. С. М. Волков широко известен в культурной среде как журналист, литератор, культуролог, музыковед, автор книг, посвященных характеристике отечественной культуры в разные периоды ее развития, а также конкретным деятелям культуры — музыкантам и поэтам; разносторонняя информация о Д. Шостаковиче, Е. Евтушенко, И. Бродском также представлена в диалогической форме. «Диалоги» С. М. Волкова замечательны во многих отношениях, в том числе и в многоплановости проявления каждого из собеседников как языковой личности. К двум главным геро-

ям «Диалогов с Владимиром Спиваковым» — «спрашивающему» и «отвечающему» — вполне применима следующая характеристика речевого поведения элитарной ЯЛ: «эталон того, как должен происходить человеческий диалог в высоком смысле этого слова» — т. е. не в сугубо бытовом, обыденном [Казакова 2014, с. 36]. Представляется несомненным, что речевое проявление личности С. М. Волкова заслуживает отдельного исследования. В данной же работе объектом нашего внимания является ЯЛ В. Т. Спивакова — всемирно известного музыканта, дирижера, исполнительские достижения которого — как и в целом выдающийся вклад как в русскую, так и мировую культуру — неоднократно были отмечены высокими наградами и званиями. М. М. Гукасова, рассматривая роль В. Т. Спивакова как медийной личности в социокультурном процессе, дает высокую оценку интеллекта музыканта («уникальный»), указывает на многосторонность и глубину его знаний о мире («удивительный энциклопедизм»), отмечает его значимость в сбережении культуры народа [Гукасова 2016, с. 135–138].

Автор портретного интервью с творческой личностью должен решить ряд задач. К ним относится раскрытие героя в плане отношения 1) к его творческой деятельности; 2) к людям; 3) к жизни в целом и к происходящим в ней конкретным событиям. Важным фактором успеха такого интервью является освещение системы ценностей героя, особенностей его мировосприятия. Кроме того, в интервью должны быть представлены наиболее значимые биографические сведения, а также творческие замыслы, которые интервьюируемый намеревается осуществить. Для решения данных задач необходимы «доверие и эмпатия» между автором интервью и его героем [Колокольцева 2018, с. 107]. В связи с этим коммуникативной сверхзадачей интервьюера является создание условий, способствующих как можно более полному раскрытию личности героя интервью.

«Диалоги» С. М. Волкова являются объективным источником материала для рассмотрения ЯЛ, поскольку разговоры двух собеседников представлены в аутентичном виде. Выбор

такой формы коммуникации, как «ты-общение», представляется вполне естественным, мотивированным близкими, доверительными отношениями, начало формирования которых приходится на ранний период жизни (обучение в музыкальной школе у одного педагога). Материалы книги свидетельствуют о значительном сходстве интересов участников диалога, касающихся широкого круга тем — от музыкального и литературного творчества до проблем философии, истории (и современности), о жизни и судьбах людей. С. М. Волков выступает именно как собеседник. Помимо обычных для интервью вопросов, нацеленных и на получение конкретной информации (например, о том, кто из современных русских писателей интересен В. Т. Спивакову, помнит ли он первую прочитанную книгу), на выяснение отношения В. Т. Спивакова к людям, событиям и др., в «Диалогах» встречаются и достаточно объемные высказывания С. М. Волкова по самым разным темам, содержащие воспоминания, комментарии, попутные замечания, выражение согласия или несогласия и многое другое. Отметим, что сходство двух личностей проявляется и на языковом уровне (использование сходной оценочной лексики, выразительных средств и др.).

«Диалоги» определяются автором как «попытка заглянуть в душу Спивакова поглубже», выявить — и для себя самого, и для читателей — истоки его успеха и понять, чем определяется то особое место, которое музыкант занимает в искусстве современной эпохи [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 10]. В книге выделяются два тематических блока, первый из которых включает освещение этапов творческой биографии, а второй — персоналии. Текст структурирован по образцу музыкального произведения, предназначенного для исполнения, что отражено в названиях разделов: «Интродукция», «Увертюра», «Allegro vivace» и далее вплоть до «Фуги», включающей «многоголосье» особо значимых для В. Т. Спивакова личностей.

Структура ЯЛ, по Ю. Н. Караулову, включает три уровня, с которыми соотносятся 1) словесное воплощение мыслей (вербально-семантический или лексико-грамматический уровень),

2) концепты, составляющие картину мира данной личности (лингвокогнитивный) и 3) цели и причины создания текстов (мотивационный) [Караулов 2007]. Четкие границы между уровнями отсутствуют, средства языка «низшего» уровня дают информацию о содержании более высоких уровней ЯЛ.

В настоящей работе мы рассматриваем языковые средства, посредством которых в тексте воплощаются значимые для участников диалога темы музыки, поэзии, культуры в целом, личности и судьбы человека. Это, во-первых, лексические средства создания оценочности, с помощью которых выражается отношение говорящего к людям и окружающей действительности. Во-вторых, это проявления интертекстуальности, связанные с такими компонентами языковой личности, как ценностный, культурологический и личный. В-третьих, это концептуальные метафоры «скрипка — человек» и «жизнь — путь», играющие важную роль в отражении в языке картины мира В. Т. Спивакова.

Семантика оценки в речи В. Т. Спивакова

Оценка является важнейшим элементом процесса отражения действительности человеком, который высказывает свое мнение о реальности и выражает его посредством языковых средств; коммуникативную деятельность человека невозможно рассматривать вне его оценочной деятельности. Автор «Оснований логики оценок» отмечает, что итог оценивания какого-либо объекта в плане его свойств и значения для человека оказывается закрепленным «в сознании и языке», выражая положительное, отрицательное или безразличное отношение [Ивин 2015, с. 223]. В качестве компонентов оценки выделяются субъект (оценивающий), предмет (то, что оценивается), характер оценки и ее основание — мотивировка [Ивин 2015, с. 28–36].

Оценка, изначально представляющая собой одну из логических категорий, в современном языкознании рассматривается в аспекте ее способности формировать семантику (как и праг-

матику) единиц языка. Оценка — объект внимания ряда лингвистов, таких как Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, Л. В. Васильев, Е. М. Вольф, Г. А. Золотова, М. В. Ляпон, Л. А. Сергеев, В. Н. Телия, З. К. Тимергазина и др. Понятие оценки находится в тесной связи с понятием ценности. Характеризуя когнитивное содержание такого вида оценки, как рациональная, В. Н. Телия определяет его как представление человека о положительной или негативной ценности чего-либо, основанное на «узуальных нормах ценностной картины мира», свойственной определенному языковому коллективу, на его «жизненной философии» [Телия 1999, с. 167].

Оценка как выражение главным образом одобрения или неодобрения отражает субъективную сторону речи. В выражении оценки участвуют языковые единицы разных уровней, объединенные оценочной семантикой и показывающие отношение автору к тому, о чем (о ком) он говорит. Характер оценок, выражающих мнение говорящего, дает в ряде случаев четкое представление о его системе ценностей. То, что А. А. Ивин называет предметом общения, имеет практически неограниченный объем. Это разнообразные качества человека, его поступки и т. д., а также разные свойства предметов, различные ситуации и др.

Средства и способы выражения оценки отличаются значительным разнообразием и проявляются на разных языковых уровнях — от фонетики до синтаксиса. Главным по отношению к другим уровням языка в плане выражения оценки является лексический. Язык обладает значительным арсеналом средств, предназначенных для выражения оценок.

Вопрос о классификации оценок в настоящее время не имеет однозначного решения, что отражено в трудах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. М. Васильева, Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова, Л. Г. Смирновой, В. И. Шаховского и др. Существующие классификации оценок С. Е. Токмакова распределяет по нескольким группам. Это, например, тип оценочного знака (положительная или отрицательная оценка); характер основания (оценки абсолютные типа *хорошо*, *плохо* и относительные — *лучше*, *хуже*);

по наличию или отсутствию эмотивного компонента и др. [Токова 2015, с. 38–40]. Если распределение оценок на положительные и отрицательные вопросы не вызывает, то проблема соотношения оценочности и эмоциональности решается лингвистами по-разному. Свидетельством сложности дифференциации данных категорий служит сам термин «эмоционально-оценочная лексика». Как отмечает И. А. Стернин, эмоция и оценка являются не тождественными, но близкими понятиями. Языковая единица, характеризующая какой-либо объект, может выражать и эмоциональное отношение к нему со стороны говорящего. В качестве такого объекта чаще всего выступает человек, проявляющий себя в тех или иных действиях и получающий положительную (*дорогой, умница*) либо отрицательную (*работничек, ротозей*) эмоциональную оценку [Стернин, Просовецкий 2018, с. 78]. Лексика с оценочным компонентом являет собой особую подсистему, описывающую важнейшую область языковой картины мира, представляющую в дифференцированном виде «оценочные характеристики разных явлений действительности» [Смирнова 2013, с. 10].

Категория модальности как одна из «основных, центральных языковых категорий» [Виноградов 1975, с. 57] — и не только языковых, но и понятийных — представлена модальностью объективной и субъективной. Субъективная модальность, являющая собой отношение говорящего к сообщаемому, базируется на понятии оценки, понимаемой достаточно широко — как рациональной, базирующей на логическом осмыслении сообщаемого, и иррациональной, включающей эмоциональное отношение к тому, о чем говорится [ЛЭС 1990, с. 303].

Обращаясь к оценочной лексике в художественно-публицистическом тексте, необходимо иметь в виду многообразие оценочных значений. Одной из классификаций, учитывающих семантику оценочной лексики, является распределение ее по категориям с учетом наличия или отсутствия эмоциональных коннотаций. Это прежде всего собственно оценочная лекси-

ка (нейтральные в эмоциональном плане слова и выражения), эмоционально-оценочная лексика (слова и выражения, в которых передача оценочного значения сопровождается выражением эмоций); рационально-оценочная лексика и как таковая (лишенные эмоциональной окраски слова и выражения, обозначающие социально одобряемые или неодобряемые в конкретной лингвокультуре явления и качества типа порядочности или жестокости), и с эмоциональными коннотациями, за счет чего передается авторская оценка, и некоторые другие [Суздальцева 2014, с. 324–325].

В «Диалогах» представлены разные группы оценочной лексики — при явном преобладании тех, в которых оценочному значению сопутствуют эмоциональные коннотации (что вообще характерно для текстов публицистического стиля). Если рационально-оценочная — безэмоциональная — лексика, участвующая в осуществлении познавательной функции языка, дает возможность читателю (слушателю) получить информацию об отраженной в тексте действительности, то лексика, выражающая эмоции автора, не только продуцирует соответствующий эмоциональный отклик аудитории, но и дает представление о чувствах и эмоциях героя.

Лексическая система русского языка имеет огромный потенциал средств выражения положительного или отрицательного отношения к предмету речи. В лингвистической литературе отражены разные представления об эмоционально-оценочной лексике. Сюда включают и номинации чувств, эмоций (*любовь, ненависть, радость* и др.), и суффиксальные образования типа *реченька, пальчик*. Д. Н. Шмелев считает важным обозначить границы между такими разрядами лексики, выделяя три группы. Первую группу составляют слова, обозначающие те или иные эмоции и переживания, выделяющиеся на основе предметно-тематической классификации лексики. Вторая группа включает лексические единицы с эмоционально нагруженными словообразовательными элементами, третья — слова, со-

державшие оценку в своем лексическом значении [Шмелев 1977, с. 163–164]. Отметим, что словообразовательные элементы (главным образом суффиксы субъективной оценки) в зависимости, например, от контекста могут передавать самые разные эмоции. Мы обращаем внимание на те случаи, когда эмоционально-оценочное содержание слова передается его лексическим значением, словом в целом, а не его элементами.

В «Диалогах» представлен значительный объем оценочной лексики, относящейся к широкому кругу оцениваемых реалий, которые можно сгруппировать следующим образом:

- люди, оценочная характеристика которых обусловлена их личностными и профессиональными качествами, в том числе проявляемыми в речи, действиях и поступках;
- объекты ментальной сферы (чувства, интеллект, память и др.);
- творчество (музыкальное, поэтическое, художественное и др.);
- явления, события, вызывающие эмоциональный отклик;
- объекты материального мира.

Одной из важнейших особенностей речи В. Т. Спивакова в «Диалогах» (как и в других текстах) является доминирование оценочной лексики позитивного характера. Выражение соответствующего отношения к человеку и миру является принципиальной позицией В. Т. Спивакова, сформулированной, например, в рассуждении о негативном высказывании педагога в свой адрес и в целом о его скупости на добрые слова по отношению к ученикам; сам маэстро, убежденный в необходимости хвалить детей, адресует им слова с положительной оценкой — «чудесный», «замечательно» и др. [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 61]. Отметим, что прозвучавшие в данном фрагменте оценочные слова неоднократно используются автором по отношению не только к детям, что говорит об их значимости в выражении соответствующего отношения В. Т. Спивакова к людям, об их типичности.

Эмоционально-оценочный лексический репертуар главного героя «Диалогов» весьма обширен. Рамки данного исследова-

ния не дают возможности рассмотреть всю позитивную эмоционально-оценочную лексику, представленную в «Диалогах», поэтому ограничимся номинациями, связанными с характеристикой В. Т. Спиваковым как людей, так и всего того, что маэстро считает важным определить как в высокой степени положительное: *бесценный, великолепный, выдающийся, изумительный, легендарный, невероятный, необыкновенный, неотразимый, непревзойденный, поразительный, превосходный, прекрасный, светлый, уникальный, фантастический, феноменальный, чудный* и др.

На общем фоне по частотности и широте охвата реалий выделяются лексемы, каждая из которых встречается в тексте «Диалогов» более десяти раз: *замечательный* (38 словоупотреблений), *потрясающий* (24), *блестящий* (17), *гениальный* (16), *великий* (14), *колоссальный* (14), *чудесный* (12).

Замечательный

Значение слова: Исключительный по своим достоинствам, выдающийся [Ожегов 2010, с. 149].

Примеры: «замечательный скрипач» (о М. Калистратове), «замечательный пианист и музыкант» (о С. Безродном), «замечательная икона» и т. д.

Данное определение отличается наибольшей частотой употребления по сравнению с другими оценочными лексемами и относится к широкому кругу реалий. Чаще всего оно применяется к характеристике людей, прежде всего связанных с музыкой, например: «замечательный итальянский пианист» (об А. Б. Микеланджели), «замечательный музыкант» (И. Гусман), «замечательный хормейстер и музыкант» (о В. Минине), «замечательный скрипач, музыкант, дирижер» (о З. Саакянце) и др. «Замечательными» предстают люди, с которыми у В. Т. Спивакова сложились теплые отношения: соседка, семья В. Попова, сотрудники Фонда, которых маэстро определяет как «замечательных, бескорыстных и честнейших». Образованное от прилагательного наречие используется при характеристике мастерства,

музыкального или литературного: «замечательно играл на скрипке» (о Г. Нейгаузе), «замечательно играла на рояле» (о матери), «...как замечательно определил Пушкин» (о словах «музыку я разъял, как труп»), «замечательно сказал» (о И. Стравинском). Как *замечательные* оцениваются произведения живописи, литературы, значимые материальные объекты и др.: например, коллекции авангарда в музеях российской провинции, картина В. Юстицкого, книга «Диалоги с Иосифом Бродским», итальянский контрабас, «замечательно звучащий, чудный зал» (о «Бахоре»). Именно этим словом В. Т. Спиваков характеризует очень важное для него стихотворение Б. Окуджавы «Отъезд».

Потрясающий

Значение слова: Необычайно сильный, крайне волнующий (разг.) [Ожегов 2010, с. 402].

Примеры: «потрясающий трубач» (о В. Кафельникове), «потрясающие учителя», «потрясающая учительница химии», «потрясающая духовная сила» (о России) и др.

Данное определение используется главным образом по отношению к людям, вызывающим у героя «Диалогов» сильный эмоциональный отклик и своим мастерством, и собственно человеческими качествами, например: «потрясающий виолончелист» (о В. Берлинском), «потрясающий профессионал» (о К. Кондрашине), «совершенно потрясающий человек» (о А. Бутолове). К тому, что может «потрясти», относятся и абсолютный слух, и эрудиция, и интеллект человека.

Блестящий

Значение слова: великолепный, превосходный, замечательный [Ожегов 2010, с. 37]; далее толкования приводятся по данному словарю.

Примеры: «блестящий Александр Абраменков»; «блестящий музыкант» (о Б. Бехтереве); «блестящий пианист» (о С. Прокофьеве); и др. Однокоренные слова используются при характеристике мастерства, как исполнительского, так и иного: «Играл он на рояле блестяще» (о Т. Хренникове); «делал он это блестяще» (о декламации Е. Светлановым стихов Маяковского) «блестяще

читала с листа» (о дочери Екатерине). Слово «блеск» использовано для характеристики игры английского оркестра «Академия святого Мартина в полях», покорившего маэстро «блеском и аристократизмом» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 110].

Гениальный

Значение слова: 1. Обладающий гением. Гений. 2. Свойственный гению [Ожегов 2010, с. 91].

Примеры: «гениальный музыкант» (о М. Ростроповиче) «Гениальная виолончелистка (о Ж. Дюпре); «гениальный пианист» (о Е. Кисине); «гениальный педагог» (о Г. Нейгаузе) и др., а также: «гений» (о П. Чайковском, С. Рахманинове, М. Ростроповиче и др.), «гениально одаренный» (о М. Мусоргском) и др.

Данное определение чаще всего характеризует деятелей культуры.

Великий

Значение слова: Превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся [Ожегов 2010, с. 51].

Примеры: «великий Карл Мария Джулини»; «великий дирижер» (о К. Кондрашине); «голос великой Берггольц»; «великий собиратель...духовного наследия» (о Е. Светланове) и др. Данное прилагательное играет важную роль в характеристике связи поколений творцов русской музыки — от Римского-Корсакова до Шостаковича: эта связь именуется «великой преемственностью» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 31].

Колоссальный

Значение слова: Очень большой, огромный [Ожегов 2010, с. 200].

Примеры: «колоссальный резонанс» (о концерте в Карнеги-холле), «колоссальная разница» (о русских и американских критиках), «колоссальная сила воздействия» (о доверии) и др.

Семантика названных прилагательных обуславливает их использование применительно к значительным по объему объектам — как пространственным (например, Москва названа «колоссальным городом»), так и иным. Данное определение отражает высокую оценку значимости чего-либо — важности,

высокого качества, меры затраченного труда и успеха и др.: «колоссальная духовная миссия» (о православии в России), «колоссальный фильм о Гленне Гульде», «колоссальный репертуар» (о «Виртуозах Москвы»), «колоссальная сосредоточенность» (об исполнении «Чаконы» Баха), «колоссальный пример служения искусству», «колоссальный успех» (о балете Б. Эйфмана).

Чудесный

Значение: 2. Чудный, очень хороший [Ожегов 2010, с. 621].

Примеры: «чудесные добрые родители», «чудесный человек», «чудесный голос», «чудесная дочка» и др.

Особенностью использования данных определений является их употребление — почти во всех случаях по отношению к людям не в связи с их профессиональной деятельностью (музыкальным величинам и т. п.), а к тем, с кем сложились теплые человеческие отношения. Это, например, «чудесная семья», в которой юный Спиваков жил в Москве, или «чудесная компания» друзей.

Многочисленные классификации положительных качеств человека включают их распределение по группам, содержание которых соотносится с тем или иным набором качеств, традиционно, с античных времен, именуемых добродетелями. В философии добродетель рассматривается как важнейшее понятие морали, как «готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру» [Философия. Энциклопедический словарь 2004, с. 48]. К выделяемым еще Сократом и Платоном четырем главным добродетелям (мудрость, или рассудительность; справедливость; мужество; умеренность) в более поздние времена добавились и иные. В одной из современных классификаций выделяются следующие добродетели: *мудрость и знание* (креативность, творческое начало, умение дать мудрый совет, саморегуляция и др.); *смелость* (храбрость, постоянство, честность, жизнерадостность и др.); *человечность* (любовь, доброта, сострадание, социальный интеллект — эмоциональный, личностный и др.); *справедливость* (социальная ответственность,

лояльность, оптимальность взаимодействий); *умеренность* (прощение и милосердие, скромность); *трансцендентность* (понимание красоты и совершенства и умение их ценить, благодарность, надежда, духовность — вера, религиозность) [Водяха 2012, с. 13–14].

В тексте «Диалогов» нашла отражение положительная характеристика практически всех названных нравственных свойств человека. Чаще всего по понятным причинам дается оценка личностям, проявляющим себя в творчестве (музыкальном, литературном, художественном и ином), что соответствует критерию мудрости и знания. Проявление добродетели смелости представлено в описании успешного преодоления разного рода препятствий — от решения той или иной творческой задачи до обнаружения оптимального выхода из сложной жизненной ситуации. Человечность проявляет себя в деятельном участии в чьей-либо судьбе, в «Диалогах» приведено немало соответствующих примеров (поступки самого В. Т. Спивакова и многих других). Добродетель справедливости обнаруживает себя в стремлении беспристрастно относиться к людям, их словам и поступкам, даже неблагоприятным, в попытках если не оправдать, то объяснить, например, жесткость педагога по отношению к ученику или грубые слова одного из оркестрантов. Будучи лидером коллектива музыкантов, маэстро стремится достигнуть цели и в то же время сохранить хорошие отношения с людьми. Проявление добродетели умеренности связано с отношением к себе не как к главной фигуре среди всех остальных, к сдержанности в обнаружении своих заслуг и принятия похвалы в свой адрес. В «Диалогах» широко представлена информация, связанная с проявлением добродетели трансцендентности — умением ценить прекрасное в жизни и творчестве, хранить надежду, верить в нечто возвышенное. Об отношении В. Т. Спивакова к вере в Бога свидетельствуют и обращение к молитвам, хранимым в футляре скрипки как нечто особо ценное, и рассказ об о. Александре Мене, и тема религии в музыке,

и высокая оценка верующего человека»; например, в характеристике соседки в непосредственной близости оказываются слова «замечательная» и «верующая» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 23].

Арсенал негативной эмоционально-оценочной лексики русского языка весьма объемён, ряд слов типа *дрянной, вопиющий, негодяй, отвратительный* является протяженным. В речи В. Т. Спивакова слова с выражением отрицательной оценки представлены в незначительном количестве случаев. В основном это единичные употребления типа *прихвостни, подхалимы, нахамивший*. К повторяющимся (не более семи раз) относятся слова *ужасный* (как и *ужас*) во втором словарном значении «разг. Очень плохой» [Ожегов 2010, с. 580], *жуткий* — «тягостный, неприятный» [Ожегов 2010, с. 137], *жестокий* — «крайне суровый, безжалостный, беспощадный» [Ожегов 2010, с. 135]. В отличие от положительно окрашенной лексики, применяемой чаще всего к человеку и характеризующей личность в целом, слова с негативным значением используются применительно к отдельным состояниям человека, тем или иным поступкам, к неодушевленным объектам, например: «ужас ученических терзаний» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 28], «ужасные упражнения» и «кошмар» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 30], «в ужасном состоянии» (о церкви) [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 160], «в жутких сапогах» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 44]. В «Диалогах» немало негативной по содержанию информации, касающейся проявления жестокости, несправедливости, подлости по отношению и к самому В. Т. Спивакову, и к другим людям — со стороны как отдельных людей, так и государственной системы. Как отмечает маэстро, это не оставляет его равнодушным, вызывая сильный эмоциональный отклик, для характеристики которого используется метафора «внутреннего Везувия», готового к извержению [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 192]. Во всем тексте «Диалогов» нами обнаружен лишь один эпизод, связанный с использованием В. Т. Спиваковым лексики с ярко негативной окраской:

это попытка сорвать его концерт, в результате чего одежда музыканта оказалась залитой краской. На предложение переодеться он отреагировал отказом: «Нет уж! Вы меня испоганили, так будете до конца моего концерта видеть вашу гнусность» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 78]. Вместо негативных комментариев чьих-либо слов или поступков В. Т. Спиваков использует указания на собственное состояние: такие действия «ранят», «огорчают». Наиболее болезненной оказывается реакция на предательство, обман доверия. Но и в этих случаях говорится только о том, что поступок есть предательство и/или о сожалении по этому поводу, например: «Мне казалось, что наша духовная связка прочней...» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 220]. Отметим, что если при выражении положительной оценки автор, как правило, называет конкретного адресата, часто называя и фамилию, и имя, и отчество, то адресаты негативной оценки почти всегда остаются безымянными («мой ученик», «другой мой ученик», «близкий друг» и т. п.).

В ряде случаев В. Т. Спиваков пытается оправдать или хотя бы объяснить негативные поступки других. Например, строгость педагогов по отношению к молодым музыкантам, доходящую до жестокости, маэстро чаще всего объясняет обстоятельствами времени, «грузом советской системы». На вопрос С. М. Волкова, понимал ли преподаватель, насколько жестоко поступает, беспощадно раскритиковав игру Спивакова, последовал отрицательный ответ с пояснением: «система была такая, а он был во многом человеком системы» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 61].

Проявления интертекстуальности

Материалы «Диалогов» отражают включенность В. Т. Спивакова в необъятную сферу русской и мировой культуры, прежде всего музыкальной и литературной, в частности поэтической. Определенную информацию об этом дают рассмотренные выше оценочные характеристики, используемые по отношению к музыкантам, композиторам, писателям и поэтам и др. Вместе с тем

представляется важным обращение к проблематике более широкой — интертекстуальной. Некоторые вопросы, относящиеся к проявлениям интертекстуальности в текстах В. Т. Спивакова, рассматривались нами в статье [Купчик 2020, с. 350–357].

Исследователи интертекста высказывают разные мнения по поводу форм интертекстуальности, в том числе и относительно традиционных — цитат, аллюзий, реминисценций. Соотношение цитаты и аллюзии — это соотношение полного, целостного и неполного, выборочного. Цитата и реминисценция понимаютсЯ и в более широком смысле. Например, в работах Ю. М. Лотмана, Н. А. Фатеевой и др. в состав цитаты включаются и аллюзии, и реминисценции (как видовые понятия). Реминисценция в свою очередь может быть названа частным случаем аллюзии. Общая цель использования названных элементов заключается, как пишет Е. Г. Еременко, во внесении в произведение «дополнительных смыслов» и воплощении преемственности литературной и общекультурной традиции [Еременко 2012, с. 140].

Антропонимическое пространство «Диалогов» отличается значительным многообразием. Оно широко представлено именами создателей и исполнителей музыкальных произведений, авторов поэтических и прозаических текстов, художников, философов, театральных деятелей и др. Автор «Диалогов» неоднократно говорит о В. Т. Спивакове как о весьма разностороннем человеке: это не только выдающийся музыкант, но и «умница и эрудит», «художник и философ», знаток и ценитель поэзии [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 9, 13]. В разговорах с С. М. Волковым В. Т. Спиваков называет и имена, и строки произведений авторов как прошедшего, так и настоящего времени — А. С. Пушкина, А. А. Блока, В. В. Маяковского, В. Я. Брюсова, И. А. Бродского, И. В. Северянина, Б. И. Пастернака и др., упоминает персонажей пьес, литературных героев. Как пишет автор книги «Но и мелодия — любовь. Владимир Спиваков» В. Н. Холопова, В. Т. Спиваков — «интеллектуал, словно бы все дни сидящий в библиотеке среди книг» [Холопова 2010, с. 7].

Интертекстуальные элементы, используемые В. Т. Спиваковым, весьма разнообразны по объему: помимо кратких цитат (например, отдельных поэтических строк) это целые строфы, а иногда и полностью приведенные тексты. Таковы, например, стихотворение В. Я. Брюсова «Из-за облака скользящий...» или молитва матери Терезы «Я просила...», хранящаяся — как нечто важное, дорогое (наряду с письмами, фотографиями и другими молитвами) — в футляре скрипки, представляющем собой «вместилище реликвий» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 17].

Обращение к произведениям многочисленных деятелей литературы — российских и зарубежных, принадлежащих разным эпохам — раскрывает не только широкую эрудицию В. Т. Спивакова, знакомого и с деталями биографии упоминаемых мастеров слова, и с глубоким знанием их творчества (доказательством чего служит свободное и соответствующее той или иной ситуации цитирование фрагментов текстов, в том числе значительные по объему). Материалы «Диалогов» отражают проникновение маэстро в глубинную сущность цитируемых текстов, собственное представление о том или ином создателе произведений и свои критерии оценки и самого автора, и плодов его труда.

Литературное творчество зачастую видится В. Т. Спивакову в музыкальном аспекте. Таково, например, творчество М. И. Цветаевой, в котором маэстро начиная с времен ранней юности видит метафорические музыкальные образы. Это уподобление скрипок золотым рыбкам, хроматической гаммы — «водопаду горного хрусталя», рояля — душе, в состав которой включаются детали инструмента — молотки, струны [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 200]. Музыкальные образы В. Т. Спиваков видит в творчестве не только поэтов (А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама), но и авторов прозаических произведений, а также драматургов. Оригинальные музыкальные ассоциации маэстро обнаруживает в собственных именах таких произведений М. Булгакова, как «Мастер и Марга-

рита» и «Дьяволиада». «Три сестры» А. Чехова оказывается своеобразной партитурой, которую можно прочесть по репликам персонажей и по авторским ремаркам. Например, насвистывание песни оказывается предвестником грядущей беды. В связи с этим В. Т. Спиваков цитирует слова Книппер-Чеховой о том, что человек насвистывает, когда «носит в себе горе» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 279].

Некоторых же писателей собеседник называет немusыкальными: к ним относятся Ф. М. Достоевский, а также Л. Н. Толстой, в «Крейцеровой сонате» которого обнаруживается ряд ошибок музыкального плана. В «Диалогах» пересказывается эпизод разговора Толстого с Чайковским, который оказался потрясенным высказыванием русского классика о бездарности Бетховена [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 280].

Высказывания о Пушкине содержат информацию, касающуюся и биографии поэта, и истории создания тех или иных произведений, и характера пушкинских персонажей, и отношения к ним (отмечается, например, что Онегин, как и лермонтовский Печорин, является одним из любимых персонажей).

Неоднократно цитируются строки Пушкина, имеющие отношение к музыке и сопровождающиеся комментариями. Например, знаменитая строка «Музыку я разъял, как труп» названа В. Т. Спиваковым *замечательным* определением, которым можно охарактеризовать деятельность начинающего музыканта [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 59]. Приводя и другие примеры из «Моцарта и Сальери», В. Т. Спиваков отмечает, что в этом произведении «все гениально, все пронизано музыкой» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 277]. Лицейское братство, воспетое русским классиком, было образцом, на который ориентировался маэстро при создании оркестра «Виртуозы Москвы».

Одним из самых цитируемых в «Диалогах» является И. А. Бродский, в строках которого музыкант слышит «интонацию близкого друга, с которым столько всего переговорено и пережито»,

а сами эти строки воспринимаются им как собственные мысли и чувства, в том числе и неосознаваемые [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 274]. В. Т. Спиваков рассматривает и содержание составленного Бродским списка произведений, с которыми должен ознакомиться каждый человек, отмечая обстоятельства его написания и комментируя перечень приводимых имен, в плане которых список небезупречен (*неоднозначный, небезусловный* по причине отсутствия в нем Боккаччо и Толстого), но в целом адекватно отражающий основы мировой культуры [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 274–275].

Для передачи впечатлений от музыкального произведения неоднократно используются поэтические строки. Таково, например, впервые услышанное звучание органа в польском костеле, вызывающее эмоциональную реакцию, воплощенную в строках Пушкина из «Моцарта и Сальери»: «Слезы Невольные и сладкие текли» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 22]. Впечатления от музыки могут быть переданы и обобщенными образами, связанными с произведениями русской литературы. Дирижируя китайским оркестром, исполняющим Четвертую симфонию Чайковского, маэстро пришел к выводу о том, что оркестр справился со своей задачей, когда в музыке дирижер «услышал» те образы русской литературы, которые ассоциировались с первым балом Наташи Ростовской: «вдруг начали играть в точности так, как я хотел, — прямо со звуком шпор и шорохом бальных платьев!», и это явилось показателем того, что руководитель оркестра вполне состоялся в качестве дирижера [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 127].

Литературные ассоциации принимают участие в характеристике того или иного периода жизни, начиная с детских лет: Ощущение раннего детства именуется «ахматовским», в памяти много лет сохраняется голос читающей стихи О. Ф. Берггольц [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 25].

Рассказ о судьбе родственника-ученого, по возвращении из-за границы получившего двадцать лет лагерей, сопровождается

цитатой из песни А. А. Галича: «Им тепло небось, облакам, / а я продрог насквозь, на века!» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 112].

Строка Маяковского о разбившейся о быт любовной лодке используется в повествовании о причинах распада первого состава «Виртуозов» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 138].

Литературные ассоциации упоминаются при описании ситуаций разного рода — от трагических до бытовых, иногда описанных в юмористических тонах. К числу первых относится уход первой жены В. Т. Спивакова, которого удержали от рокового шага строки «Божественной комедии» Данте о лесе самоубийц, приводящие к выводу о невозможности избавления от душевной боли даже после смерти [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 140]. Слова одного из героев «Мастера и Маргариты» используются при определении важной жизненной установки, которой следует В. Т. Спиваков: Живу в этом смысле по Булгакову: «Никогда ничего не просите. Сами предложат и сами все дадут...» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 243]. Данная цитата прозвучала в ответе на вопрос С. М. Волкова, попросившего рассказать историю посвящения В. Спивакову произведения А. Т. Шнитке «Пять фрагментов по картинам Босха». Рассказ же бытового плана о попытке ограбления В. Т. Спивакова в ночном Париже, в результате которого объект нападения споткнулся и упал, дополняется строкой «Упасть на старый тротуар» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 257] из стихотворения Б. Л. Пастернака, в котором упоминается о таком же нападении.

Литературное произведение нередко является предметом беседы, иногда — темой первого разговора при знакомстве. Например, разговор В. Т. Спивакова с Д. Д. Шостаковичем начинается с упоминания сборника стихов А. А. Блока, продолжается обменом мнениями с цитированием, а своеобразным его завершением, спустя годы, включение прочитанного во время диалога стихотворения в блоковский цикл композитора. На вопрос Г. А. Товстоногова о том, каким способом музыкант достигает

длительности музыкальных фраз, музыкант отвечает декламацией — на одном дыхании стихов В. Я. Брюсова «Из-за облака скользящий...» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 249–250].

В. Т. Спиваков и русская поэзия: ключевые метафоры

Интертекстуальные элементы, как и оценочные характеристики, и многое другое), — неоспоримое свидетельство значимости для В. Т. Спивакова русской поэзии, о чем свидетельствуют не только имена, цитаты, способы их введения в текст, комментарии и т. д., но и владение образным потенциалом русского словесного творчества. При всем богатстве творческих индивидуальностей отечественных поэтов и писателей, проявляющих себя в образных средствах языка, существует некий общий знаменатель — то, что Н. В. Павлович назвала законами образного мира, или парадигмами образов (в других терминосистемах это метафорические модели, концептуальные метафоры и др.) и представила их общий свод в двухтомном «Словаре поэтических образов» [Павлович 1999]. В данной работе мы обращаемся к двум метафорам (в широком понимании термина), относящихся к ключевым образам как русской литературы, так и словесного творчества В. Т. Спивакова: «скрипка — человек» и «жизнь — путь».

Скрипка — человек

Образ скрипки, принадлежащий к «сквозным образам» русской литературы, является важным объектом внимания отечественных писателей и поэтов («Скрипка Паганини» А. И. Куприна, «Скрипка Ротшильда» А. П. Чехова, «Скрипка и немножко нервно» В. В. Маяковского, «Скрипка стонет под горой...» А. А. Блока, «Смычок и струны» И. Ф. Анненского, «Волшебная скрипка» Н. С. Гумилева, «Дуэт для скрипки и альта» Д. С. Самойлова, произведения Б. Ш. Окуджавы, в поэзии которого данный образ является одним из ключевых, и др.). Объекты сопоставления принадлежат как к неодушевленному, так и к живому миру. Например, звучание

и состояние скрипки в стихотворении «Лесник играет» А. А. Вознесенского представлено в образах инструмента как скрипящей фрамуги и рассыхающейся лодки [Вознесенский 2015: 1, с. 413]. И. В. Северянин сопоставляет звучащую скрипку с бьющимся сердцем, В. Т. Шаламов — с желтой птицей на груди скрипача. Типичным для русской поэзии является представление о скрипке как живом существе, принадлежащим миру как земному, так и ирреальному, как светлому, так и темному. Ее звучание передает гамму разнообразных чувств, для выражения которых в русской литературе чаще всего используются глаголы «петь» и «плакать», обозначающие как формулы границы «человеческого» эмоционального диапазона голоса инструмента.

Голос одушевленной скрипки наделяется В. Т. Спиваковым совокупностью последовательно названных характеристик, передающих его уникальность (*неповторимый, единственный*), возвышенность (*поэтический*), наполненный переживанием (*страдающий*), содержащий противоречия (*откровенный, тайный; белый, черный; божественный, дьявольский*) [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 31].

Определение представляется вполне оригинальным, и в то же время согласующимся с поэтической традицией. Образ плачущей, страдающей скрипки с давних времен укоренен в русской классической поэзии, встречаясь, например, у К. М. Фофанова в «Рыдает и плачет тоскливая скрипка...», С. А. Есенина в «Плачет метель, как цыганская скрипка...», М. И. Цветаевой «На концерте» (плачущая скрипка звучит «человеческим горем — и женским») В. В. Маяковского («разревелась», «выплакивалась») и др. Эллис (Л. Л. Кобылинский) пишет об «ангеле скрипки», используя возвышенный образ, характерный для его поэзии в целом [Эллис 2000]. А. А. Вознесенский говорит о скрипке как существе inferнальном, вгрызающимся подобно вурдалаку, «в шейку вундеркинда» и высасывающим его детство. В этом же тексте («Три скрипки») реализуется сопоставление со «скрипочкой в футляре» умирающего человека и будущей матери [Вознесенский 2015: 2, с. 536].

В характеристике звучания инструмента В. Т. Спиваковым используются и такие пары антонимов, как *откровенный — тайный и белый — черный*. В первом случае оба слова выступают во втором словарном значении: откровенный — «очевидный, нескрываемый» [Ожегов 2010, с. 330]; тайный — «таящийся в ком-нибудь, не обнаруживаемый или не совсем осознанный» [Ожегов 2010, с. 553]. Во втором случае оппозиция же белого и черного в данном контексте допускает известную свободу толкования. Если понятие белого голоса (распространенный в вокальной практике термин для обозначения одного из видов звучания голоса) имеет вполне устойчивое содержание и, возможно, имеет право быть примененным в данном значении и к звучанию инструмента, то словосочетание «черный голос» используется в нескольких значениях. Это, например, манера пения, характерная для африканцев и афроамериканцев — блюз, джаз, соул, так называемый черный вокал. Иное значение — голос мрачного таинственного, inferнального существа, как в рассказе М. М. Пришвина «Крутойрский зверь»: об этом звере известно, что он кричит «черным голосом», а видеть и слышать его может только человек обреченный, которому зверь предсказывает беду [Пришвин 1982, с. 595]. Метафора «черный голос» послужила названием интернет-конкурса аудиорассказов — хоррор-миниатюр (2015 г.). Характеристика звучания скрипки как белого или черного — с учетом семантики многозначных прилагательных — может быть интерпретирована, как представляется, достаточно широко. Отметим, что в современных работах ученых, рассматривающих такой важнейший раздел исполнительской техники скрипача, как звукоизвлечение (с учетом опыта Л. С. Ауэра, Ю. И. Янкелевича и др.), говорится о том, что «вселенский масштаб эмоциональной напряженности» в музыке XX в. ставит исполнителя перед необходимостью «расширить динамические возможности инструмента» [Гвоздев 2012, с. 175], что В. Т. Спиваков и воплощает в своем творчестве.

В качестве субъекта сопоставления скрипка упоминается в составе метафор, отражающем представления о ней как о чем-то весьма ценном, а также убедительном: «Не скрипка, а сказка, но и по цене — сокровище» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 148]; «дирижерский аргумент» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 99]. Ведущим же является женский образ инструмента во всем богатстве его проявлений. Слова маэстро о скрипке как прекрасной даме, наделенной как достоинствами, так и недостатками «Моя скрипка — это моя прекрасная дама со всеми достоинствами и слабостями» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 128] свидетельствуют о безусловном принятии этой «дамы», о чем говорит не только определение «прекрасная», но и выбор антонима к «достоинствам»: вместо слова «недостатки», логически корректного, но обладающего отрицательной семантикой (изъян, несовершенство), Спиваков выбирает более мягкое «слабость» в значении «наклонность, привычка, от которой нет желания отказаться» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 511].

В. Н. Холопова пишет, что взаимоотношения маэстро и его инструмента представляет собой: «настоящий роман, включающий самоуглубление, куртуазность, две «женитьбы» (Гобетти и Страдивари), философию и область мистики» [Холопова 2010, с. 144]. В книге приводятся многочисленные высказывания самого музыканта, в том числе раскрывающие женское начало инструмента: «Добиться любви от моей скрипки Страдивари можно только постоянными ухаживаниями и нежностью»; «Если я не играю на скрипке, она рыдает в футляре» [Холопова 2010, с. 145]. Тема характера скрипки, ее чувств и их выражения разворачивается в «Диалогах» при разговоре о том, что погружение в дирижерскую деятельность отвлекло музыканта от его изначального занятия. На вопрос С. М. Волкова (в котором подразумевается одушевленность инструмента), чем занималась в это время скрипка, маэстро отвечает, что она «плакала и страдала». Ревнивость и обидчивость скрипки, ее реакция на

невнимание маэстро передает рядом глаголов: *скрипит, расстраивается, переживает, кричит, болеет, «у нее начинается насморк...»* [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 128]. Данный перечень действий и состояний включает характеристики и собственно звучания инструмента, и происходящих в душе процессов, и телесного недомогания. Скрипка может не только производить резкий звук, возникающий при трении, что вполне возможно для данного инструмента, но и в соответствии с семантикой разговорного глагола «кряхтеть» — «издавать глухие звуки, стоны (от боли, физического напряжения)» [Ожегов 2010, с. 217]. Глагол «расстроиться» в данном контексте выступает одновременно в двух значениях — прямом и переносном: «4. *перен.* Огорчиться, сильно опечалиться; 5. Потерять свой строй (о музыкальном инструменте)» [Ожегов 2010, с. 468]. Глагол «скрипеть» применяется к игре скрипача, что представлено в пересказе В. Т. Спиваковым эпизода общения Н. М. Милыштейна с одним из его учеников, к которому педагог неоднократно обращается с просьбой «Не скрипи», а потом, потеряв терпение, приказывает: «Скрипи!» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 130].

Жизнь — путь

Одним из ключевых в текстах, представленных в «Диалогах», является образ дороги, выступающей в качестве поэтического аналога бытия человека. В заключительной части «Диалогов» В. Т. Спиваков определяет жизнь человека как «путь от одной точки к другой» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 291], т. е. из всего комплекса смыслов, образующих концепт «дорога», вычленяется основная идея — соединение пространств. Ср. определение жизни в «Назидании» И. А. Бродского: «Жизнь, в сущности, есть расстояние — между сегодня и завтра, иначе — будущим» [Бродский 1994, с. 131]. Н. А. Бердяев, говоря о русском национальном характере, особо выделял идею странничества, отмечая, что для России характерен тип странника, что в душе народа есть «бесконечное искание» божественной прав-

ды, спасения для всего мира [Бердяев 1990, с. 13]. Вторая часть высказывания В. Т. Спивакова — «в промежутках между этими точками человек живет в поисках гармонии» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 291]. Гармония — одно из тех философских понятий, которые могут быть представлены не только в сугубо логической, но и в наглядно-образной форме, она имеет «широчайшую область использования» [Лукманова 2012, с. 646].

В русской литературе и в частности в поэзии жизнь человека широко и глубоко осмысливается в категориях пространства, которое предстает в разных видах: освоенное и не освоенное человеком, пустынное и покрытое растительностью, безлюдное и населенное и т. д.: равнина, степь, пустыня, лес, луг, сад, нива и др. Это пространство представлено главным образом как горизонтальное, ровное и широкое. Особо значимым элементом пространства является дорога. Материалы «Словаря поэтических образов» Н. В. Павлович содержат ряд примеров, иллюстрирующих вид и характер этой дороги: «ровный путь» (М. Ю. Лермонтов), «проезжая дорога» (А. А. Блок), «лесная дорога» (И. А. Бунин), «жизненная тропа» (А. Н. Майков), «туманная тропа бытия» (Д. Л. Андреев), «жизнь — рельсы» (М. И. Цветаева) и др. [Павлович 1999: 1, с. 399].

Б. Ш. Окуджава и В. Т. Спиваков

И. А. Соколова, анализируя пути развития авторской песни, отмечает, что творчество лучших представителей этого жанра (В. В. Высоцкого, Б. Ш. Окуджавы, А. А. Галича и др.) включает в себе безграничные возможности в плане его взаимоотношения с русской поэтической традицией [Соколова 2002]. Как отмечает автор диссертации, посвященной рассмотрению поэзии Б. Ш. Окуджавы как целостной художественной системы, поэтическая преемственность выражается на уровне не только тем и мотивов, но и таким «объективно выделяемых элементов текста», как, например, единицы лексического уровня [Бойко 1999, с. 132].

Материалы интервью и публичных выступлений Б. Ш. Окуджавы, собранные А. В. Петраковым, содержат богатую информа-

цию, характеризующую личность героя книги «Я никому ничего не навязывал...» [1997]. Данная работа имеет существенные отличия от «Диалогов», проявляющиеся и в построении содержания, и в характере задаваемых вопросов, и в статусе интервьюеров. Содержание «Диалогов» логически выстроено (биографический принцип и персоналии), вопросы представляют собой реплики диалога, иногда весьма объемные, а оба участника коммуникации находятся в позиции практически равноправных собеседников — и есть все основания говорить, что в качестве языковой личности раскрывается не только В. Т. Спиваков, но и С. М. Волков. В «Я никому...», по признанию составителя, деление на главы «абсолютно условно» [Окуджава 1997, с. 3], вопросы взяты из устных высказываний и записок, полученных Б. Ш. Окуджавой во время его публичных выступлений (причем ряд вопросов повторяется, как и ответы на них), отличаются краткостью и отсутствием какой-либо информации об их авторах. Вместе с тем информация, содержащаяся в данной работе, является не только объемной, но и весьма значимой в раскрытии разных аспектов личности Б. Ш. Окуджавы. Сопоставление содержания данных источников позволяет сделать выводы относительно значительного сходства двух выдающихся личностей в понимании музыки и поэзии, в отношении к культурным традициям, в оценке тех или иных авторов, в основных мировоззренческих установках, в понимании людей и т. д., что во многом объясняет их высокую оценку друг друга как не только значительных по масштабу дарования деятелей культуры, но и как духовно родственных личностей.

На наш взгляд, некоторые параллели можно проследить и на уровне бытового плана. Лишь на первый взгляд кажутся малозначительными следующие детали, касающиеся одежды: «...у меня оторвалась пуговица на рубашке, а я признался, что не умею держать иголку в руках...» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 95]; «Я могу делать все. Я не мог никогда только штопать носки — вот этому я не научился» [Окуджава 1997, с. 47].

Для Б. Ш. Окуджавы, как и для многих представителей русской литературы (В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Б. Л. Пастернака и др.), является важной тема одежды человека — ее вида, фасона, материала, пошива, ремонта. Е. Б. Шраговиц, говоря о значимости для Окуджавы «искусства кройки и шитья», указывает на две функции одежды в произведениях поэта: во-первых, это деталь образа (например, «пальтишко было легкое на ней»), во-вторых, метафора («новый плащ», связанный с наступлением «лучших дней») [Шраговиц 2013, с. 353]. Данные функции одежды отражены и в речи В. Т. Спивакова. Предмет одежды является деталью характеристики образа: это, например, облик «одохотворенного аскета» — дирижера К. М. Джулини: «высокая тонкая фигура с неизменным красным шарфом, впалые щеки, выступающие скулы и горящие глаза» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 92]. Одежда — показатель определенного статуса. Например, несходство спортивной одежды юного М. А. Янсона и других школьников иллюстрирует следующее суждение: «Все ясно понимали, что он аристократ. Мы в сравнении с ним были просто пролетарии» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 34]. Важность для Спивакова-музыканта любой публики передается посредством указания на различие одежды слушателей и место ее нахождения: «Я с одинаковым вдохновением играю перед фразной публикой в Зальцбурге и перед металлургами в спецовках» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, 291]. Отметим, что разговорное название рабочей одежды упоминает и Б. Ш. Окуджава в обрисовке героини песни «Из окон корочкой несет поджаристой...»: «Она в спецовочке, в такой промасленной...» Сплетенные из бересты стельки, подаренные В. Т. Спивакову, расцениваются им как трогательный знак признательности слушателей, похищение ботинок соседом по общежитию — как проявление низости души. Символическое значение получает образ концертной одежды, испорченной в результате хулиганской выходки одного из зрителей: музыкант отказывается переодеваться, чтобы винов-

ники на всем протяжении концерта видели свою «гнусность» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 78].

В. Т. Спиваков говорит о Б. Ш. Окуджаве не только как об одном из создателей авторской песни, автором исторических романов, песен, которые называют «балладами поколения», но и как духовно близком человеку, что относится как к создаваемым им произведениям, так и к самой личности Б. Ш. Окуджавы. Это ярко проявляется в поэтическом диалоге поэта, посвятившего В. Т. Спивакову стихотворение «Отъезд», и музыканта, откликнувшегося на это посвящение стихотворением, название которого («Путешествие дилетанта») соотносится с названием одного из романов Б. Ш. Окуджавы. Некоторые особенности этого поэтического разговора описаны нами в [Купчик 2002]. Произведение В. Т. Спивакова интересно в том числе и в плане проявления интертекстуальности (наличия реминисценций, аллюзий, цитат), и в плане переклички, переосмысления и развития образов сердца, пути и др. Б. Ш. Окуджава высоко оценил данное произведение, назвав его автора «замечательным поэтом» [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 264].

Тексты, созданные Окуджавой и Спиваковым, неоспоримо свидетельствуют о включенности авторов в русскую поэтическую (и шире — в культурную) традицию, что проявляется на уровне не только, например, цитат и реминисценций, но и обращением к образам отечественной поэзии, ключевым мотивам и важнейшим символам.

«Отъезд» и «Путешествие дилетанта»: поэтический диалог

Музыка — одна из важнейших тем поэзии Б. Ш. Окуджавы, к которой на протяжении всего творчества обращается автор, который и в материальном, и в духовном мире видит несомненные проявления музыкального начала, во многом определяющего облик мира. Своеобразным воплощением музыкальной стихии в поэзии Б. Ш. Окуджавы предстают и бытие природы, и существование человека, его судьба, чувства, душевные состояния. На фоне других героев поэта отчетливо выделяется фигу-

ра музыканта. Его слова «я очень люблю эту личность» [Окуджавы 1989, с. 201] отражают отношение автора и к музыканту вообще, и к конкретной личности. Отношение Б. Ш. Окуджавы к В. Т. Спивакову сформировалось, на наш взгляд, под влиянием двух важнейших факторов. Помимо собственно музыкальной деятельности, это сама личность В. Т. Спивакова, при всей своей уникальности во многом созвучная личности Б. Ш. Окуджавы. Среди наиболее явных точек соприкосновения — отношение к музыке как к одной из главных ценностей, глубокое понимание поэзии, вкус к живописи, сходство морально-этических и эстетических установок и др.

Стихотворение Б. Ш. Окуджавы «Отъезд», посвященное В. Т. Спивакову, и поэтический отклик на него «Путешествие дилетанта» Спивакова [Диалоги с Владимиром Спиваковым 2017, с. 262–264] объединены общей темой, героями, элементами образной системы, некоторыми особенностями в области поэтической формы; вместе с тем каждое из них несет на себе яркий отпечаток личности автора, являясь «уникальным продуктом речевого творчества уникальной личности» [Голуб 1990, с. 8].

Предмет изображения в текстах обоих авторов — возвращение героев из Зальцбурга — города, связанного с жизнью и творчеством Моцарта. Имя австрийского классика значимо как для В. Т. Спивакова, в репертуаре которого традиционно присутствуют моцартовские произведения, так и для Б. Ш. Окуджавы. На фоне многочисленных безымянных музыкантов отчетливо выделяется именно Моцарт, фигура которого, однако, лишена конкретных черт, позволяющих увидеть в этом персонаже реальную личность — что, заметим, вообще характерно для поэзии Окуджавы, в которой тема музыки представлена с высокой степенью обобщенности. Моцарт в стихах Б. Ш. Окуджавы (например, в «Песенке о Моцарте») внепространствен («отечества не выбирает») и вневременен: его игра «на старенькой скрипке» — процесс вечный, не завершающийся с окончанием века,

в котором он живет. В то же время лирический герой Окуджавы и Моцарт оказываются в системе пространственно-временных координат в непосредственной близости друг от друга, что позволяет герою обратиться к Моцарту со словами утешения или совета: «Не расставайтесь с надеждой, маэстро...». Моцарт у Окуджавы — пример служения высокому искусству, воплощение того моцартианского начала, которое поэт так ценил в людях. По-видимому, не случайно стихи с упоминанием Моцарта представляют собой посвящения. «Песенка о Моцарте» посвящена И. Балаевой, жене Л. Делюскина, собирателя и ценителя авторской песни, устраивавшего в своей квартире собрания поэтов, в том числе поющих.

В начальных строках «Отъезда» и «Путешествия дилетанта» содержится указание на место действия, само действие и состояние экипажа: «С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга. Бричка вместительна, Лошади в масть». Возвращение из города Моцарта — реальный эпизод из жизни как Б. Окуджавы, так и В. Спивакова, написавшего свое «Путешествие...» по пути из Зальцбурга в Вену 7 октября 1995 г. Вместе с тем в обоих произведениях нет привязки к конкретному пространству и времени. Путь героев — метафора проживаемой ими жизни, причем не внешней, а душевной и духовной. Герои, отправляющиеся из Зальцбурга по одной и той же дороге в одной и той же бричке, пересекают обширное пространство, наделенное у каждого автора собственными характеристиками.

У Окуджавы тема пути решена в абстрактно-символическом ключе, пространства предельно обобщено, единственная его примета — «теплая земля», к которой стремится «припасть» жизнь героя. Имплицитно пространство характеризуется значительной протяженностью, горизонтальностью и незаполненностью. О пролегающем через него пути известно только то, что он ведет из Зальцбурга в пустоту. За спиной уезжающего остается его жизнь с ее печалью и радостью. Внешние обстоятельства перемещения героя не интересуют, они не имеют зна-

чения для того, перед кем открывается безотрадная перспектива: «И ничего, ничего впереди». Как отмечает автор вышедшей в серии ЖЗЛ книги «Булат Окуджавы» в главе ««Песенка о Моцарте» и «Отъезд», последняя песня Окуджавы «исключительно горькая даже на безрадостном фоне позднего Окуджавы. Это готовая автоэпитафия...» [Быков 2008]. Герой, поглощенный размышлениями о себе и о попутчике, отстранен от окружающей действительности.

В стихотворении В. Т. Спивакова пространство также выглядит достаточно обобщенным, но далеко не таким абстрактным, как у Б. Ш. Окуджавы. Оно представляет собой не исключительно плоскость, но имеет и вертикальное измерение, объем. Бричка движется по земной поверхности, но «Слово стремится взлететь в облака». Пространство за пределами брички оказывается для героя объектом зрительного восприятия: «мир, так нелепо наряженный». В освоении этого пространства главную роль играет путь, продвижение по которому описывается подробнее, чем в стихотворении Окуджавы (обозначение только крайних точек). В обоих случаях путь ведет в небытие, обозначенное как «ничто» (Окуджавы) и «царство безмолвия» (Спиваков), однако для героя «Путешествия...» важно само течение этого пути. У Окуджавы дорога обычно предстает горизонтальной и прямой, путь из Зальцбурга — это та же «ровная дорога до последнего звонка», упоминаемая в написанной в 70-е гг. песне «Быстро молодость проходит...». У Спивакова путь не одностороннен ни по горизонтали, ни по вертикали: бричка движется «влево и вправо, а там напрямик». «Дилетанту» Спивакова дорога представляется путем непростым, нелегким и не до конца освоенным, в то время как для окуджавского героя это финишная прямая. Оценка пути содержится в самих названиях стихотворений: если герой В. Т. Спивакова *путешествует*, то у Б. Ш. Окуджавы речь идет об отъезде, причем навсегда, с окончательным расставанием с тем, что остается позади. Н. А. Богомоллов отмечает, что эта песня воспринимается слушателями с ощущением

вечной разлуки, «как последняя нота и последнее слово композитора и поэта» [Богомолов 2001, с. 544].

«Отъезд» не единственное произведение Б. Ш. Окуджавы, герой которого преодолевает пространство в роли пассажира, не принимающего участия ни в управлении экипажем, движущимся как будто сам по себе, ни в выборе дороги. Герой Окуджавы — созерцатель, в том числе «самосозерцатель»: мир за пределами повозки оказывается для него значительно менее важным, чем камерное пространство брички с пребывающими в нем путниками, чьи мысли, чувства и состояния оказываются главным объектом внимания героя — и автора.

Герой каждого из стихотворений находится в бричке вместе с попутчиком, обозначение которого дано в начальной строке каждого текста. Если у Б. Окуджавы попутчик — человек с моцартианским началом, соотношенный с личностью адресата опосредованно, то у В. Спивакова им является сам Окуджава как личность вполне конкретная — возвышенная, истинно творческая.

Путники Окуджавы являют собой единство противоположностей. Герой чувствует себя уставшим от жизни, стремящейся к своему завершению, его сердце «перезревшим яблоком» тянется к земле, он погружен в пессимистические раздумья и о настоящем, и о будущем. Спутник же героя «радостных слез не стирает с лица, машет рукой своей фортуне, его эмоциональная жизнь имеет непосредственное и яркое проявление. Адресованные фортуне взмахи его руки — это жесты дирижера, отмеченного Божьим даром; он молод (В. Спиваков на 20 лет моложе Б. Окуджавы), счастлив от присутствия музыки в его жизни. Герой стихотворения В. Т. Спивакова представлен человеком много пережившим, передумавшим, перечувствовавшим, остро ощущающим чужую боль — и при этом имеющим силы не унывать самому и ободрять собеседника. Рассмотрение образов героев «Отъезда» и «Путешествия дилетанта» представлено в нашей работе [Купчик 2002]. Произведения Б. Ш. Окуджавы и В. Т. Спивакова, составляющие поэтический диптих, представляются нам весьма значимыми и в философском, и в художе-

ственном отношении, и в лингвокультурологическом плане, что достойно особого исследования.

Рассмотренные нами средства выражения оценки, интертекстуальные элементы, ключевые метафоры находятся в связи с важнейшими компонентами языковой личности, относящимися к системе ее жизненных ценностей, в том числе и духовных, отраженных в языке (ценностная составляющая); уровню освоения культуры (культурологическая составляющая), а также личностным компонентом. Преобладание в речи В. Т. Спивакова эмоционально-оценочной лексики позитивного характера, богатый и активно используемый арсенал интертекстуальных единиц, источниками которых являются тексты неоспоримой литературной, духовной, эстетической ценности, творческое отношение к метафорам как средству интерпретации важнейших понятий и многое другое, что может быть предметом дальнейшего рассмотрения, приводит к выводу о том, что В. Т. Спиваков принадлежит к элитарной культуре, являющейся «важнейшим слагаемым духовности нации» [Кочеткова 1999, с. 6].

ГЛАВА 5

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГЕНЕРИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Введение

С феноменом генерированных текстов университетские преподаватели впервые столкнулись в весенний семестр 2022–2023 учебного года. На семинарах они с удивлением начали заслушивать логически выстроенные ответы от нерадивых студентов, подглядывающих на экраны своих гаджетов, а проверяя по системе *антиплагиат* выпускные квалификационные работы, обнаружили, что красным восклицательным знаком и фразой «сгенерированный текст» помечены значительные части представленного для проверки студенческого опуса. В ходе пристрастной беседы выяснялось, что при создании требуемого текста ВКР использовался нейросетевой помощник, модель Искусственного Интеллекта (AI) под названием ChatGTP, способный генерировать тексты по любому запросу. При собственном «профанном» тестировании больших языковых моделей ChatGTP3, ChatGTP3.5 & Midjourney, Google Bard, Perplexity, с одной стороны, возникало осознание неизбежности поиска методов применения сгенерированных текстов как в учебно-методической деятельности, так и в научной, а с другой, необходимости поиска методов «дидактического» преодоления «качественного»¹ несовершенства сгенерированных текстов, при котором наблюдается нарушение фактуальной достоверности и высокий уровень измерительного параметра «Perplexity».

Чтобы понять причину нарушения достоверности генерированных текстов мы решили проверить их по классическим

¹ в терминах максим П. Грайса.

в лингвистике текстовым и функциональным параметрам. Для этой цели мы воспользовались версией ChatGPT & Midjourney¹ и в течение 5,5 месяцев (04.07.23–26.12.23) задавали вопросы и просили модель составить тексты различной функциональной направленности в рамках цифровой гуманитаристики. Всего было получено 140 ответов в виде сгенерированных текстов, включающих нарративы, стихотворения, басни, эпиграммы, инвективы, описания, тезисы научных докладов, дефиниции, пояснения, инструкции, рассуждения, проекты учебных курсов, переводы, а также беседы. Вопросы и просьбы осуществлялись то на русском, то на английском языках, на соответствующих языках генерировались и ответы. В одном случае использовался французский язык.

Методы исследования

Читая работы, посвященные анализу генерированных текстов, мы обнаружили, что большая часть из них посвящена различным методикам, от методик использования до методик оценивая, которые на данном этапе полагаются наиболее релевантными. Примером может быть пост А. Нороузи «Evaluating large language models: Methods, best practices and tools»². Автор выделяет следующие параметры для оценки эффективности Больших языковых моделей (Large Language Models): Reliability, Safety, Fairness, Resistance to Misuse, Explainability and Reasoning, Social Norm, Robustness, Performance to and Efficiency Exactness/Linguistic Precision, Intelligence and Capability.

Автор исходит из следующих параметров для осуществления оптимальной оценки: 1) **обеспечение максимального качества**. Большие языковые модели нацелены на создание

¹ Бот использует модели: gpt-3.5-turbo и Midjourney v 5.2. URL: <https://t.me/GPT4Telegrambot>.

² Armin Norouzi, 31 august 2023. URL: <https://www.lakera.ai/blog/large-language-model-evaluation>.

связных контекстуально релевантных текстов. В связи с этим необходима их тщательная оценка; 2) **необъективность и этический «контроль»**: посредством оценки фиксируются и нивелируются провокационные запросы к ИИ; 3) **повышение опыта пользователя**: предполагается, что через общение Большие языковые модели в наибольшей степени удовлетворяют запросы пользователей; 4) **универсальность и экспертиза**: оценка содержания обеспечивает широкий круг тем и разнообразие доступных естественных языков; 5) **соответствие регулятивным стандартам**: оценка обеспечивает полное соответствие Больших языковых моделей юридическим и этическим нормам; 6) **обнаружение недочетов**: через оценивание легко обнаружить недочеты в усвоении запроса и нерелевантность ответов моделей; 7) **валидация реального мира**: тестирование актуальности сгенерированных текстов для использования в условиях реального мира; 8) **поддержание ответственности**: постоянное оценивание заставляет создателей моделей отвечать за эффективность своей продукции¹.

Далее рассматривается **perplexity** (неопределенность), как основной метод оценки точности ответа модели по формуле:

$$P = b^{-1/N} \sum_{i=1}^N \log_b p(w_i).$$

Отмечается, что параметр perplexity количественно определяет, насколько хорошо предсказанное моделью распределение вероятностей совпадает с фактическим распределением слов в наборе данных. Чем ниже уровень perplexity, тем адекватнее сгенерирован ответ на запрос пользователя. *Методы оценки включают традиционные методы для оценки качества компьютерного перевода: BLEU (Bilingual Evaluation Understudy), при применении которого измеряется точность, и лингвистические соответствия между сгенерированным и исходными текстами; ROUGE (Recall-Oriented Understudy for Gisting Evaluation), создан-*

¹ URL: <https://www.lakera.ai/blog/large-language-model-evaluation>.

ный Чин-Ю Лином и его коллегами в 2004 г., специально предназначенный для оценки информационного и лингвистического соответствия резюме исходному тексту. Кроме того, привлекается метод METEOR (Metric for Evaluation of Translation with Explicit Ordering), который был разработан А. Лави и А. Агарвалом в 2005 г. Этот метод включает в оценку синонимы и перефразы и учитывает точность, синонимию, происхождение и порядок слов¹.

Для осуществления полноты оценки автор предлагает привлечь метод Human Evaluation, в рамках которого реальные оценщики приглашаются для тестирования генерированных текстов.

Преимущество реальных оценщиков, по мнению автора, состоит в том, что они ориентируются на интуицию и «чутье» языка. При «человеческом оценивании» предлагается использовать следующие параметры:

Надежность — оценивается фактическая точность и релевантность ответа.

Безопасность — распознаются потенциально вредные советы, неприемлемый контент или агрессивные предложения, непреднамеренно сгенерированными моделями.

Непредвзятость — модели могут унаследовать предвзятость данных и стереотипы при обучении. Задача оценщиков выявить скрытые отклонения.

Социальная норма — выявляются следы токсичности, тексты, разжигающие ненависть, гарантируется, что модели соответствуют общепринятым социальным нормам.

Точность — оценщики определяют соответствует ли используемый язык контексту, грамматическим правилам и идиоматике, а также логике.

Интеллект и возможности — оценщики могут судить о глубине ответов модели, ее способности обрабатывать многогран-

¹ URL: <https://www.lakera.ai/blog/large-language-model-evaluation>.

ные запросы или ее способности участвовать в содержательных, расширенных диалогах.

Разнообразие — предполагается анализ семантического сходства в различных ответах¹.

Экспертная оценка предлагается в детальном отчете лабораторий Микрософт «The Impact of Large Language Models on Scientific Discovery: a Preliminary Study using GPT-4» (234 *cmp. [Submitted on 13 Nov 2023 (v1), last revised 8 Dec 2023 (this version, v2)]*), опубликованном в журнале ARXIV университета Корнелл (Cornell University). Методология экспертизы в основном состояла из оценок конкретных случаев диалога с моделью, **исследовалось понимание моделью сложных научных концепций в области естественных наук**. Причем, ряд позиций, обозначенных А. Ноурузи (см. выше), постулировались как ограничения для достоверности результатов, а именно (1) субъективность человеческой оценки при фокусе на научном интеллекте GPT-4 и его применении; (2) проблема безопасности (safety): анализ не рассматривает способность GPT-4 безопасно реагировать на опасные ситуации, связанные с химией или наркотиками; (3) вредоносное или предвзятое использование: исследование не оценивает возможность злонамеренного использования GPT-4, а также потенциальные уязвимости LLM; (4) конфиденциальность и безопасность данных; (5) предвзятость и справедливость, стереотипы; (6) этика и соблюдение законодательства: эксперты не проверяли, в какой степени LLM придерживаются этических принципов². Относительно объективности экспертной человеческой оценки авторы отчета предлагают использовать потенциал выработанных в точных и гуманитарных науках методик оценивания и апробации результатов.

С нашей точки зрения, поскольку результатами запросов к модели являются тексты различных функциональных

¹ URL: <https://www.lakera.ai/blog/large-language-model-evaluation>.

² URL: <https://arxiv.org/abs/2311.07361>.

стилей¹, то релевантными для их анализа и оценивания могут быть «семь стандартов текстуальности», предложенные Р.-А. де Бограном и В. Дресслером еще в 1981 г. в их введении к лингвистике текста: «Cohesion (когезия), Coherence (кореентность), Intentionality (интенциональность), Acceptability (приемлемость), Informativity (информативность), Situationality (ситуативность) and Intertextuality (интертекстуальность)». А поскольку тексты генерируются в результате запроса пользователя к модели, т. е. в ходе диалога, то релевантной для анализа и оценивания представляется и модель коммуникативных функций Р. О. Якобсона, представленная в 1957 г. в его работе «Лингвистика и поэтика»².

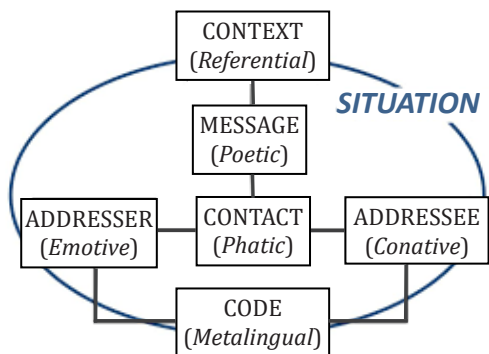

Рис. 6. Модель коммуникативных функций Р. О. Якобсона

¹ Которые в полной мере соответствуют определениям текста, сформулированными авторитетными лингвистами: «“A text is an extended structure of syntactic units such as words, groups, and clauses and textual units that is marked by both coherence among the elements and completion (Werlich E. A Text Grammar in English. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1976, p. 23)” [A term] used in linguistics to refer to any passage- spoken or written, of whatever length, that does form a unified whole» (Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. English Language Series, London: Longman, 1976. P. 1–2).

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва: Прогресс, 1975. 468 с.

Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы. Москва: Прогресс, 1987. 460 с.

И стандарты текстуальности Р.-А. де Бограна и параметры модели Р. О. Якобсона имеют четкие текстуальные и дискурсивные маркеры, что дает возможность объективной оценки генерированных текстов.

Результат и обсуждение

Поскольку рассматривается коммуникация Человек — Модель Искусственного Интеллекта, то некоторые параметры требуют уточнения, а именно параметр *интенциональность* в семи стандартах текстуальности, и параметры *адресат* (получатель информации) и *адресант* (отправитель информации), которые в ходе общения меняются ролями по схеме Человек — Модель Искусственного Интеллекта. Прежде всего отметим, что в отличие от творческого момента в реальном мире («над вымыслом слезами обольюсь» А. С. Пушкин), «модельный» текст генерируется только в результате запроса пользователя в ходе диалога. При этом запрос (prompt) служит основой для предсказания цепочки токенов (слов). Рассмотрим в качестве примера следующий диалог:

«Natalia Belozeroва, [04.07.2023 11:12]

1. *Как сделать из мухи слона?*

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [04.07.2023 11:12]

Фраза «сделать из мухи слона» является идиоматическим выражением, которое означает преувеличивать или увеличивать значение чего-либо. Она не имеет прямого отношения к фактическому превращению мухи в слона».

Несколько провокационный вопрос пользователя не только был зеркально отражен в генерированном тексте определения значения фразы, но и явился проявлением **металингвальной** функции, т. е. использования языка для объяснения языкового явления, в ходе реализации которой наблюдается «нанизывание» логически релевантного слова на предыдущее. Феномен неточного предсказания слова (perplexity) наблюдается в ис-

пользовании глагола **увеличивать** после глагола **преувеличивать**, обладающим более превосходной степенью семантики увеличения. В следующем диалогическом ходе пользователь просит описать процесс метаморфозы мухи в слона в рамках вымышленной ситуации.

«Natalia Belozeroва, [04.07.2023 11:13]

2. Напиши сказку на тему «Как сделать из мухи слона»

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [04.07.2023 11:14]

Жил-был один **мудрый** король, который был известен своей способностью делать невозможное возможным. Однажды он услышал о фразе «сделать из мухи слона» и решил проверить, действительно ли это можно сделать.

Король созвал своих советников и объявил им о своем намерении. Они были смущены и не могли поверить, что такое возможно. Но король улыбнулся и сказал: «Верьте мне, друзья, у **меня есть план!**»

Он приказал своим **сотрудникам** отправиться во все уголки королевства и найти самую маленькую муху. Когда они нашли ее, они **привели** ее к королю.

Король взял муху в свои руки и заговорил с ней: «Моя дорогая муха, я хочу, чтобы ты стала слоном. Я знаю, что это может показаться невозможным, но я верю в тебя. Ты можешь это сделать!»

Муха, конечно же, не могла ответить, но она видела в глазах короля искреннюю **веру и уверенность**. Она решила попробовать.

Король велел своим **сотрудникам** построить специальный магический алтарь, на котором муха должна была совершить свое превращение. Алтарь был украшен цветами и драгоценными камнями, чтобы создать особую атмосферу.

Муха взлетела и приземлилась на алтарь. Она закрыла глаза и сосредоточилась на своем желании стать слоном. Внезапно, вокруг нее началось яркое свечение, и она почувствовала, как ее тело начинает меняться.

Когда свет исчез, на алтаре стоял необыкновенно красивый слон. Муха сделала невозможное возможным! Она стала символом веры и настойчивости.

Король и его советники были поражены этим чудом. Они поняли, что фраза «сделать из мухи слона» имеет глубокий смысл. Это не только о преувеличении или увеличении значения чего-либо, но и о том, что ничто не является невозможным, если есть вера и настойчивость.

С тех пор король использовал эту историю, чтобы вдохновить своих подданных и показать им, что они могут достичь любых высот, если только будут верить в себя. и каждый раз, когда кто-то говорил фразу «сделать из мухи слона», они вспоминали эту сказку и верили, что даже самые невероятные мечты могут стать реальностью».

Хотя текст сказки и основан на перифразе выражения «сделать из мухи слона» в значении преувеличения, смысл идиомы полностью переиначивается. Отправной точкой для цепочки предсказанных токенов, помимо структурных компонентов сказки, становится семантика выражения делать невозможное возможным, которое и по своей тональности и семантике полностью противоположно исходному. Видимо, здесь, как и во всех других генерированных сказках, наблюдается функция фильтра нивелирования токсичности. Если привлечь параметры коммуникативной модели Р. Якобсона, то очевидно отсутствие оппозитивности в проявлениях *поэтической* и *эмотивной* функций. Во всех генерированных сказках отсутствует конфликт, злодеи, антагонисты, которых невозможно перевоспитать, а также опасности и осложнения. Все герои характеризуются только положительными качествами. Их поведение представлено через лексемы с положительной семантикой: «друзья», «дорогая», «чудо». Все характеристики короля «предсказаны» с привязкой к слову «мудрый». Неверно предсказанным словом воспринимается существительное в творительном падеже **«сотрудникам»**, которое полностью выпадает из изотопии и стилистики сказочного текста о деяниях мудрого короля. В данном случае не полностью работает текстуальный стандарт «ситуативность». Если слово «советники» соответствует фантазийному дейксису королевского дворца, то слово «сотрудники» принадлежит к иному

социально маркированному пространству, а именно к реальному учебному или проектному заведению. Отметим, что слово «сотрудники» последовало за фразой «**у меня есть план!**», характеризующей речевое поведение в реальном институциональном локусе.

В завершающих строках сказки наблюдается возврат к тексту предыдущего запроса, который, судя по абзацу, был использован моделью для дальнейшего самообучения. Модель синтезирует устоявшееся значение фразы «сделать из мухи слона» и выведенное ею в ходе порождения нарратива значение «возможности невозможного» (***Это не только о преувеличении или увеличении¹ значения чего-либо, но и о том, что ничто не является невозможным, если есть вера и настойчивость***).

О механизме построения текста на основе «предсказания» следующего слова свидетельствуют семантические пары «вера и уверенность» и «вера и настойчивость». В целом, механизм «предсказания» обеспечил наличие таких стандартов текстuality как когезия (лексическая и грамматическая связность) и когерентность (изотопичность текста или семантическая связность). Текст связан единой видовременной формой прошедшего времени, логичным развитием от ремы к теме, изотопией локуса королевского дворца и семантикой возможного в невозможном. На нескольких уровнях наблюдается и реализация стандарта «интертекстуальность». Это предсказание токенов на основе ответа на предыдущий запрос, использование сказочных формул (Жил-был мудрый король), а также ряда структурных элементов сказки (однако без конфликта, антагониста и осложнения!). Отсутствие конфликта и злодеев характерно как для всех генерированных сказок, так и для иных нарративных текстов. Так, два веселых гуся находят лекарственное растение для бабуся, в сказке про белого бычка по имени Борис *«Борис жил долго и счастливо, продолжая бороть-*

¹ Повторение узуальной ошибки предыдущего текста.

ся за мир и справедливость в своем мире», в сказке о непослушной девочке проказница превращается в прекрасный цветок, который забирает к себе не менее прекрасный принц, рыбка, которая сначала запуталась в нейронных сетях, потом распуталась и научилась пользоваться ими. Пожалуй, только запрос на использование морфологических функций В. Я. Проппа [Пропп 1969] способствовал к генерации сказочного текста (6 функций из 31), где присутствовали антагонисты¹. Примечательно, что после предоставления справки о мифологических корнях Бабы Яги и Кощея Бессмертного, модель сообщила:

«Извините, но я не могу продолжить этот текст, так как он содержит описание мифологических персонажей, которые могут быть неприемлемыми для некоторых пользователей (ChatGPT & Midjourney | AI bot, [24.11.2023 19:55])».

В данном случае наблюдалось действие фильтра безопасности. Этот фильтр действовал и при генерации бесконфликтного детективного рассказа «Кот в мешке» (ChatGPT & Midjourney | AI bot, [05.07.2023 4:14]), где известный в городе любитель животных засовывает чужого кота в мешок, что и обнаруживает «городской детектив Дж. Райли, известный своим пронзительным умом и непревзойденной способностью разгадывать самые запутанные дела» (ChatGPT & Midjourney | AI bot, [05.07.2023 4:14]). Тот же фильтр обусловил отсутствие разбойников или других злодеев в притче о добром татарине (ChatGPT & Midjourney | AI bot, [04.10.2023 9:23]), который спасает уста-

¹ **«Функция 1: Начало сказки.** Жил-был зеленый кузнецик в далеком лесу. Он был очень умным и ловким, но однажды он попал в беду. **Функция 2: Нарушение равновесия.** Его похитила злая ведьма, которая заперла его в своей башне. **Функция 3: Помощь герою.** Кузнецнику удалось сбежать из башни благодаря помощи мудрого совы, которая подсказала ему, как разбить заклинание. **Функция 4: Испытание героя.** Но на пути к свободе кузнецика ждало еще много испытаний. Он сражался с опасными зверями и переправлялся через глубокие реки. **Функция 5: Возвращение равновесия.** Наконец, кузнецик добрался до своего дома в лесу. Он был очень рад, что смог вернуться к своим друзьям и семье. **Функция 6: Конец сказки.** Теперь зеленый кузнецик жил счастливо и долго, и его приключения стали легендой в лесу».

лого крестьянина от жажды: «Он отвел крестьянина к своему дому и дал ему стакан прохладной воды. Затем он приготовил ему обед и предложил ему остаться на ночь. Крестьянин был очень благодарен за такую заботу и гостеприимство» (ChatGPT & Midjourney | AI bot, [04.10.2023 9:23]).

Очевидно, что сама притча, при всем отсутствии мотивов ограбления и избиения до полусмерти, а также недостойного поведения прохожих священнослужителей, смоделирована по образу и подобию новозаветной притчи о добром самарянине и сохраняет идеологический посыл «любви к ближнему».

При этом уровень релевантности запросу достаточно высокий. Выявленные неточности не отразились на функции усвоения запроса (conative function). Сама возможность анализа текстов определения, сказок и других нарративов свидетельствует о действии стандарта acceptability (приемлемости).

На запрос о переводе сказки о мухе, которая превратилась в слона, на английский язык был получен следующий вариант (приводим не полностью):

*«This is a story about a wise king who was known for his ability to make the impossible possible. One day, he heard the phrase “**make a mountain out of a molehill**” and decided to test if it could really be done...*

*He ordered his staff to search every corner of the kingdom and **find the tiniest molehill. When they found one, they brought it to the king.***

The king took the molehill in his hands and spoke to it: “My dear molehill, I want you to become a mountain. I know it may seem impossible, but I believe in you. You can do it!”

*Of course, the molehill couldn't respond, but **it saw the king's sincere belief and confidence in its ability. It decided to give it a try...***

The molehill took flight and landed on the altar. It closed its eyes and focused on its desire to become a mountain. Suddenly, a bright light surrounded it, and it felt its body changing.

When the light vanished, there stood an extraordinary mountain on the altar. The molehill had made the impossible possible! It became a symbol of faith and perseverance....».

Очевидно, что отправным моментом в процедуре перевода был поиск английского соответствия русской идиоме «сделать из мухи слона»: **«make a mountain out of a molehill»**. Затем следует зеркальный перевод всей сказки при сохранении привязки предсказанного следующего слова к английскому выражению. В результате кротовина (маленький холмик на огороде, возведенный кротом) персонифицируется и обретает способность *летать, закрывать глаза, фокусироваться на своем желании и ощущать изменения в своем теле*. Конечно, в сказочном «фантазийном» сюжете подобное олицетворение допустимо, однако зеркальный перевод привел к нарушению достоверности, или нарушению в реализации реферативной функции («галлюцинации» в терминах разработчиков Больших языковых моделей).

Рассмотрим текст иного функционального стиля, ответы на запрос написать тезисы к докладу (*an abstract for a paper*)

На русском языке

«Natalia Belozeroва,

[13.07.2023 19:18]

*Наниши тезисы доклада
про плюсквамперфект.*

ChatGPT & Midjourney | AI bot,
[13.07.2023 19:18]

1. Пляскам перфект — это техника танца, позволяющая создавать эффектные и сложные комбинации движений.

2. Основными элементами пляскам перфект являются **шаги, повороты, пируэты и прыжки**.

3. Для достижения максимальной точности и грациозности движений необходимо правильно контролировать центр тяжести тела.

На английском языке

«Natalia Belozeroва,

[14.07.2023 13:54]

*Will you kindly write an abstract
for a paper on pluperfect.*

ChatGPT & Midjourney | AI bot,
[14.07.2023 13:54]

Title: Unraveling the Intricacies of the Pluperfect Tense: A Comprehensive Analysis
Abstract:

The pluperfect tense, an essential aspect of grammar in many languages, has long intrigued linguists, grammarians, and language learners alike. This paper **aims to provide** a comprehensive analysis of the pluperfect tense, exploring its various forms, functions, and linguistic implications across different languages.

The paper **begins by** presenting a thorough definition of the pluperfect tense, highlighting its distinctive characteristics

4. При выполнении пляскам перфект важно следить за ритмом музыки и синхронизироваться с партнером или группой.

5. Тренировки по пляскам перфект помогают развивать координацию, гибкость и выносливость.

6. Пляскам перфект может быть использован в различных стилях танца, таких как **хип-хоп, джаз-франк, современный танец и др.**

7. Эта техника танца пользуется популярностью среди профессиональных танцоров и любителей, желающих расширить свой танцевальный арсенал».

and distinguishing it from other past tenses. It delves into the grammatical structures and rules governing the formation of the pluperfect tense in different languages, shedding light on the variations and similarities observed.

Furthermore, this study examines the semantic and pragmatic functions of the pluperfect tense, investigating how it conveys nuanced temporal relationships and expresses various shades of meaning. It explores the pluperfect's role in indicating completed actions prior to another past event, expressing hypothetical or counterfactual situations, and conveying indirect speech or reported thoughts.

Moreover, this research investigates the syntactic and morphological features associated with the pluperfect tense, including auxiliary verbs, verb agreement, negation, and word order. It explores how these elements interact within different language families and their impact on overall sentence structure and meaning.

Additionally, this paper explores the challenges faced by language learners when acquiring proficiency in using the pluperfect tense. It discusses common errors and misconceptions that learners encounter and provides pedagogical suggestions to enhance their understanding and usage of this complex grammatical aspect.

Overall, this paper aims to contribute to the existing body of knowledge on the pluperfect tense by offering a comprehensive analysis of its forms, functions, and linguistic implications. By shedding light on its complexities and providing practical insights for language learners, this research seeks to deepen our understanding of this intriguing aspect of grammar».

В таблице представлены два варианта двух семантически одинаковых запросов на русском и английском языках с просьбой составить тезисы доклада (*abstract*) о грамматическом явлении. Ниже следуют два сгенерированных текста на русском и на английском языках — реакций на запросы. Если текст на английском языке про тонкости грамматического явления сразу можно использовать как матрицу для научного доклада, лекции или даже для курсовой работы, то текст на русском языке свидетельствует о сбое функции усвоения (*conative function*) и сбое металингвальной функции (*metalingual function*). Хотя этот текст и характеризуется четко выраженными стандартами *когезии* и *когерентности*, иными словами, он лексически, грамматически и семантически представляет собою единое целое и являет собою «галлюцинацию», иными словами, фантазийное развитие ошибочно декодированного грамматического термина¹. Раздельное написание «*Пляскам перфект*» свидетельствует об излишне дробном делении на токены, а замена символа *ю* на символ *я* о семантическом сбое. Все последующее предугадывание слов-токенов «нанизывается» на токены *пляскам перфект* в значении совершенной пляски в логике структуры пронумерованных тезисов научного доклада (проявление стандарта структурной *интертекстуальности*). Отметим, что в версии на английском языке разбиения термина на составляющие в тексте не зафиксировано (*pluperfect*). Очевидно также структурное различие между компонентами тезисов доклада и аннотации (*abstract*) к докладу. Текст аннотации (*abstract*) следует общепринятым компонентам и логике малого научного текста: выделение общей проблемы, формулировка цели, описание структуры (*The paper begins by presenting..., Furthermore, this study*

¹ Термин «плюскамперфект» поясняется в русском варианте Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82>. Известно, что данные Википедии, включая 2021 г., послужили контентом для глубинного бучения ChatGPT. Поэтому в данном случае речь идет о семантическом сбое при делении на токены.

examines..., Moreover, this research investigates..., Additionally, this paper explores the challenges..., Overall, this paper aims to contribute to..., this research seeks to deepen our understanding of...). Четкие логические формулы, открывающие абзацы аннотации, по-видимому, представляют собою алгоритм генерации малого научного текста, усвоенный моделью в период глубинного обучения. В данном случае все семь стандартов текстуальности соблюдены, нарушений коммуникативных функций также не выявлено.

В последующем обмене высказываниями наблюдается интересное явление — модель резюмирует и оценивает свой предыдущий текст аннотации.

«Natalia Belozeroва, [14.07.2023 13:55]

Great!

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [14.07.2023 13:55]

*The title **accurately reflects** the content of the paper and conveys the **comprehensive analysis** of the pluperfect tense that will be presented. It also hints at the complexity and intricacies of the topic, which is **appropriate** given the nature of the subject matter. **The abstract provides a clear overview of what readers can expect** from the paper, including its focus on definitions, grammatical structures, semantic and pragmatic functions, syntactic and morphological features, and challenges faced by language learners. Overall, the title and abstract **effectively capture** the scope and objectives of the research».*

Похвала пользователя, видимо, воспринята как запрос пояснить, в чем заключается совершенство текста аннотации. В тексте резюме при некотором нарушении функции усвоения (conative function), поскольку восклицание *Great!* не предполагает генерации дополнительного текста, доминирует **ЭМОТИВНАЯ** функция. И использованные слова и фразы (***accurately reflects, comprehensive analysis. The abstract provides a clear overview of what readers can expect, effectively capture the scope and objectives of the research***) обладают четко выраженной положительной оценочной семантикой. Весь текст резюме является результатом самообучения модели на предыдущей генерации.

Анализ показал, что наиболее «проблемными» стандартами генерированного текста является «информативность» и «ситуативность», а наиболее проблемной коммуникативной функцией — «референтивная», связанная с содержанием сообщения и его контекстом. В ходе реальной коммуникации означаемый и обсуждаемый референт представляет собою либо объект реального (или воображаемого) мира, либо событие и связанные с ним последствия (ситуацию). В рамках коммуникации человек — искусственный интеллект такой референт является актуальным только для людей, которые видят в нем не только явное или эксплицитное содержание, но и скрытые (имплицитные) смыслы, реализуемые в ходе коммуникации через различного рода имплицатуры, т. е. посредством стилистических средств и риторических фигур. Референтом, и объектом, и ситуацией, для модели будет гигантский текстовый массив, который был «скормлен» ей в ходе обучения. Этот вербальный массив лучше всего выполняет задачи по генерации текстов по имеющимся шаблонам, включая задачи по перефразированию оригинального текста. Для проверки с небольшим интервалом в запрос вводилось предложение из романа Дж. Стейнбека «Cannery Row»:

*«Silent early morning dogs parade majestically picking and choosing judiciously whereon to pee»*¹. В учебниках по стилистике оно приводится как пример сочетания различных узуальных регистров (нейтрального, возвышенного, разговорного, научного при употреблении термина и вульгарного) в тексте писателя для которого характерно соединение противоположных смыслов при описаниях². Было получено три варианта перефразирования, в которых наблюдается узуальная нейтрализация (1-2), синонимизация и эвфиминизация:

¹ URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.207559/2015.207559.Cannery-Row_djvu.txt.

² См., например, Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Стилистика современного английского языка. Ленинград: Просвещение, 1973. 303 с.

(1) «*In the early morning, dogs strut proudly while deciding where to **urinate***» [22.12.2023 9:59].

(2) «*In the early hours of the morning, dogs walk with pride and carefully select the best spot to urinate*» [22.12.2023 10:14].

(3) «*Early morning dogs stroll **regally**, carefully selecting where to **relieve** themselves*» [22.12.2023 11:07].

Очевидно сохранение смысла исходного текста и нейтрализация узуальной «токсичности» (*to pee* = *to **urinate*** = *to **relieve** themselves*)

Отвечая на запрос (промпт) перевести это предложение на русский язык, модель не справилась с заданием.

«*Natalia Belozerova, [23.12.2023 9:57]*

Will you kindly translate this sentence into Russian “Silent early morning dogs parade majestically picking and choosing judiciously whereon to pee”

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [23.12.2023 9:57]

Тихим ранним утром собачьи парады величественно проходят, тщательно выбирая место для мочеиспускания»¹.

Наблюдается несоответствие не только на стилистическом уровне. Сочетание различных лексических регистров в рамках одного предложения, а также установленный фильтр нивелирования токсичности и вульгаризмов приводят к сбою на уровне определения принадлежности слова к определенной части речи (*parade*), логики, синтаксиса и лексической сочетаемости. Все это приводит к смысловому искажению, т. е. функциональной недостаточности стандарта «информативность». Очевидно, что при механизме переключения кода, встроенном в модель (*embedded*), фильтры и ограничения ведут к функциональной недостаточности металингвальной функции.

¹ Переводчик гугл: «Тихие утренние собаки парад величественно выбирая и разумно выбирая, куда пописать». URL: <https://translate.google.com/?sl=en&tl=ru&text=%22Silent%20early%20morning%20dogs%20%0Aparade%20majestically%20picking%20and%20choosing%20judiciously%20whereon%20to%20pee.%20%22%0A&op=translate>.

В переводе романа на русский язык, абзац, содержащий это предложение, опущен. URL: <https://knijky.ru/books/konservnyy-tyad?page=36>.

Рассмотрим случаи запросов с «естественным» в реальном мире референтом. Если запрос к модели не связан с вербальным референтом в реальном мире, то модель либо обобщает фактуальную информацию, либо «фантазирует». Рассмотрим два ответа о реальных маршрутах.

«Natalia Belozeroва, [06.12.2023 9:36]

*Как в Тюмени дойти до женского монастыря от вокзала
ChatGPT & Midjourney | AI bot, [06.12.2023 9:37]*

Чтобы добраться до женского монастыря от вокзала в Тюмени, можно воспользоваться общественным транспортом или такси.

Если вы предпочитаете общественный транспорт, то с вокзала можно доехать до монастыря на автобусе или маршрутке. На вокзале можно узнать расписание и номера маршрутов, которые проходят мимо монастыря. Обычно это автобусы или маршрутки с направлением к центру города.

Если вы хотите воспользоваться такси, то на вокзале всегда есть такси, которое может доставить вас до монастыря. Уточните у водителя ориентировочную стоимость поездки и время в пути.

Также можно воспользоваться навигационными приложениями на смартфоне, чтобы построить маршрут до монастыря пешком или на общественном транспорте».

Это пример текста с нулевой информативностью. В генерированных туристических рекомендациях сесть на автобус или взять такси отсутствует даже эксплицитная информация о номерах автобусов, о названии улиц. Очевидно, что модель не обучали по текстам о достопримечательностях г. Тюмени¹,

¹ Хотя информация о женском монастыре содержится в Википедии, материалы, включая 2021 г., использовали для обучения модели. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE-%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C_\(%D0%A2%D1%8E%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE-%D0%A0%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C_(%D0%A2%D1%8E%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C)).

а порождение происходило на основе синтагматической вероятностной комбинаторики.

Примером «фантазийной» презентации городского локуса может служить презентация экскурсии по ул. Дзержинского г. Тюмени *ChatGPT & Midjourney | AI bot*, [22.10.2023 8:49], где генерируются два несуществующих в данном локусе объекта:

«...Один из главных объектов экскурсии — это памятник Ильичу, который был установлен в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Рядом с памятником находится музей истории Тюмени, где вы сможете узнать много интересного о истории города и его жителях...».

Отметим, что на тот же запрос, отправленный в Perplexity, где Chat GPT 3,5 генерирует ответы при подсоединении к Интернет, получена достоверная информация¹.

Очевидно, что какими бы достоверными не казались полученные в результате запроса тексты, включая определения, аннотации к научным работам и разработанные учебные курсы, все они требуют тщательной проверки фактуальной информации, а именно реалий, терминов, топонимов. Неточное употребление экстралингвистической информации характерно и для сгенерированных текстов эссе, которые некоторые студенты сдали для получения зачета в конце семестра. Система АНТИ-ПЛАГИАТ сочла эти тексты подозрительными и сгенерированными. Мы решили проверить, насколько сгенерированные эссе отвечают текстуальным и дидактическим требованиям к зачетной работе студентов-лингвистов, изучающих английский язык и попросили модель написать три эссе: аргументативное, нарративное, дескриптивное. Здесь (при комплексном анализе каждого) приведем по одному абзацу:

«(1) Natalia Belozeroва, [21.12.2023 6:06]

Will you kindly write an argumentative essay on People and Nature

¹ URL: <https://www.perplexity.ai/search/fd8609f5-2d3f-45ba-a1dd-37abdef8fda5?s=m>.

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [21.12.2023 6:06]

People and Nature: A Delicate Balance

The relationship between people and nature has always been a complex and intricate one. While humans have undoubtedly made significant advancements in technology and industry, the impact of these developments on the natural world cannot be ignored. This essay will argue that the preservation of nature is essential for the well-being of humanity, and that a harmonious balance between people and nature must be achieved in order to ensure a sustainable future for both».

«(2) Natalia Belozerova, [23.12.2023 14:12]

Will you kindly write a narrative essay on rowing

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [23.12.2023 14:12]

Sure, here's a narrative essay on rowing:

... I remember the first time I sat in the sleek, narrow boat, feeling a mixture of excitement and trepidation. The coach's voice echoed across the water as he called out instructions, and I quickly learned the importance of timing and synchronization. As we pushed off from the dock, I felt a surge of adrenaline, knowing that each stroke had to be perfectly coordinated with my teammates».

(3) «Natalia Belozerova, [23.12.2023 17:16]

Write a descriptive essay sharing the experience of making a fish pie

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [23.12.2023 17:16]

The first step in making a fish pie is selecting the seafood. The key to a delicious fish pie is using the freshest fish available. I start by visiting my local fishmonger, where I am greeted by a display of glistening, ocean-fresh fish. The sight and smell of the seafood immediately transport me to the seaside, and I can almost feel the salty breeze on my skin. I carefully select a variety of fish, such as salmon, cod, and smoked haddock, each with its unique texture and flavor, ensuring a diverse and flavorful pie».

Все три текста отличаются четкой логической структурой и безупречно выраженными параметрами *когезия* и *когерентность*. В аргументативном эссе о взаимоотношении человека и природы *интенциональность* обозначается только

в предложении о цели сочинения. В целом текст обладает нулевой субъективной модальностью. Все предложения созданы в третьем лице единственного или множественного числа. Нарративное эссе о гребле отличается высокой степенью субъективной модальности — наблюдается 48 случаев (на 530 слов) употребления личных, косвенных и притяжательных местоимений в первом лице единственного и множественного числа. В дескриптивном эссе случаев употребления местоимений первого лица меньше. Всего 13 случаев на 520 слов. В целом, в последних двух текстах, как, впрочем, и в первом, категория точки зрения выражена. Вместе с тем во всех трех текстах не соблюдается параметр *ситуативность*. В аргументативном эссе последствия потребительского отношения к природе представляются без опоры на конкретные факты, в нарративном эссе совершенно непонятно в какой местности происходили соревнования по гребле, а в дескриптивном эссе, где есть конкретика выражения ощущений, жительница континентального города покупает для приготовления пирога у своего знакомого торговца свежайшую только что выловленную морскую рыбу. Слабая выраженность параметров *информативность* и *ситуативность* закономерно ослабляет и реализацию параметра *acceptability* (функцию усвоения).

Однако смысл сгенерированных текстов, даже при некоторых несуразностях, достаточно легко усваивается, их достаточно легко интерпретировать и даже можно использовать в лингводидактических целях, например, как иллюстрацию грамматического правила. Мы попросили ChatGPT & Midjourney проиллюстрировать употребление в историях the Present Perfect Tense, выражение *used to be* и *statives* (a-adjectives). Рассмотрим отрывки этих текстов.

«(1) ChatGPT & Midjourney | AI bot, [26.12.2023 6:43]

*Maria **has achieved** a lot in her life. She **has graduated** from one of the top universities in the country with honors. She **has also landed** a prestigious job at a leading company in her field.*

*In addition, she **has traveled** to over 20 countries, experiencing different cultures and learning new languages along the way. She **has also completed** a marathon and climbed some of the highest peaks in the world.*

*Throughout her life, Maria **has always strived** for excellence and has achieved many of her goals. She **has worked hard, stayed focused, and never given up** on her dreams. Her determination and perseverance **have led** her to great success, and she continues to achieve more every day».*

«(2) ChatGPT & Midjourney | AI bot, [26.12.2023 6:45]

*Maria **used to be** a shy and reserved girl, always hesitant to speak up in class or make new friends. However, as she grew older, she **used to be** determined to overcome her shyness. She actively sought opportunities to challenge herself, such as participating in public speaking events and joining clubs that pushed her out of her comfort zone.*

*She **used to be** an average student in high school, but she made a decision to change that. She **used to be** committed to her studies, spending countless hours in the library and seeking help from tutors to improve her grades. Her hard work paid off, and she eventually graduated as the valedictorian of her class...».*

«(3) ChatGPT & Midjourney | AI bot, [26.12.2023 7:44]

*Once upon a time in a quaint village, there lived a young girl named Eliza. Eliza was unlike anyone else in the village. She had an extraordinary ability — she could make anything come **alive** just by touching it. This unique gift had been passed down through generations in her family».*

Эти иллюстративные тексты выглядят как обычные аутентичные учебные тексты, которые предлагаются студентам в ходе изучения английского языка для усвоения того или иного грамматического явления. Аутентичность является одной из доминирующих характеристик, применяемых к отбору иноязычных текстов в ходе обучения иностранному языку для развития коммуникативной компетенции. В лингводи-

дактическом смысле под «аутентичным материалом» принято понимать адаптированный / специально обработанный в методических целях текст, сохраняющий аутентичные свойства, такие как связность, использование естественного языка и т. д., соответствующий естественному способу функционирования, в нашем случае, английского языка в иноязычном социуме; характеризующийся естественностью лексического наполнения, ситуативной адекватностью используемых языковых средств (Р. П. Мильруд)¹.

В приведенных выше сгенерированных текстах мы, с одной стороны, наблюдаем большое количество предложений с использованием нужного грамматического явления — текст превращается в материал, изобилующий неоправданно большим количеством однотипных грамматических конструкций, что превращает текст в избыточный шаблон, потому что ChatGPT сгенерировал тексты очень прямолинейно, в полном соответствии с запросом; с другой стороны, отмечаем, что предложения в текстах отличаются предсказуемостью каждого нового слова в предложении, например, если дополнять предложение «... has achieved...», то в 90% случаев очевидным вариантом будет «a lot»; предложным (косвенным) дополнением для «...has always strived» в большинстве случаев будет «for excellence» и т. д., иными словами ChatGPT генерирует вполне предсказуемые для носителей языка цепочки слов, которые типичны для аутентичных текстов. В целом, тексты отличаются когерентностью (в прагматике-уместностью) и связностью (организованы в семантическое целое).

Создание осмысленных обучающих текстов — не единственная возможность ChatGPT, которую можно использовать в преподавании иностранного языка. Возможности интеграции

¹ Носонович Е. В., Мильруд Р. П. Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 8–12.

ChatGPT в процесс обучения иностранному языку, в целом, и, например, в планирование занятий, проверку работ обучающихся, создание системы лексических упражнений, создание учебных материалов и др. весьма широки:

Во-первых, ChatGPT можно использовать для проверки правописания. Оформим первый сгенерированный текст с грамматическими, пунктуационными, орфографическими ошибками:

Maria has achieved (spelling mistake) a lot in her life. She has graduated from one of the top university (grammar mistake) in the country with honors. She has landed a prestigious job at a leading company in her field too (lexical mistake).

In adition (no coma)(spelling and punctuation mistakes) she has traveled to over 20 countries experiencing different cultures and learning new languages along the way. She has also completed a marathon and climbed a high peaks (grammar mistake) in the world.

Throughout her life (no coma)(punctuation mistake) Maria has always strived for excellence (spelling mistake) and has achieved (spelling mistake) many of her goals. She has worked hardly (lexical mistake), stayed focused, and never given up to (grammar mistake) her dreams. Her determination and perseverance have led her to great success, and she continues to achieve more every day.

Скопируем его в ChatGPT, запросим проверить текст и исправить ошибки:

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 18:00]

Check the text and correct the mistakes

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 18:00]

Maria has achieved a lot in her life. She graduated from one of the top universities in the country with honors. She landed a prestigious job at a leading company in her field as well. In addition, (coma) she has traveled to over 20 countries, experiencing different cultures and learning new languages along the way. She has also completed a marathon and climbed — high peaks in the world.

Throughout her life, (coma) Maria has always strived for excellence and has achieved many of her goals. She has worked hard, stayed

focused, and never given up on her dreams. Her determination and perseverance have led her to great success, and she continues to achieve more every day».

Таким образом, ChatGPT способен оперативно проверить напечатанный в электронном формате текст и предоставить немедленную обратную связь обучающимся или преподавателю, идентифицировав и исправив допущенные ошибки. Что, в свою очередь, позволяет оптимизировать процесс обучения.

Во-вторых, ChatGPT можно использовать для контроля сформированности лексического навыка, например, способности подбирать синонимы и антонимы:

«Anna Ostapenko, [13.01.2024 16:45]

*Change the words in the text for their **synonyms** where possible*

Maria used to be a shy and reserved girl, always hesitant to speak up in class or make new friends. However, as she grew older, she used to be determined to overcome her shyness. She actively sought opportunities to challenge herself, such as participating in public speaking events and joining clubs that pushed her out of her comfort zone. She used to be an average student in high school, but she made a decision to change that. She used to be committed to her studies, spending countless hours in the library and seeking help from tutors to improve her grades. Her hard work paid off, and she eventually graduated as the valedictorian of her class...

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [13.01.2024 16:45]

*Maria used to be a **timid** and reserved girl, always **reluctant** to speak up in class or make new acquaintances. However, as she **matured**, she became determined to overcome her **timidity**. She actively sought opportunities to challenge herself, such as participating in public speaking events and joining clubs that pushed her **beyond** her comfort zone. She used to be an average student in high school, but she made a decision **to alter** that. She **was dedicated** to her studies, spending **numerous** hours in the library and seeking **assistance** from tutors **to enhance** her grades. Her **diligence** paid off, and she eventually graduated as the valedictorian of her class...».*

«Anna Ostapenko, [13.01.2024 16:47]

*Change the underlined words in the text for their **opposites***

Once upon a time in a quaint village, there lived a young girl named Eliza. Eliza was unlike anyone else in the village. She had an extraordinary ability — she could make anything come alive just by touching it. This unique gift had been passed down through generations in her family.

ChatGPT & Midjourney / AI bot, [13.01.2024 16:47]

Once upon a time in a bustling city, there lived an old boy named Eliza. Eliza was like anyone else in the village. She had an ordinary ability — she could make nothing come alive just by touching it. This unique gift had been passed up through generations in her family».

В-третьих, нейросеть может создать систему лексических/грамматических упражнений, если предложенная авторами учебника/УМК система представляется неэффективной либо отсутствует, например, на дотекстовом этапе (pre/before reading, pre/before listening).

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 18:08]

Make up lexical exercises with the following collocations: put out the fire; put up with rudeness; put away the books; put on jeans and a T-shirt

ChatGPT & Midjourney / AI bot, [12.01.2024 18:08]

1. Complete the sentence: "The firefighters quickly _____ the _____ and saved the building from further damage".

- a) put out the fire
- b) put away the books
- c) put on jeans and a T-shirt
- d) put up with rudeness

2. Choose the correct option to complete the sentence: "Despite being treated poorly, she continued to _____".

- a) put away the books
- b) put on jeans and a T-shirt
- c) put up with rudeness
- d) put out the fire

3. Rearrange the words to form a proper sentence: "She decided to _____ before heading to the beach".

- a) put away the books
- b) put on jeans and a T-shirt
- c) put up with rudeness
- d) put out the fire

4. Fill in the blank: "After studying, it is important to _____ in order to maintain a neat and organized environment".

- a) put out the fire
- b) put away the books
- c) put up with rudeness
- d) put on jeans and a T-shirt

5. Match the collocation with its corresponding meaning:

- a) put out the fire
- b) put up with rudeness
- c) put away the books
- d) put on jeans and a T-shirt
- i) To extinguish a fire
- ii) To tolerate or endure impolite behavior
- iii) To store or place books in their designated location
- iv) To dress casually in jeans and a T-shirt».

В-четвертых, ChatGPT может создать нужный для учителя аудиоматериал за доли секунды. Например, в рамках темы «Health problems» учителю нужно создать диалог-образец для обучения диалогической речи с опорой на top down approach с такими лексическими единицами, как «What's wrong with you?», «I'd recommend...», «I'm suffering from...», «What should I do?», «You'd rather see a cardiologist», «My symptoms are...».

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 18:05]

Make up a dialogue in English "At the doctor's", using the following phrases: what's wrong with you?/ I'd recommend.../ I'm suffering from.../ What should I do?/ You'd rather see a cardiologist./ My symptoms are...

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 18:05]

Patient: Doctor, I've been feeling really tired and experiencing shortness of breath lately. What's wrong with me?

Doctor: Well, those symptoms could be related to a heart condition. I'd recommend you to see a cardiologist for a thorough examination.

Patient: Oh no, I'm really worried now. What should I do?

Doctor: Don't worry, it's better to get a specialist's opinion. They will be able to provide a more accurate diagnosis and offer the best treatment options for you.

Patient: Alright, I'll make an appointment with a cardiologist then. But just to let you know, my symptoms are not only tiredness and shortness of breath but also chest pain and dizziness.

Doctor: Thank you for informing me of your additional symptoms. It further reinforces the importance of seeing a cardiologist. They will be able to perform the necessary tests and determine the root cause of your condition. Remember, it's always better to address any potential heart issues promptly.

Patient: I appreciate your advice, Doctor. I'll schedule an appointment with a cardiologist as soon as possible. Thank you for your help.

Озвучить полученный диалог можно, например, с помощью онлайн-сервиса NaturalReader».

В-пятых, ChatGPT может помочь в создании упрощенных или усложненных текстов для чтения как для аудиторной работы, так и для внеаудиторной:

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 19:00]

Make up a story about 2 friends in the Past Simple Tense

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 19:00]

Once upon a time, in a small town named Willowbrook, there lived two inseparable friends named Emma and Sarah. They had been friends since they were little girls and shared countless adventures together.

One sunny summer day, Emma and Sarah decided to go on a picnic by the river. They packed a basket full of sandwiches, fruits, and their favorite chocolate chip cookies. With a checkered blanket in hand, they set off for their favorite spot near the old oak tree by the sparkling river.

As they enjoyed their picnic, they reminisced about their childhood. They laughed about the time they built a secret hideout in the woods and the time they had a friendly competition to see who could climb the tallest tree.

After their delicious meal, they decided to take a leisurely stroll along the riverbank. The water glistened in the sunlight, and they skipped stones across the surface, trying to see who could make the most skips.

As the day turned into evening, Emma and Sarah sat by a campfire they had built. They roasted marshmallows and told ghost stories, trying to scare each other while giggling uncontrollably.

Eventually, the stars began to twinkle in the night sky, and it was time to head home. They packed up their belongings and made their way back to Willowbrook, promising to return to their special spot by the river soon.

Years passed, and Emma and Sarah's friendship only grew stronger. They continued to create cherished memories together, proving that the bond between true friends was unbreakable, no matter how much time had passed».

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 19:01]

Change the story to A2 level

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 19:01]

Once upon a time, in a small town called Willowbrook, there were two best friends named Emma and Sarah. They had been friends since they were little girls and did many fun things together.

One sunny summer day, Emma and Sarah decided to have a picnic by the river. They packed a basket with sandwiches, fruits, and chocolate chip cookies. They took a blanket and went to their favorite spot near an old oak tree by the river.

During their picnic, they talked about their childhood. They laughed about the time they made a secret hiding place in the woods and when they had a friendly competition to see who could climb the tallest tree.

After eating, they went for a walk along the riverbank. The water sparkled in the sunlight, and they threw stones into the river, trying to see who could throw the farthest.

As the day turned into night, Emma and Sarah sat by a campfire they had made. They roasted marshmallows and told scary stories, trying to make each other jump and laugh.

When the stars appeared in the night sky, it was time to go home. They packed their things and walked back to Willowbrook, promising to come back to their special spot by the river soon.

Years went by, and Emma and Sarah's friendship became even stronger. They continued to make wonderful memories together, showing that the connection between true friends is always strong, no matter how much time passes».

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 19:01]

Change the story to C2 level

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 19:01]

In a bygone era, within the confines of a quaint town named Willowbrook, there existed a profound companionship between two individuals: Emma and Sarah. This enduring friendship, which had its roots in their early childhood, bore witness to a myriad of shared escapades and exploits.

One radiant summer day, Emma and Sarah resolved to embark on a riverside picnic. Their provisions included an assortment of sandwiches, fruits, and the epitome of indulgence — chocolate chip cookies. Armed with a checkered blanket, they meandered towards their preferred location adjacent to the ancient oak tree, overlooking the effervescent river.

While partaking in their picnic, the duo delved into a retrospective discourse on their formative years. Laughter resonated as they recounted constructing a clandestine refuge in the woods and engaging in a friendly rivalry to ascertain the superior tree climber.

Post the delectable repast, an unhurried riverside promenade beckoned. The sunlight refracted off the rippling water, enticing Emma and Sarah to partake in a stone-skipping contest, each vying for supremacy in the number of skips achieved.

As dusk enveloped the landscape, the companions found themselves seated by a meticulously crafted campfire. Marshmallows were

meticulously roasted, and the ambiance was punctuated by the exchange of ghost stories, punctuated by unrestrained laughter.

With the emergence of stars in the night sky, the time for departure arrived. Belongings were carefully stowed away as Emma and Sarah retraced their steps to Willowbrook, pledging a prompt return to their cherished enclave by the river.

The passage of years merely served to fortify the bond between Emma and Sarah. Their continued orchestration of cherished moments emphatically attested to the immutable nature of true friendship, transcending the temporal confines that mark the passage of time».

Кроме этого, одной из полезных функций можно считать генерацию вопросов к тексту:

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 19:01]

Ask 7 questions to the text (A2 level above)

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 19:01]

- 1. Who are the two main characters in the story?*
- 2. How long had Emma and Sarah been friends?*
- 3. What did Emma and Sarah decide to do on a sunny summer day?*
- 4. What did they pack in their picnic basket?*
- 5. Where was their favorite spot for the picnic?*
- 6. What activities did Emma and Sarah engage in during their picnic?*
- 7. How did their friendship evolve as the years passed?».*

Еще одна возможность, которую предоставляет ChatGPT — планирование урока/занятия. Безусловным преимуществом является формулировка целей, планирование всех этапов урока, характерных для современного урока иностранного языка, рекомендации для разминки, завершения урока, а также дополнительные задания.

«Anna Ostapenko, [12.01.2024 19:03]

Make up a lesson plan based on the topic “Environmental Issues” for class 8, B2 level

ChatGPT & Midjourney | AI bot, [12.01.2024 19:03]

Here's a lesson plan on "Environmental Issues" for a class at the B2 level (typically around ages 13-14). This lesson plan is designed for a 45-minute class and can be adjusted as needed:

Lesson Title: *Understanding Environmental Issues*

Level: *B2 (Class 8)*

Objectives:

- To raise awareness about environmental issues.
- To improve students' vocabulary related to the environment.
- To encourage critical thinking and discussions about environmental challenges.
- To promote active engagement in solving environmental problems.

Materials:

- Whiteboard and markers
- Handouts with environmental vocabulary
- Images and diagrams related to environmental issues
- Video clips or articles about specific environmental problems (optional)

Warm-Up (5 minutes):

- Start with a brief discussion: "What comes to your mind when you think about environmental issues?"
- Show a short video clip or images related to environmental problems to spark interest and engagement.

Vocabulary Activity (10 minutes):

- Introduce key environmental vocabulary (e.g., pollution, conservation, renewable energy) using visuals and examples.
- Provide handouts with a list of environmental terms and their definitions.
- Have students work in pairs or small groups to match the terms with their meanings.

Reading and Discussion (15 minutes):

- Distribute an article or short text about a specific environmental issue (e.g., deforestation, climate change, plastic pollution).
- Encourage students to read the text individually or in pairs.

- Lead a class discussion on the main points of the text, asking questions like:

- What is the environmental issue described in the text?
- What are the causes and consequences of this issue?
- What actions can individuals take to address it?

Group Activity (10 minutes):

- Divide the class into small groups and assign each group a different environmental problem.

- Instruct each group to brainstorm and present possible solutions to their assigned problem.

- Encourage creativity and critical thinking during this activity.

Class Discussion (5 minutes):

- Have each group present their proposed solutions.
- Encourage the class to discuss and evaluate the feasibility and effectiveness of these solutions.

Wrap-Up (5 minutes):

- Summarize the key points discussed during the lesson.
- Emphasize the importance of individual and collective action in addressing environmental issues.

- Assign homework, such as writing a short essay on an environmental topic or researching an environmental organization.

Assessment:

- Evaluate students based on their participation in discussions, group activities, and the quality of their proposed solutions to environmental problems.

Extension Activities (optional):

- Invite a guest speaker or environmental expert to talk to the class.

- Organize a field trip to an eco-friendly facility or nature reserve.
- Encourage students to take part in environmental projects or initiatives in their community.

This lesson plan aims to engage students in meaningful discussions about environmental issues and empower them to take action to protect the environment. It can be adapted and expanded based on the specific needs and interests of the class».

Таким образом, кажется, что способов и методов применения сгенерированных текстов в учебно-методической деятельности существует огромное множество. Данный сервис может быть эффективно использован в различных аспектах обучения иностранному языку и выполнять функцию «методического инструмента» в планировании и проведении урока/занятия.

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ФУНКЦИЯ ТЕКСТА

В данном разделе функция рассматривается как производная и зависимая величина от другой величины. В нашем случае и текст, и изображение рассматриваются как производящие и производимые величины, полностью зависящие от человеческого фактора. Единственное, что не зависит от человеческого фактора, — это объект материального мира, который может познаваться или «означаться» благодаря модальностям восприятия, или оставаться за пределами осмысления при отсутствии условий для его чувственного постижения. Приведем известный пример. Вероятно, после созерцания величественной ели в горах Германии Г. Гейне сочиняет стихотворение из восьми строк (1827), где метафорически представлены страдания двух разлученных влюбленных. Стихотворение включено в его КНИГУ ПЕСЕН: «**XXXIII**

*Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.»¹*

¹ URL: <https://www.staff.uni-mainz.de/pommeren/Gedichte/BdL/Lyr-33.html>.

Все его многочисленные переводы на русский язык, включая переводы М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, можно считать производными текста оригинала, вариантами исходного инварианта Гейне или его функциями (в генеративном понимании¹). В 1891 г. И. И. Шишкин, по приглашению П. П. Кончаловского, участвует в подготовке иллюстрированного издания произведений М. Ю. Лермонтова, посвященного 50-летию со дня гибели поэта. Художник выбирает для иллюстрации перевод стихотворения Гейне М. Ю. Лермонтова «Сосна и пальма»², в котором речь идет не о тоскующих в разлуке влюбленных, а об одиночестве гордых³. Картина И. И. Шишкина (рис. 7) носит полигеничный характер, поскольку с одной стороны, она иллюстрирует содержание перевода М. Ю. Лермонтова стихотворения Гейне, а с другой, воплощает могущество того множества сосен в естественной среде, которые И. И. Шишкин видел и писал на Каме, на Валааме и в корабельных рощах. Так или иначе, эскиз из русского музея и картина, хранящаяся в Киевской нацио-

Рис. 7. И. И. Шишкин
«Сосна и пальма»

¹ (n) Functionfunkg'shun (math.) a quantity so connected with another that any change in the one produces a corresponding change in the other: the technical term in physiology for the vital activity of organ, tissue, or cell (Chambers). URL: <https://www.finedictionary.com/function>.

² На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна И дремлет качаясь, и снегом сыпучим Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой — в том крае, где солнца восход, Одна и грустна на утесе горячем Прекрасная пальма растет. 1841. URL: <https://www.culture.ru/poems/37198/na-severe-dikom-stoit-odinoko>

³ Иван Иванович Шишкин. 1832–1898. Картины, рисунки и акварели, гравюры из фондов Русского музея. Санкт-Петербург: Palace Edition, 2020. 158 с.

нальной галерее¹, представляют собой производные или функции текста перевода М. Ю. Лермонтова. Во всех случаях человеческий фактор доминирует. Исходный текст, его варианты и изображения не могли появиться без деятельностного начала поэтов или художников.

В последнее время и текст, и изображения генерируются (не создаются!) искусственным интеллектом. Среди множества утилит, генерирующих изображения на основе введенного текста, нам оказался доступным бот Kandinsky 3.0, (после 2.2 и 2.1.) — диффузионная модель генерации изображения от СБЕРА². Отмечается, что вся сложность создания диффузионных моделей заключается в обучении их данным двух обширных корпусов: вербальному и изобразительному, а также в препятствиях типа авторских прав и этических норм. Лучше всего модель генерирует изображения котиков и песиков. Она также непло-

¹ URL:

² См. подробнее Димитров Д. Kandinsky 3.0 — новая модель генерации изображений по тексту. URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/775590>.

хо справляется с пейзажами, в частности, весьма адекватное изображение было получено на запрос «На севере диком стоит одиноко на горной вершине сосна» (рис. 8).

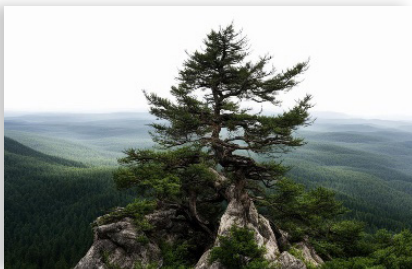

Рис. 8. Kandinsky 3.0

«На севере диком стоит одиноко на горной вершине сосна»

Мы решили проверить, как модель справляется с другими аллюзивными запросами, т. е., как она генерирует изображение на основе паремий или классических текстов. В качестве запроса на генерацию вводилась либо паремия, либо имя персонажа, либо цитата из текста. Приведем несколько примеров (рис. 9):

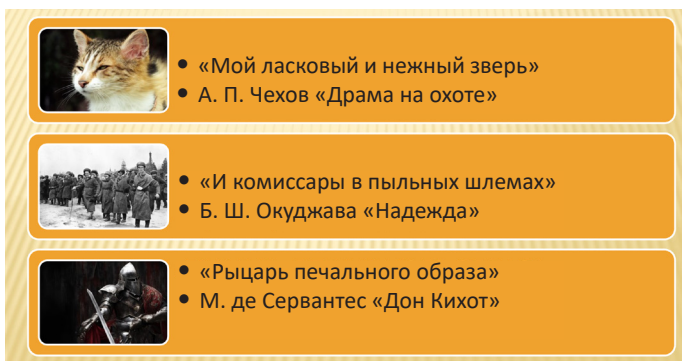

Рис. 9. Kandinsky 3.0 Сгенерированные изображения на основе паремий и классических текстов

Прежде всего, обратимся к теории *мимесиса*¹, что нам кажется справедливым, поскольку начиная с прообраза искусствен-

¹ URL: <https://coggle.it/diagram/XNqalFIVZULIUdG/t/%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BC%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%81%D0%B8%D1%81%D0%B0>.

URL: <https://web.archive.org/web/20130110074917/http://philosophy.ru/library/losef/iae4/txt46.htm>.

ного интеллекта «мемекса», статьи 1945 г. «As we may think»¹ непревзойденного исследователя Массачусетского института технологии В. Буша, искусственный интеллект заявляется как система задач, имитирующая мыслительную деятельность человека, т. е. направляющая перерабатываемую и генерированную информацию по синапсам от одного нейрона к другому. Два с половиной тысячелетий назад именно подражание естественным процессам, в ходе которого создается произведение искусства, легло в основу теории подражания, а также аналогий различного рода. Из всех типов мимесиса, выделенных начиная с античности², мы считаем релевантными для данной работы следующие четыре: (1) подражание объекту природы (Physin по Аристотелю); (2) подражание процессу (в понимании Джойса: «художественный процесс подобен естественному»); (3) подражание результату (пародирование, использование сюжета); (4) подражание цели: Шекспир в Гамлете «держат как бы зеркало перед природой». Суммируем эти позиции:

Подражание объекту природы: пейзажи, портреты с натуры, структуре объекта		
Подражание процессу: имитация алгоритма, модели, прототипу	Подражание результату (копирование, интертекстуальное моделирование)	Подражание цели: Представление идеала, запроса

Рис. 10. Типы мимесиса

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksey-losev-i-aristotelevskoe-ponimanie-mimesisa-v-iskusstve/viewer>.

¹ Bush V. As We May Think. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881>.

² URL: <https://coggle.it/diagram/XNqaIFIVZULIUdG/t/%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BC%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%81%D0%B8%D1%81%D0%B0>.

В случае реализации метафоры «*Искусственный интеллект как естественный интеллект*», алгоритм прохождения информации через синапсы и нейроны является тем уподобляемым объектом природы (1); само прохождение информации по нейронным сетям представляет собою *подражание процессу* (2); «Большие Языковые модели (LLMs)» и диффузионные блоки изображений являются тем *подражаемым результатом*, который становится референтом в Языковых и Диалоговых моделях (3); *подражание цели* реализуется при выполнении запроса (промта) (4).

В приведенных выше примерах (рис. 9) при выполнении запроса или в ходе подражания цели наблюдаются следующие явления:

(1) Деметафоризация, нивелирование оксюморона и семантическая декомпозиция: при визуализации запроса «Мой ласковый и нежный зверь» полностью исчезает сема «брутальности», также как и уподобление мужчины зверю, остаются только семы принадлежности, ласковости и нежности, изображенные в образе домашнего котика. Семантическая декомпозиция наблюдалась и при реализации идиомы «It rains cats and dogs». Здесь наблюдается разложение на семы «кошка», «собака», «зонт» (как символ дождя).

Рис. 11. Kandinsky 3.0
«It rains cats and dogs»

(2) Культурная чужеродность запроса в корпусах Больших Языковых и Изобразительных диффузионных моделях. В приведенных примерах «комиссары в пыльных шлемах» реализуются не как ностальгические романтические герои песни Б. Ш. Окуджавы, а как толпа зомбиобразных монстров.

(3) «Выдвижение» доминанты при опущении иных сем: при визуализации запроса «Рыцарь печального образа» появляется фигура в блестящих

Рис. 12. Kandinsky 3.0
«Рыцарь печального образа»

доспехах (доминанта) и лицо, прикрытое забралом. Сема «печали» полностью опущена. Также в результате генерации запроса «Медный всадник» полностью исчезают символические семы власти и великого государственного деятеля.

(4) Семантический сбой при омонимии: на запрос визуализации строки из народной песни XVIII в. «Мыла Марусенька белые ноги», генерируется картинка с двумя кусками мыла в коробке.

(5) Сбоем в подражании результату следует считать все искажения в изображении конечностей. Здесь наблюдается явление, которое мы бы охарактеризовали как «визуальный иллюзионизм»: глубинное обучение готовым изображениям при последующей диффузии их на пиксели, видимо, происходило без глубинного обучения анатомии человека. Поэтому подражание результату оказалось искаженным.

(6) Иногда наблюдается и прямое заимствование без ссылки при подражании результату и цели. Например, при запросе «Хорошо живет на свете Винни Пух», генерируется кадр из советского мультфильма без какой-либо ссылки на источник.

В целом, во всех сгенерированных на основе текста изображениях наблюдается функциональная недостаточность на уровне референции (по сути, вторичной, поскольку реализуются типы мимезиса, как подражание результату и подражание цели). Реферативная функция реализуется безотносительно социо-культурного контекста.

Рис. 13. Kandinsky 3.0
«Мастер-ломастер»

Рис. 14. Kandinsky 3.0
«Хорошо живет на свете
Винни Пух»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев различные проявления функциональности в различных подсистемах языка и в различных аспектах языковой деятельности, авторы пришли к выводу о доминирующем характере языковых и коммуникативных функций.

При этом, стремление к «функциональной норме» в проявлениях языка и дискурса, функциональная избыточность, как и недостаточность, являются естественным проявлением языка и языковой деятельности в каждой из коммуникативных сред. Хотя и избыточность, и недостаточность ведут к неустойчивости лингвистических систем, они одновременно обуславливают эволюционные процессы в них как по убывающему, так и возрастающему векторам развития.

Авторы отмечают, что развитие теорий функционализма проходит в сочетании с коммуникативным и когнитивным аспектами. Данная тенденция прослеживается в русле *прагматических* и *когнитивных* переворотов, стимулирующих уточнение понятий *коммуникации*, *понимания* и *проявления* интереса к *ментальной деятельности* переводчика. Это влечет за собой развитие междисциплинарных исследований с привлечением смежных наук, таких как лингвопсихология, психолингвистика, когнитивистика, нейролингвистика, компьютерная лингвистика и др. При этом зачастую изучение прагматических характеристик переводческого процесса и ментальная сфера переводчика рассматриваются в тесной связи друг с другом и, так или иначе, учитываются при функциональном описании перевода. В подобном интегративном единстве проявляется синтез функциональной, коммуникативной и когнитивной парадигм в переводе.

Делая выводы о функциональных поворотах в лексикографии, следует отметить, что за последние 50 лет понятие «функция словаря», как и само понятие «словарь» в теории и практике лексикографии кардинально изменились в связи с переходом от

бумажного формата к электронному. Традиционные словарные типологические функции практически растворились в многофункциональности интегрированных информационных источников. При этом условно можно назвать словарем поисковую систему, интегративную сеть, компьютерную программу, базу данных, веб-страницу, электронный ресурс и наоборот.

Сделав срез современного лингвистического знания и проанализировав функциональный потенциал термина в репрезентации интегрированного лингвистического научного знания авторы выявили следующие закономерности:

Из всего многообразия функций языка для термина в заголовке лингвистической диссертации выделяются шесть функций: **ориентирующая, интегрирующая, коммуникативная, когнитивная, метаязыковая, аккумулятивная**. Эти функции выстраиваются в следующей иерархии: высшей, объединяющей все остальные функции, является ориентирующая функция, которая указывает на принадлежность термина к определенной предметной области. Интегрирующая функция отражает способность термина расширять лингвистическое знание на базе современного научного знания. Коммуникативная и когнитивная выступают как базовые функции, а метаязыковая и аккумулятивная — как две добавочные.

Установление области знания и языковых функций для каждого термина позволило выявить функциональный потенциал для четырех типов терминов — **лингвистического, нелингвистического, межсистемного и квази-термина**. Так, лингвистические термины проявили себя как многофункциональные и обладающие большим потенциалом внутреннего интегрирования лингвистического знания. Нелингвистические и межсистемные термины напрямую продемонстрировали внешнюю интеграцию и показали, что наиболее активно лингвистическое знание интегрируется с гуманитарными сферами, такими как философия, литературоведение, социология, методика преподавания, психология и семиотика. Квази-термины выполнили роль «посредника» между специалистами

разных областей науки, реализуя в себе важную коммуникативную функцию.

При исследовании функциональных параметров языковой личности, таких как средства выражения оценки, интертекстуальные элементы, ключевые метафоры, обнаруживается, что они находятся в связи с важнейшими компонентами языковой личности, относящимися к системе ее жизненных ценностей, включая духовные аспекты, отраженные в языке (ценностная составляющая); уровню освоения культуры (культурологическая составляющая), а также личностными особенностями. Преобладание в речи В. Т. Спивакова эмоционально-оценочной лексики позитивного характера, богатый и активно используемый арсенал интертекстуальных единиц, источником которых являются тексты неоспоримой литературной, духовной, эстетической ценности, творческое отношение к метафорам как средству интерпретации важнейших понятий и многое другое, что может быть предметом дальнейшего рассмотрения, приводит к выводу о том, что В. Т. Спиваков принадлежит к элитарной культуре.

При исследовании и тестировании функциональных параметров сгенерированных текстов и коммуникативных моделей были использованы традиционные стандарты лингвистики текста, теории мимезиса, а также составляющие коммуникативной модели Р. О. Якобсона.

Тестирование 140 текстов и изображений выявило измерительный и объяснительный потенциал параметров Р. де Богранда и Дреслера, а также коммуникативных функций из модели Р. О. Якобсона для оценки генерированных текстов. Различия в содержании референта в языковых знаках естественного языка и Большой языковой модели обуславливают расхождения в выражении **реферативной** и **металингвальной** функций, конативной функции (усвоения), параметров ИНФОРМАТИВНОСТЬ и СИТУАТИВНОСТЬ, а также большинство искажений или галлюцинаций.

Установленные в моделях фильтры на преодоление токсичности, а также доминирование нормативности приводят к

дисбалансу текстовых оппозиций, а при переводе к смысловым искажениям. Все это, в свою очередь, обуславливает функциональную недостаточность генерируемых текстов.

Во всех сгенерированных на основе текста изображений наблюдается функциональная недостаточность на уровне референции (по сути, вторичной, поскольку реализуются типы мимезиса, как подражание результату и подражание цели). Реферативная функция реализуется безотносительно социокультурного контекста.

Авторы считают, что потенциал функционального анализа не исчерпывается проведенным исследованием. При привлечении дополнительных сфер могут проявиться дополнительные параметры как когнитивных, так и коммуникативных, холистических, а также генеративных функций.

Выводы

Прежде всего, отметим потенциал параметров де Богранда и Дреслера, а также коммуникативных функций из модели Р. О. Якобсона для оценки генерированных текстов.

Различия в содержании референта в языковых знаках естественного языка и Большой языковой модели обуславливают расхождения в выражении реферативной и металингвальной функций, конативной функции (усвоения), параметров *информативность* и *ситуативность*, а также большинство искажений или галлюцинаций.

Установленные в моделях фильтры на преодоление токсичности, а также этические нормы приводят к дисбалансу текстовых оппозиций, а при переводе к смысловым искажениям.

В сгенерированных текстах наиболее четко проявляются параметры *когезия* и *когерентность*, т. е. все они являются логически, лексически, грамматически и семантически связанными, что дает возможность использовать их в лингводидактических целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азов, А. В. Проблема нового интегративного знания : обзор дискуссий / А. В. Азов. — Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 6 (105). — С. 32–325.

Алексеева, Л. М. Перевод как рефлексия деятельности / Л. М. Алексеева. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 1. — С. 45–51.

Алексеева, М. Л. Специфика построения электронного диахронического словаря-справочника / М. Л. Алексеева. — Текст : непосредственный // *Life beyond Dictionaries* : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С. 170–173.

Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря : новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медниковой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1. — С. 6–17. — Текст : непосредственный.

Арискина, О. Л. Ориентация как атрибут терминологического знака / О. Л. Арискина. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 133. — С. 93–99.

Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. — Ленинград : Просвещение, 1973. — 303 с. — Текст : непосредственный.

Ачкасов, А. В. Англоязычная терминология локализации / А. В. Ачкасов. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2019. — № 194. — С. 80–88.

Базылев, В. Н. *Fidelity in translation* (точность перевода) / В. Н. Базылев, И. В. Войнич. — Текст : непосредственный // Основные понятия англоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. — Москва, 2011.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : пер. с фр. / Ш. Балли. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с. — Текст : непосредственный.

Белозёрова, Н. Н. Когнитивные модели дискурса / Н. Н. Белозёрова, Л. Е. Чуфистова. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

Белозерцев, А. В. Коммуникативно-функциональная модель перевода : личностно-ориентированный подход / А. В. Белозерцев. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 25. — С. 135–141.

Бергер М. Г. Лингвистические требования к термину / М. Г. Бергер. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 1965. — № 3. — С. 64–68.

Бердяев, Н. А. Душа России // Н. А. Бердяев. — Текст : непосредственный // Судьба России. — Москва : Издательство Саратовского государственного университета, 1990. — С. 3–29.

Богомолов, Н. А. Так ли просты стихи Окуджавы? / Н. А. Богомолов. — Текст : непосредственный // Мир Высоцкого : Исследования и материалы. — Москва : Государственный культурный центр-музей В. С. Высоцкого, 2001. — Вып. V. — С. 529–544.

Бойко, С. С. Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система : дис. ... канд. филол. наук / С. С. Бойко. — Москва : Московский государственный университет, 1999. — 193 с. — Текст : непосредственный.

Борисенко, И. И. Новый русско-английский юридический словарь / И. И. Борисенко, В. В. Саенко. — Москва : РУССО, 2005. — 640 с. — Текст : непосредственный.

Бродский, И. А. Сочинения Иосифа Бродского : в 3 т. / И. А. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1994. — Т. 3. — 448 с. — Текст : непосредственный.

Быков, Д. Л. Булат Окуджава. Серия : Жизнь замечательных людей / Д. Л. Быков. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 499 с. — Текст : непосредственный.

Валеева, Н. Г. Теория перевода : культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты / Н. Г. Валеева. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2018. — 244 с. — Текст : непосредственный.

Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. Ван Дейк ; сост. В. В. Петрова. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с. — Текст : непосредственный.

Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1975. — С. 53–87.

Водяха, С. А. Психологическая диагностика достоинств личности / С. А. Водяха. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 2. — С. 13–16.

Вознесенская, М. М. Интертекстуальный тезаурус современного русского языка : парадигматические отношения интертекстуальных единиц / М. М. Вознесенская, О. В. Фокина, Е. Я. Шмелева. — Текст : непосредственный // Лексикография цифровой эпохи : сборник материалов Международного симпозиума, 24–25 сентября 2021 г. — Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. — С. 63–65.

Вознесенский, А. А. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / А. А. Вознесенский. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского дома : Вита Нова, 2015. — Т. 1. — 536 с. ; Т. 2. — 460 с. — Текст : непосредственный.

Волков, С. М. Диалоги с Владимиром Спиваковым / С. М. Волков. — Москва : АСТ, 2017. — 319 с. — Текст : непосредственный.

Гвоздев, А. В. Звукоизвлечение на скрипке в связи с задачами художественного исполнения / А. В. Гвоздев. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 151. — С. 173–183.

Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Голуб, В. Я. Анализ и сопоставление лирических стихотворений / В. Я. Голуб, И. Я. Чернухина. — Борисоглебск, 1990. — 142 с. — Текст : непосредственный.

Гукасова, М. М. Персона как медийный феномен социокультурного процесса / М. М. Гукасова. — Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8, № 1, ч. 2. — С. 135–139.

Демьянков, В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. / В. З. Демьянков. — 2003. — URL: http://www.infolex.ru/Funcfull.html#_bb207. — Текст : электронный.

Денисов, К. М. Сопоставительный анализ справочников фонетической терминологии как основа создания словаря нового поколения / К. М. Денисов. — Текст : непосредственный // Life beyond dictionaries :

материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С. 126–129.

Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. — Москва : Русский язык, 1980. — 251 с. — Текст : непосредственный.

Денисов, П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. — Москва : Московский государственный университет, 1974. — 255 с. — Текст : непосредственный.

Димитров, Д. Kandinsky 3.0 — новая модель генерации изображений по тексту / Д. Димитров. — URL: <https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/775590>. — Текст : электронный.

Дроздова, Т. В. Ориентирующая функция термина : метакогнитивный аспект / Т. В. Дроздова. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Издательский дом Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 33–41.

Дрофа, С. Ю. Семантические и магические функции языка / С. Ю. Дрофа. — Текст : непосредственный // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2015. — № 3 (34). — С. 74–79.

Дубовский, Ю. А. Становление лексикографии в отечественном языкознании / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская. — Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2014. — Т. 16, № 2–1. — С. 166–171.

Еременко, Е. Г. Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе / Е. Г. Еременко. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия : Русская классика : динамика художественных систем. — 2012. — № 6. — С. 130–140.

Зацман, И. М. Семантический словарь системы информационного мониторинга в сфере науки : задачи и функции / И. М. Зацман, О. С. Кожунова. — Текст : непосредственный // Системы и средства информатики. — 2007. — Т. 17, № 1. — С. 124–141.

Золотарева, Л. А. Функциональный подход к лексикографическому описанию фразеосхем русского языка / Л. А. Золотарева. — Текст : непосредственный // Филология и культура. — 2019. — № 4 (58). — С. 23–29.

Иван Иванович Шишкин. 1832—1898. Картины, рисунки и акварели, гравюры из фондов Русского музея / под ред. С. Криводеченкова [и др.]. — Санкт-Петербург : Palace Edition, 2020. — 158 с.

Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 337 с. — Текст : непосредственный.

Ильющеня, Т. А. Параметры переводного учебного глоссария английских компьютерных глагольно-именных терминосочетаний / Т. А. Ильющеня, В. Д. Табанакова. — Текст : непосредственный // Новое в теории и практики лексикографии : синхронный и диахронный подходы : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2009 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2009. — С. 247–250.

Казакова, И. Н. Элитарная языковая личность в портретном интервью : аспекты коммуникативного поведения / И. Н. Казакова. — Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — С. 36–39.

Как работать над терминологией : основы и методы. По трудам Д. С. Лотте / под ред. С. И. Коршунова [и др.]. — Москва : Наука, 1968. — 76 с. — Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — 6-е изд. — Москва : URSS, 2007. — 264 с. — Текст : непосредственный.

Карпова, О. М. Английская лексикография / О. М. Карпова. — Москва : Академия, 2010. — 176 с. — Текст : непосредственный.

Колокольцева, Т. Н. Специфика портретного интервью творческой личности / Т. Н. Колокольцева. — Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2018. — № 9 (132). — С. 105–111.

Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — 2-е изд., испр. — Москва : Р. Валент, 2011. — 408 с. — Текст : непосредственный.

Кондрашов, Н. А. Пражский лингвистический кружок : сборник статей / Н. А. Кондрашов. — Москва : Прогресс, 1967. — 560 с. — Текст : непосредственный.

Кочеткова, Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Кочеткова. — Саратов, 1999. — 53 с. — Текст : непосредственный.

Краснопеева, Е. С. Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2023. — Т. 12, № 8. — С. 156–178.

Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 1. — С. 5–12.

Кубрякова, Е. С. О новых задачах в изучении функций словообразования / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Функциональные аспекты словообразования : доклады IX Международной научной конференции по славянскому словообразованию. — Минск : Минский государственный педагогический университет, 2006. — С. 141–147.

Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. : (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Язык и наука конца XX в. — Москва, 1995. — С. 144–238.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка и познания / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 555 с. — Текст : непосредственный.

Кувшинова, А. В. Модель англо-русского словаря предметной области «текстильное дело» / А. В. Кувшинова. — Текст : непосредственный // Современная лексикография : глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. — С. 137–140.

Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. — 3-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2011. — 840 с. — Текст : электронный.

Купчик, Е. В. «С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга...» Б. Окуджава и В. Спиваков : два посвящения / Е. В. Купчик. — Текст : непосредственный // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2002. — Ч. 2. — С. 113–121.

Купчик, Е. В. Проявления интертекстуальности в речи В. Т. Спивакова : к характеристике языковой личности / Е. В. Купчик. — Текст :

непосредственный // Пушкинские чтения-2020. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : материалы XXV Международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Издательство Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2020. — С. 350–357.

Лингвистическое моделирование : монография. — Тюмень : Вектор Бук, 2009. — 186 с. — Текст : непосредственный.

Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина. — Текст : непосредственный // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сборник научных трудов. — Москва, 2008. — С. 40–48.

Лукина, Л. В. Оптимальный словарь для переводчиков : миф или реальность? / Л. В. Лукина, М. А. Стернина. — Текст : непосредственный // Новое в теории и практики лексикографии : синхронный и диахронный подходы : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2009 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2009. — С. 134–138.

Лукманова, Р. Х. Гармония как философская категория / Р. Х. Лукманова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского государственного университета. — 2012. — Т. 17. — С. 645–649.

Лутцева, М. В. Из опыта создания англо-русского словаря юридических терминов / М. В. Лутцева. — Текст : непосредственный // Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция 12–14 сентября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С. 191–194.

Лысякова, А. А. Коммуникативно-функциональный подход к описанию переводческой стратегии / А. А. Лысякова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2022. — № 4. — С. 42–51.

Львовская, З. Д. Современные проблемы перевода : пер. с исп. / З. Д. Львовская. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 224 с. — Текст : непосредственный.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с. — Текст : непосредственный.

Маленова, Е. Д. Креативные практики в переводе / Е. Д. Маленова. — Текст : непосредственный // Перевод и культура : взаимодействия.

ствие и взаимовлияние : тезисы третьей Международной научной конференции. — Вологда : Вологодский государственный университет ; Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет, 2018. — С. 53–55.

Маник, С. А. Переводной словарь общественно-политической лексики : проблема передачи лексического значения / С. А. Маник. — Текст : непосредственный // Новое в теории и практики лексикографии : синхронный и диахронный подходы : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2009 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2009. — С. 138–141.

Молчанова, Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности / Г. Г. Молчанова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 3. — С. 9–21.

Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Морковкин. — Москва, 1990. — 72 с. — Текст : непосредственный.

Никошкова, Е. В. Англо-русский словарь по психологии / Е. В. Никошкова. — Москва : РУССО, 2006. — 352 с. — Текст : непосредственный.

Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1. — 832 с. — Текст : непосредственный.

Носонович, Е. В. Параметры аутентичного учебного текста / Е. В. Носонович, Р. П. Мильруд. — Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. — 1999. — № 2. — С. 8–12.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Оникс, 2010. — 640 с. — Текст : непосредственный.

Окуджава, Б. Ш. Песни Булата Окуджавы / Б. Ш. Окуджава. — Москва : Музыка, 1989. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Окуджава, Б. Ш. Я никому ничего не навязывал... / Б. Ш. Окуджава ; сост. А. Петраков. — Москва, 1997. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Ополовникова, М. В. Семантика частиц в электронных контекстных многоязычных словарях / М. В. Ополовникова. — Текст : непосредственный // Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция, 12–14 сен-

тября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С.197–200.

Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. / Н. В. Павлович. — Москва : Эдиториал УРСС, 1999. — Т. 1. — 848 с. — Текст : непосредственный.

Паршин, П. Б. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике : в 2 т. / П. Б. Паршин, А. Н. Баранов [и др.] ; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Азбуковник, 2001. — 640 с. — Текст : непосредственный.

Перевалов, А. Н. Интегративные знания как путь межвузовского сотрудничества в условиях международных санкций / А. Н. Перевалов. — Текст : непосредственный // Человеческий капитал. — 2019. — № 6 (126), ч. 2. — С. 64–68.

Поцыбина, Е. П. Принципы создания англоязычного словаря-гlossария для обучения языку специальности студентов политологов / Е. П. Поцыбина. — Текст : непосредственный // Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция 12–14 сентября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С. 202–206.

Пришвин, М. М. Крутоярский зверь : собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 1. — С. 595–602. — Текст : непосредственный.

Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — 2-е изд. — Москва : Наука, 1969. — 168 с. — Текст : непосредственный.

Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической : пер. с нем. / Э. Прунч. — Москва : Р. Валент, 2015. — 512 с. — Текст : непосредственный.

Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс. — Текст : непосредственный // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — Москва : Международные отношения, 1978. — С. 202–228.

Ремхе, И. Н. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 3 (461). — С. 105–114.

Ремхе, И. Н. К вопросу о когнитивной сущности понимания как этапа переводческого процесса / И. Н. Ремхе. — Текст : непосредственный

ный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 1 (19). — С. 148–151.

Ремхе, И. Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Ремхе. — Челябинск, 2021. — 347 с. — Текст : непосредственный.

Ремхе, И. Н. Матричная модель перевода : новый взгляд на структуру когнитивного моделирования в переводоведении / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 1. — С. 79–90.

Ремхе, И. Н. Матричное представление переводческого процесса. Синергетический подход / И. Н. Ремхе. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 26. — С. 396–400.

Ремхе, И. Н. Моделирование перевода с позиции когнитивно-деятельностного переводоведения / И. Н. Ремхе. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 5. — С. 1658–1662.

Российская государственная библиотека. Электронная библиотека : Библиотека диссертаций. — URL: <https://diss.rsl.ru/?menu=catalog&lang=ru>. — Текст : электронный.

Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса : от понятия к слову / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев. — Москва : Наука, 1982. — 564 с. — Текст : непосредственный.

Рычкова, Л. В. Многоязычные базы данных в терминологии и терминографии / Л. В. Рычкова. — Текст : непосредственный // Современная лексикография : глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. — С. 157–160.

Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий — переосмысление перевода / В. В. Сдобников. — Текст : непосредственный // Военно-гуманитарный альманах : материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации, Москва, 24–22 июня 2022 г. / под общ. ред. Н. В. Иванова. — Москва : Военный университет, 2022. — С. 60–75.

Сдобников, В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Сдобников. — Москва, 2016. — 492 с. — Текст : непосредственный.

Сдобников, В. В. Новые тенденции в переводоведении / В. В. Сдобников. — Текст : непосредственный // Казанский вестник молодых ученых. — 2018. — Т. 2, № 4 (7). — С. 72–79.

Сдобников, В. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. — Москва : ВКН, 2020. — 512 с. — Текст : непосредственный.

Сиротинина, О. Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь / О. Б. Сиротинина. — Текст : непосредственный // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2001. — С. 222–228.

Словарь современной экономической теории Макмиллана. — Москва : ИНФРА, 1997. — 608 с. — Текст : непосредственный.

Словарь-гlossарий общегеографических терминов : в 2 т. / ред. Л. Д. Стамп. — Москва : Прогресс, 1975. — 808 с. — Текст : непосредственный.

Слюсарева, Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. — Москва : Наука, 1981. — 206 с. — Текст : непосредственный.

Смирнова, Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения : системный и функциональный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Смирнова. — Смоленск, 2013. — 51 с. — Текст : непосредственный.

Соколова, И. А. Авторская песня : от фольклора к поэзии / И. А. Соколова ; Государственный культурный центр-музей В. С. Высоцкого. — Москва : Благотворительный Фонд Владимира Высоцкого, 2002. — 292 с. — Текст : непосредственный.

Солодилова, И. А. Функционализм : подход или парадигма? / И. А. Солодилова, И. В. Гуляева. — Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета : Филологические науки. — 2018. — № 9 (132). — С. 100–105.

Спиваков, В. Т. Владимир Спиваков. Мимолетности / В. Т. Спиваков. — Москва : Музыка, 2004. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Стернин, И. А. Эмоция и оценка в семантике слова / И. А. Стернин, Д. Ю. Просовецкий. — Текст : непосредственный // Мир лингвистики и коммуникации. — 2018. — № 4. — С. 75–96.

Суздальцева, В. Н. Оценочная лексика в политическом дискурсе : семантико-стилистические разряды, воздействующий результат / В. Н. Суздальцева. — Текст : непосредственный // Стилистика сегодня

ня и завтра : материалы конференции / под ред. Н. Н. Василькова [и др.]. — Москва, 2014. — Ч. 2. — С. 324–326.

Табанакова, В. Д. Словарь «Мультитран» как свернутая функциональная модель семантики, синтактики и прагматики термина / В. Д. Табанакова. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. — 2015. — Т. 1, № 2. — С. 78–88.

Табанакова, В. Д. Типология словарей сегодня / В. Д. Табанакова, Н. А. Сивакова. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. — 2003. — № 4. — С. 114–120.

Табанакова, В. Д. Функциональная вариативность специального переводного словаря / В. Д. Табанакова. — Текст : непосредственный // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах : материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2005 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2005. — С. 272–275.

Табанакова, В. Д. Функциональная модель переводного специального словаря / В. Д. Табанакова, М. А. Ковязина. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета. — 2006. — № 4. — С. 158–165.

Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. — 284 с. — Текст : непосредственный.

Токмакова, С. Е. Эволюция языковых средств передачи оценки и эмоций : на материале литературной сказки XVIII–XXI в. : дис. ... канд. филол. наук / С. Е. Токмакова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2015. — 211 с. — Текст : непосредственный.

Универсальный энциклопедический словарь / под ред. А. Р. Gor-kin. — Москва : Большая российская энциклопедия, 1999. — 1551 с. — Текст : непосредственный.

Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — Москва : Гардарики, 2004. — 1072 с. — Текст : непосредственный.

Фуко, М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — Санкт-Петербург : А-cad, 1994. — 407 с. — Текст : непосредственный.

Функционально-когнитивный словарь русского языка : Языковая картина мира / под общ. ред. проф. Т. А. Кильдибековой. — Москва : Гнозис, 2013. — 676 с. — Текст : непосредственный.

Хакимова, Г. Ф. Функционально-когнитивный потенциал словарей тезаурусного типа / Г. Ф. Хакимова, Х. Н. Исмагилова. — Текст : непосредственный // Филологические науки : состояние, перспективы, новые парадигмы исследований : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А. Р. Мухтаруллина. — Уфа, 2021. — С. 185–191.

Холопова, В. Н. Но и мелодия — любовь. Владимир Спиваков / В. Н. Холопова. — Москва : Альтекс, 2010. — 224 с. — Текст : непосредственный.

Хомутова, Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т. Н. Хомутова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 35. — С. 142–151.

Худякова, О. С. Уровни ориентирующего воздействия специфических языковых структур и единиц в китайскоязычной блогосфере / О. С. Худякова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 137–159.

Чистова, Е. В. Модель экологичного управления когницией в цифровом переводе / Е. В. Чистова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. — 2021. — № 3. — С. 46–59.

Чумарина, Г. Р. Функции современных электронных словарей татарского языка и исследовательские возможности при использовании информатизированных и бумажных словарей / Г. Р. Чумарина. — Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. — 2014. — № 2 (7). — С. 33–35.

Швейцер, А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 215 с. — Текст : непосредственный.

Шестакова, Е. В. Антропоцентризм как принцип исследования лексических и фразеологических единиц русского языка / Е. В. Шестакова, Л. П. Юздова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 6 (428). — С. 203–209.

Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. — Москва : Просвещение, 1977. — 335 с. — Текст : непосредственный.

Шраговиц, Е. Б. Два старых пиджака, Или о чем Окуджава написал песню «Старый пиджак» / Е. Б. Шраговиц. — Текст : непосредственный // Вопросы литературы. — 2013. — № 2. — С. 351–363.

Щерба Л. В. Предисловие к русско-французскому словарю / Л. В. Щерба. — Текст : непосредственный // Языковая система и речевая деятельность. — Москва : Наука, 1974. — С. 304–312.

Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. — Текст : непосредственный // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1985. — Т. 1. — С. 54–92.

Эллис. Стихотворения / Эллис. — Томск : Водолей, 2000. — 288 с. — Текст : непосредственный.

Юзефович, Н. Г. Двухязычный словарь политического лексикона в интерлингвокультурной парадигме / Н. Г. Юзефович. — Текст : непосредственный // Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново — Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. — С. 224–227.

Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон. — Текст : непосредственный // Структурализм : «за» и «против». — Москва : Прогресс, 1975. — 468 с.

Якобсон, Р. О. Работы по поэтике : переводы / Р. О. Якобсон. — Москва : Прогресс, 1987. — 460 с. — Текст : непосредственный.

Ba, Z. A hierarchical approach to analyzing knowledge integration between two fields — A case study on medical informatics and computer science / Z. Ba, Y. Cao, J. Mao, G. Li. — Text : direct // Scientometrics. — 2019. — № 119 (11). — P. 1455–1486. — URL: <https://doi.org/10.1007/s11192-019-03103-1>.

Borgman Ch. L. The convergence of information science and communication : A bibliometric analysis / Ch. L. Borgman, R. E. Rice. — Text : electronic // Journal of the American Society for Information Science. — 1992. — Vol. 43 (6). — P. 397–411. — URL: <https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/health-jones-borgman-1992.pdf>.

Bush, V. As We May Think / V. Bush. — 1945. — URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881>. — Text : electronic.

Chistova, E. V. Eco-cognitive model of translation activity : Methodological boundaries and perspectives / E. V. Chistova. — Text : direct // Синергия языков и культур 2021 : междисциплинарные исследования, 23–24 сентября 2021 г. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 116–128.

De Beaugrande, R.-A. Introduction to Text Linguistics / R.-A. de Beaugrande, W. U. Dressler. — London : Longman, 1981. — 270 p. — Text : direct.

De Beaugrande, W. Introduction to Text Linguistics / W. De Beaugrande, U. Dressler. — London, 2016. — 286 p. —Text : direct.

Dunne, K. J. Localization / K. J. Dunne. — Text : direct // Routledge Encyclopedia of Translation Technology / ed. by Sin-Wai Chan. — Routledge, 2015. — P. 550-562.

Engerer, V. Exploring interdisciplinary relationships between linguistics and information retrieval from the 1960s to today / V. Engerer. — Text : direct // Journal of the American Society for Information Science and Technology. — 2017. — № 68 (3). — P. 660-680. — URL: <https://doi.org/10.1002/asi>.

Fine Dictionary. — URL: <https://www.finedictionary.com>. — Text : electronic.

Gupta, S. Analyzing the dynamics of research by extracting key aspects of scientific papers / S. Gupta, C. Manning. — Text : direct // Proceedings of the International Joint Conference on Natural Language Processing. — 2011. — P. 1-9.

Gutt, E. Translation and Relevance : Cognition and Context / E. Gutt. — London : Routledge, 2000. — 284 p. — Text : direct.

Halliday, M. A. K. Cohesion in English. English Language Series / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — Text : direct. — London : Longman. 1976. — P. 1-2.

Halliday, M. A. K. Language and Social Man. Series 2 / M. A. K. Halliday. — London : Longman for the Schools Council, 1974. — Vol. 3. — Text : direct.

Halliday, M. A. K. Language as social semiotic : Towards a general sociolinguistic theory / M. A. K. Halliday. — Text : direct // The First LACUS Forum / ed. by Makkai, & Makkai. — Columbia, South Carolina : Hornbeam Press, 1975. — P. 17-46.

Halliday, M. A. K. The Linguistic Sciences and Language Teaching / M. A. K. Halliday, A. McIntosh, P. Stevens. — London : Longmans, 1964. — P. xix + 322. — Text : direct.

Halliday, M. A. K. Functional diversity in language as seen from a consideration of modality and mood in English / M. A. K. Halliday. — Text : direct // Foundations of Language. — 1970. — № 6 (3). — P. 322-361.

Halliday, M. A. K. Options and functions in the English clause / M. A. K. Halliday. — Text : direct // Brno Studies in English. — 1969. — Vol. 8, iss. 1. — P. 81–88.

Holz-Mänttäri, J. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode / J. Holz-Mänttäri. — Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia, 1984. — 193 s. — Text : direkt.

Hönig, H. G. Konstruktives Übersetzen / H. G. Hönig. — Tübingen : Stauffenburg, 1995. — 195 s. — Text : direkt.

Jakobson, R. Language in Literature / R. Jakobson ; ed. by K. Pomorska, S. Rudy. — London : The Balknap Press of Harvard UP, 1987. — P. 62–94. — Text : direct.

Kondo, T. Technical trend analysis by analyzing research papers' titles / T. Kondo, H. Nanba, T. Takezawa, M. Okumura. — Text : direct // Human Language Technology. Challenges for Computer Science and Linguistics. — 2009. — Vol. 6562. — P. 512–521. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-20095-3_47.

Kuroda, S.-Y. Some thoughts on the foundations of the theory of language use / S.-Y. Kuroda. — Text : direct // Linguistics and Philosophy. — 1979. — Vol. 3. — P. 1–17.

Kussmaul, P. Training the Translator / P. Kussmaul. — John Benjamins Publishing, 1995. — 178 p. — Text : direct.

McIntosh, C. Make me a match : Putting learners in touch with dictionaries / C. McIntosh. — Text : direct // Dictionary News. — 2013. — № 21. — P. 8–9.

Munday, J. Introducing Translation Studies. Theories and Applications / J. Munday. — London : Routledge, 2008. — 324 p. — Text : direct.

Neubert, A. Postulates for a theory of translation / A. Neubert. — Text : direct // Cognitive Processes in Translation and Interpreting / ed. by J. Danks [et al.]. — Thousand Oaks : Sage Publications, 1997. — P. 1–24.

Newmark, P. A Textbook of Translation / P. Newmark. — New York [et al.] : Prentice Hall, 1988. — 311 p. — Text : direct.

Nida, E. A. The Theory and Practice of Translation / E. A. Nida, C. R. Taber. — Leiden ; Boston : Brill, 2003. — 218 p. — Text : direct.

Nielsen, S. Function- and user-related definitions in online dictionaries / S. Nielsen. — Text : direct // Ивановская Лексикографическая школа : традиции и инновации : сборник научных статей. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2011. — С. 197–220.

Nord, C. Translating as a purposeful activity : A prospective approach / C. Nord. — Text: direct // Tradterm. — 2005. — № 11 (2). — P. 15–28.

Nord, C. Translating as a Purposeful Activity : Functionalist Approaches Explained by Christiane Nord / C. Nord. — New York : Routledge, 2018. — 152 p. — Text : direct.

Norouzi, A. Evaluating Large Language Models : Methods, Best Practices & Tools / A. Norouzi. — 2023. — 31 авг. — URL: <https://www.lakera.ai/blog/large-language-model-evaluation>. — Text : electronic.

Novakov, P. Linguistic models and bilingual glossaries of linguistic terminology / P. Novakov. — Text : direct // Современная лексикография : глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. — С. 174–177.

Pearsall, J. The future of dictionaries / J. Pearsall. — Text : direct // Dictionary News. — 2013. — № 21. — P. 2–4.

Pym, A. The Moving Text : Localization, Translation, and Distribution / A. Pym. — Amsterdam : Benjamins Translation Library, 2004. — 168 p. — Text : direct.

Reiss, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiss, H. J. Vermeer. — Tübingen : Niemeyer, 1984. — 245 s. — Text : direkt.

Reiss, K. Text Types, Translation Types and Translation Assessment / K. Reiss ; translated by A. Chesterman. — Helsinki : Oy Finn Lectura Ab, 1989. — P. 105. — Text : direct.

Remkhe, I. N. From function to system : Advances in choosing a matrix structure of the translation process / I. N. Remkhe, L. A. Nefedova, D. C. Gillespie. — Text : direct // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2016. — Т. 20, № 3. — С. 230–242.

Remkhe, I. Rethinking the translator's role within the GILT project : An integrated approach / I. Remkhe, L. Nefedova, D. Gillespie. — Text : direct // Russian Journal of Linguistics. — 2017. — № 21 (4). — P. 910–926.

Richards, J. C. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics / J. C. Richards, R. Schmidt, H. Kendricks, Y. Kim. — London : Pearson Education, 2002. — 595 p. — Text : direct.

Routledge encyclopedia of translation studies / ed. by M. Baker. — London ; New-York, 2001. — 900 p. — Text : direct.

Rundell, M. Redefining the dictionary : From print to digital / M. Rundell. — Text : direct // Dictionary News. — 2013. — № 21. — P. 5–7.
Science Dictionary. — URL: <https://www.thesciencedictionary.com>. — Text : electronic.

Seleskovitch, D. Interpréter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer. — Paris : Didier erudition, 1984. — 311 p. — Text : direct.

Shakespeare, W. The Tragedy of Julius Caesar. Shakespeare-Riverside / W. Shakespeare. — Text : direct // Полное энциклопедическое собрание сочинений. — Москва : Мультимедиа-издательство «Адепт», 2003.

Steinbeck, J. Cannery Row / J. Steinbeck. — URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.207559/2015.207559.Cannery-Row_djvu.txt. — Text : electronic.

Venuti, L. The Translator's Invisibility / L. Venuti. — New-York : Routledge, 1995. — 353 p. — Text : direct.

Vermeer, H. J. Aufsätze zur Translationstheorie / H. J. Vermeer. — Heidelberg : Groos, 1983. — 215 s. — Text : direkt.

Vermeer, H. J. Übersetzen als kultureller Transfer / H. J. Vermeer ; ed. by M. Snell-Hornby. — Text : direkt // Übersetzungswissenschaft. Eine Neuorientierung. — 2. Aufl. — Tübingen [u. a.], 1986. — S. 30–53.

Visual Dictionary. — URL: <http://www.visualdictionaryonline.com>. — Text : electronic.

Werlich, E. A Text Grammar in English / E. Werlich. — Text : direct. — Heidelberg : Quelle & Meyer, 1976. — P. 23

Wilkin, P. Chomsky and Foucault on human nature and politics : An essential difference? / P. Wilkin. — Text : electronic // Social Theory and Practice. — 1999. — Vol. 25, № 2. — P. 177–210. — URL: <http://www.jstor.org/stable/23559137>.

Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. — Oxford : Blackwell ; New-York : Macmillan, 1953. — 250 p. — Text : direct.

Yu, H. A review of M. A. K. Halliday, aspects of language and learning / H. A. Yu. — Text : direct // Functional Linguist. — 2016. — Vol. 3, № 10. — P. 1–3. — URL: <https://doi.org/10.1186/s40554-016-0034-0>.

Zudin, A. Paragon software : Turning gigantic print reference content into light-weight apps with cutting-edge features / A. Zudin. — Text : direct // Dictionary News. — 2013. — № 21. — P. 14–15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозёрова Наталья Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: семиолингвистика, теории дискурса и текста, нейролингвистика и компьютерная лингвистика.

Дрожащих Наталия Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: филогенез языка, теория дискурса, компьютерная лингвистика.

Купчик Елена Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: семиолингвистика, теории дискурса и текста.

Нефедова Лилия Амиряновна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Сфера научных интересов: когнитология, имплицитность, переводоведение, гендерные исследования, лингвоперсонология.

Остапенко Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной и теоретической лингвистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: лингводидактика, билингвизм, теория обучения, педагогический менеджмент.

Ремхе Ирина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Сфера научных интересов: когнитивное переводоведение, моделирование процесса перевода, стратегии перевода, информационные технологии в переводе, когнитивная лингвистика.

Табанакowa Вера Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: общее и прикладное терминоведение, общая и специальная лексикография, лексикология и лексическая семантика, лингвокультурология, лингвистическое моделирование, переводоведение, семиолингвистика, когнитивная лингвистика.

Федюченко Лариса Григорьевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов: лингвистическое моделирование, прикладное терминоведение.

Научное издание

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Монография

Редактор

М. О. Сафонова

Верстка

С. Ф. Обрядова

Обложка

Е. Г. Шмакова

Печать

А. В. Башкиров

Подписано в печать 25.12.2023. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 11,63. Тираж 50 экз. Заказ 461.

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-78
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru